

Современно

Современно

...возрастающей степени — х
...в эксплуатацию отраслевых к
...ых систем, обеспечивающих благоприят
производственные условия, снижение оборотч
потерь и потерь, возникающих при хранен
сельскохозяйственной продукци
Машины и установки, изготовленные на предпри
тиях и заводах Треста сельхозмашиностроения
шиши, широко используются в растениеводстве,
в садоводстве и виноградарстве, а также при выра
щивании огородных культур. Они являются не
заменимыми средствами к и крупном произ
водстве, так и небольших хозяйственных помощ
ствах, и служат надежными и полезными помощ
азо.
...раб
...и где н
...меющего
...овочия мо

уральский

Следопыт

№2 * 1982**

АРКТИКА

ждет исследователей

В детстве многие бредят Севером. Кто из нас — пусть в своем воображении — не карабкался по заснеженным торосам, не мчался на собачьих упряжках по упругому насту, не перепрыгивал с замирающим сердцем через коварную трещину! Насколько обедненным выглядело бы наше детство, не будь рядом героев Джека Лондона или каверинских «Двух капитанов».

Иным, более расширенным — не столько в географическом, сколько в экономическом и социальном плане — стало в наши дни понятие Север. В глухих местах, куда раз в году нечаянно забредал охотник или геолог, сейчас выросли города и поселки нефтяников. Радостный парадокс XX века — районы вечной мерзлоты дают жителям уральских и европейских городов свет и тепло. Тысячи людей, и среди них самый большой отряд посланцев комсомола, избрали север страны своим постоянным местом жительства.

Но есть, остается и тот Север — в традиционном значении слова, ждущий своих исследователей. Только ленивым умам кажется, что в век НТР, в век растущего всемогущества техники все тропинки на белом свете хожены-перехожены. «Уральский следопыт» [№ 8 за 1981 год] уже писал о первопроходческой экспедиции «Комсомольской правды» на Северный полюс. Семеро смельчаков, пройдя на лыжах более полутора тысяч километров, первыми из пешеходов за всю историю человечества достигли желанной точки.

Экспедицию возглавлял Дмитрий Шпаро. Кандидат технических наук, он всерьез и на всю жизнь «заболел» Севером. В 1970 году, как свидетельствуют его товарищи, он попал на мыс Челюскина. Мела пурга, в двух шагах ничего не было видно, а он глядел на океан, туда, где лежит Северная Земля. На следующий год он попал на Северную Землю. И снова — взгляд на север. Цель — Северный полюс. Но, чтобы достичь его, ему и его друзьям понадобились семь лет подготовки, тренировок, хождений по инстанциям, яростных дискуссий с маловерами. Наверное, главный нравственный итог экспедиции «Комсомольской правды», который может взять на свое вооружение любой читатель журнала, особенно юный, заключается в том, что человек должен ставить перед собой высокие ориентиры и — что неизмеримо важнее — должен уметь достигать, завоевывать их.

Многолетний спутник по походам Дмитрия Шпаро — кандидат географических наук океанолог Александр Шумилов. У него особая роль — историко-географическое обоснование экспедиций. В Московском государственном университете А. Шумилов читает курс истории географических открытий.

Публикуемый в журнале очерк Д. Шпаро и А. Шумилова как раз посвящен одному из белых пятен в истории Арктики — поиску следов экспедиции В. А. Русанова. Авторы убедительно отстаивают свою точку зрения. Но окончательную точку в этом споре ставить рано. Собственно, к этому выводу приходят и авторы.

Арктика ждет новых исследователей!

Очерк «Миф залива Ахматова» читайте на страницах 2—5.

В номере:

Д. Шпаро, А. Шумилов МИФ ЗАЛИВА АХМАТОВА	2
М. Камышев ТОЛЬКО ОДИН ВЫСТРЕЛ	7
А. Абрамов В НЕБЕ — ГРИЦЕВЕЦ	10
Б. Солонин ПЛАЦДАРМЫ ПУШКИНСКИХ ГОР	11
В. Николаев, И. Сахновский, В. Суворов, Г. Шмаков ...И ОТВЕСТИ БЕДУ СМОГУ. Стихи	12
В. Новиков ДО ПЕРВОГО СНЕГА. Повесть. Окончание	14
С. Захаров ЭТИ ДАЛЕКИЕ АВТО...	31
А. Кощеев ЦАРСТВО ФЛОРЫ. Начало	33
Г. Русов 1500 КИЛОМЕТРОВ ПО СЛЕДАМ ИСТОРИИ	41
Ю. Леонов ОЧЕНЬ СТАРЫЙ КОЛОКОЛЬЧИК. Рассказ	45
А. Войскунский ЭВМ У НАС ДОМА	51
И. Вул ЖИВОЙ ГЕРОЙ	55
А. Казанцев ГОВОРЯЩИЙ ХОЛСТ. Рассказ	58
Е. Брандис ЖЮЛЬ ВЕРН: НОВОЕ О СТАРОМ	66
Жюль Верн ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА И ЮНОСТИ	69
Ю. Ключников РУКОПИСНЫЕ КНИГИ	73
С. Белковский СВИДЕТЕЛИ ВЕКОВ	74
П. Коверда ХРЕСТОМАТИЯ ПОЧЕРКОВ	74
В. Пашин МЕСТЬ САТИРИКА	75
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	76
М. Веллер ВРЕМЯИЗМЕНЯТЕЛЬ	78
МИР НА ЛАДОНИ	80

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219,
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны: 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 30.10.81.
НС 11245
Подписано к печати 17.12.81.
Бумага 84×108^{1/16}.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 10,4
Тираж 255 000.
Заказ 411.
Цена 40 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — ри-
сунком З. БАЖЕНОВОЙ.

© «Уральский следопыт» 1982 г

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

№2 * 1982

УРАЛЬСКИЙ

СЛЕДОПЫТ

МИР ЗА

См. 2-ю стр. обложки

**Дмитрий
ШПАРО,
Александр
ШУМИЛОВ**

Фото
В. Леденева

«Светало, но горизонт еще закрывала мгла. И вдруг впереди, немного вправо от курса, я стал различать смутные очертания высокого берега... Я отчетливо видел землю — очертания крутых возвышенностей не менялись, были очень характерны: на горах виднелись снежные пятна». Так было в жизни.

«...Мы заметили резкую серебристую полосу, немало выпуклую, идущую от самого горизонта. Третьего апреля полоска превратилась в матовый щит лунного цвета, а на следующий день мы увидели очень странные по форме облака, похожие на туман, окутавший далекие горы. Я убежден, что это земля». Так было в романе.

Первая запись сделана участником экспедиции на ледокольных пароходах «Таймыр» и «Вайгач» доктором Л. М. Старокадомским 3 сентября 1913 года, в день открытия архипелага Северная Земля.

К неведомой земле суда подошли с востока и, приблизившись к берегу, взяли курс на север, вдоль побережья. На одном из мысов начальник экспедиции Борис Андреевич Вилькицкий поднял российский флаг. Открытая земля была присоединена к России.

Вторая запись — строки из письма Ивана Татарина, одного из главных героев книги «Два капитана» Вениамина Александровича Каверина. Читатель помнит, как, прочитав эти строки, Саня Григорьев воскликнул:

«...Третьего апреля. А Вилькицкий открыл Северную Землю осенью, не помню точно когда, но только осенью, в сентябре или октябре. Осенью, через полгода! Осенью, значит, он ни черта не открыл, потому что она была уже открыта...»

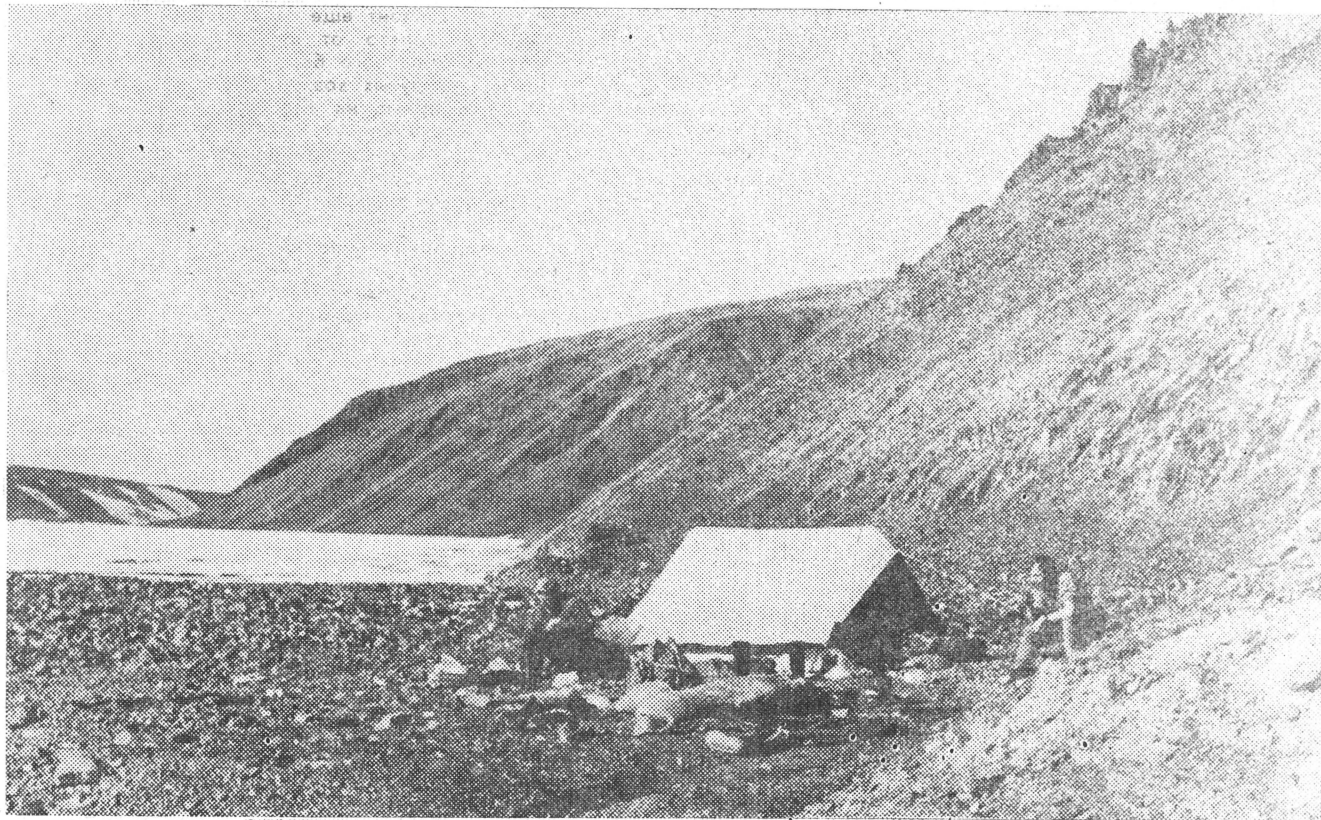
Популярность каверинского романа велика, не одно поколение советской молодежи восторженно зачитывалось им, следило за поисками Григорьева. Обстоятельства открытия Северной Земли, как они изложены в книге, наверное, известны шире, чем то, что было на самом деле, в жизни. В. Каверин нередко получает письма от школьников с вопросом, кто же все-таки открыл Северную Землю — Вилькицкий или Татарин?

Капитан Татарин — это вымышленный персонаж, обобщенный образ. Многие эпизоды романа похожи на реальные события полярных экспедиций Г. Я. Седова и Г. Л. Брусилова. Татарин подло обманули при поставке снаряжения и продуктов — то же было в реальной жизни с Седовым. «Святая Мария» Татарина была затерта льдами и увлечена дрейфом. То же произошло со «Св. Анной» Брусилова. Штурман Климов в романе вернулся на землю, доставив судовой журнал экспедиции. В жизни этот подвиг совершил штурман «Св. Анны» Альбанов. Последние письма Ивана Татарина созвучны дневникам английского исследователя Антарктиды Роберта Скотта. Все это говорит о том, что в романе заложен очень большой подлинный полярный материал.

А вот эпизод, рассказывающий о том, что Северная Земля была открыта еще до того, как на ней побывал Вилькицкий, в романе целиком вымышлен. У В. Каверина не было абсолютно никаких данных считать, что Северную Землю открыл не Вилькицкий, а какой-то другой полярный исследователь. И тут-то начинается самое удивительное. Роман (точнее, первая его часть) был написан В. Кавериним еще в тридцатых годах. А через полтора

ЛИВА АХМАТОВА

десятка лет, точно повторяя эпизод романа, в научной статье было высказано утверждение, что раньше Вилькицкого подошла к Северной Земле экспедиция Русанова.

Это была сенсация. Ведь речь идет об открытии не какого-нибудь крошечного островка, а огромного архипелага, площадь которого равна площади нескольких европейских государств. Открытие Северной Земли называют крупнейшим географическим открытием XX века.

Как возникла русановская гипотеза, интересная и романтическая и все-таки несостоятельная? Ведь этот миф продолжает жить. И уже не в эпизодических публикациях, а в научных сборниках можно встретить утверждение, что Северную Землю открыл... В. А. Русанов.

Все началось с того, что 11 июля 1947 года берегом узкой глубокой бухты, заходящей почти в центр острова Большевик, самого большого на юге архипелага, шел топограф Николай Николаевич Пьянков. Глухие холодные места: куда ни глянь — камни, скалы, лед. И вдруг на галечном пляже — кости. В служебном дневнике он записал: «Ветер до десяти баллов, видимость хорошая. Работать нет возможности — ломает рейки. По пути в палатку залива Ахматова (западный берег) нашел разбро-

санный скелет человека. Правая нога, большая берцовая кость, лопатки».

Цитата взята из статьи М. И. Белова «О предстоящих поисках экспедиции В. А. Русанова» («Проблемы Арктики и Антарктики», 1967, № 25).

Доктор исторических наук профессор М. И. Белов, размышляя о том, где следует искать следы последней экспедиции В. А. Русанова, видимо, задавал себе вопрос: надо ли в предстоящих поисках иметь в виду находку 1947 года на Северной Земле — разбросанный скелет человека? И он делает вывод, что вести поиски пропавшей экспедиции Русанова на Северной Земле не следует, так как нет достаточных оснований думать, что В. А. Русанов здесь побывал.

В поселке Диксон мы познакомились с заведующим отделом гидробазы Павлом Яковлевичем Михаленко. Седой, немолодой, но живой и решительный, он рассказывал:

«Мы прибыли в залив Ахматова на вездеходе ЗИС-5 в мае 1947 года. Было две группы — геодезиста Македонского и топографа Пьянкова. Наша база была в бухте Солнечная на юге острова Большевик. Как раз «напротив»

через пролив Вилькицкого, точно к югу от нас расположились полярники мыса Челюскин.

После окончания полевых работ мы вернулись на базу. Прошло две недели, когда кто-то сказал, что Пьянков в заливе Ахматова обнаружил грот и неподалеку от него останки человека. Я вызвал топографа и попросил написать подробное донесение.

Я напоминал топографу о донесении несколько раз, наконец он принес его...

Этот белый листок, исписанный карандашом, цел. Он хранится в архиве Гидрографического предприятия. Вот его дословный текст:

«12 июля в конце залива Ахматова (зап. берег), по возвращении с работы в сильный ветер около 10 баллов, по пути в палатку, мною были обнаружены человеческие кости, правая голень со ступней и неподалеку от костей консервная банка ржавая, подробно ее не рассматривал, но по ржавчине — старой давности. Круглая, низкая, очевидно, из-под рыбных консервов. Находившийся со мной рабочий Коптяев нашел также в этом месте — разница 20—30 м — около 4-х банок от рыбных консервов около 400 гр. веса.

На другой день по возвращении на место работы я опять встретил другие части скелета — позвонок, столб и лопатка правая, больше я ничего не обнаруживал.

Продвигаясь дальше по зал. Ахматова, на берегу попадались доски с обшивки корабля (точно не могу сказать, но компетентен в судостроении), но логика подсказывает.

Были найдены обугленные дрова, что показывает на давний след костра.

Топогр. Пьянков, 1947 г., г/э о-ва Большевик».

Итак, служебный дневник и докладная записка. Давайте сравним их. Неточности начинаются с этого исходного момента.

О консервных банках, об остатках костра, о досках, найденных неподалеку, в дневнике Пьянкова не было ни слова. В дневнике находка датируется 11 июля, в записке — 12-м.

Третья запись, сделанная Н. Н. Пьянковым, появилась много позднее. Свои «Воспоминания о находке 1947 г. в заливе Ахматова» он написал в 1971 году по просьбе руководства Гидрографического предприятия.

«...В месте крутых обрывов нашли в обрывистом берегу тип грота, вдавалось внутрь обрыва м. на 2—3 и длиной м. 10. В этом гроте укрывались от непогоды. Сразу же южнее грота в глубь берега вдавалась расщелина в виде ущелья, возможно, устье ручья. Галечный пляж окаймлял берег м. на 50—60.

В гроте обратили внимание на консервные банки, одну из них я поднял и почистил, проступили буквы: Fгапсе. В южном углу грота полузанесенное снегом какое-то полусгнившее дерево вроде пробкового, кусок обломился, но это место было под снегом. Против этого края грота, где было дерево, на пляже в 5—10 м находились кости, одну из них взял с собой рабочий и принес в палатку, где был врач Вишневыский, определивший ее.

После установления погоды мы еще прошли южнее км. 8, потом пересекли залив и по восточному берегу вернулись в палатку, больше там ничего не видели.

Все находки были сделаны в «гроте» либо (кости) возле него. Спустя неделю мы снова были в этом месте и продолжали съемку...

16.VI — 1971 г. Пьянков».

Как видите, в воспоминаниях, написанных через 24 года после экспедиции, появляются детали, которых не было ни в дневниковой записке, ни в докладной записке. Все находки, оказывается, сделаны в гроте. В дневниковой записке нет ни слова о консервных банках, в докладной — банки упоминаются, но сказано, что «подробно... не рассматривал». И только в воспоминаниях мы узнаем, что на одной из банок, когда ее почистили, проступила надпись Fгапсе. Другие, казалось бы, весьма важные детали, о которых говорится в докладной, пропа-

дают: обугленные дрова, доски с обшивки корабля и т. д.

Конечно, сейчас можно удивляться, почему Пьянков, если он видел банки, не сделал соответствующую запись в дневнике, хотя должен был сделать? Почему не взял с собой пустую банку, чтобы тщательно рассмотреть ее на базе?

Наше дело разбираться в этом. Мы знаем, что топографу Пьянкову и всей гидрографической экспедиции на острове Большевик (1945—1947) пришлось много работать в тяжелых и опасных условиях. Они прошли пешком по арктическому бездорожью более 250 километров. Авторы настоящей статьи, имея опыт пеших маршрутов на Севере, прекрасно понимают, какими трудными были для усталых людей эти 250 километров. У нас нет прав винить их за что-либо, мы можем лишь высказывать сожаление.

Процитированные здесь докладная записка и воспоминания Пьянкова сами по себе достаточно убедительно показывают, что к ним нельзя относиться как к серьезным, строго достоверным материалам. Гипотеза, построенная на основании этих документов, не заслуживает доверия. Остается, следуя за М. И. Беловым, признать единственно приемлемым показанием дневниковую запись Н. Н. Пьянкова за 11 июля 1947 года. В ней говорится лишь о «разобранном скелете человека: правая нога, большая берцовая кость и лопатки».

Но вот вопрос, были ли это кости человека?

В 1937 году в музей Арктики и Антарктики были переданы кости, найденные на острове в шхерах Минина, где в тридцатых годах советские гидрографы обнаружили следы экспедиции В. А. Русанова. Случайное совпадение, но и здесь были те же кости — большая берцовая и лопатки. Тридцать пять лет они значились в музее как кости человека. Многие посетители музея, среди них ученые, осматривали кости, и никто не высказал сомнения: человеческие ли? А в 1972 году экспертиза установила, что кости принадлежат... животным стада ластоногих.

Этот пример стоит иметь в виду, когда с легкостью необычайной говорится: найдены человеческие кости. Не так-то легко установить, чьи кости. Это может сделать только опытный врач, антрополог, зоолог.

В группе Н. Н. Пьянкова был врач Ю. Б. Вишневыский. В 1971 году Пьянков пишет, что врач был в палатке и опознал принесенные кости как человеческие.

Начальник гидрографической экспедиции на острове Большевик П. Я. Михаленко свидетельствует, что в начале июля врач Вишневыский с тяжелобольным рабочим Васильевым был отправлен на базу экспедиции с каюром Г. Л. Логиновым.

«Врач Вишневыский Ю. Б., — пишет П. Я. Михаленко в своей объяснительной записке от 12 марта 1972 года, — выбыл из группы т. Пьянкова за месяц до находок (12 июля) и видеть ничего из найденного (костей) не мог. Если бы он был очевидцем, то, безусловно, был бы мною обстоятельно опрошен на базе экспедиции, как Пьянков и рабочий...»

Кости, которые видел Пьянков, возможно, были костями медведя. Кости голени и ступни медведя очень похожи на человеческие, и неспециалист их не различит. И, как мне помнится (при опросе), Пьянков нетвердо утверждал, что кости были именно человеческие...

Сделаем свой собственный вывод: Н. Н. Пьянков нашел кости, которые принял за человеческие.

Что же было дальше? Обратимся снова к воспоминаниям Михаленко:

«В начале сентября 1947 года о находке Пьянкова в заливе Ахматова мною было сообщено радиogramмой начальнику морских операций на Диксон. В радиogramме я просил прислать гидросамолет, который имелся у штаба моропераций, для полета на поиски в залив Ахматова. Через несколько дней от зам. начальника Гидрографического управления А. И. Косого, который находился на Диксоне, поступил ответ, что послать самолет нет возможности».

Конечно, досадно, что сообщение Пьянкова не было сразу проверено. Но на нет, как говорится, и суда нет.

В 1949 году вышел первый том «Летописи Севера». В нем была напечатана статья А. И. Косого «Лагерь неизвестного морехода в заливе Ахматова». Речь идет о находке Пьянкова.

«12 июня 1947 года была сделана удивительная находка», — пишет А. И. Косой.

Мы помним: в единственном документе — служебном дневнике Н. Н. Пьянкова — находка отмечена 11 июля. В объяснительной записке указан следующий день. Сделана находка, разумеется, 11-го, в докладной топограф ошибся. Нам важно теперь подчеркнуть не то, что автор статьи повторяет ошибку Пьянкова, а то, что А. И. Косой не ознакомился с единственным существующим документом.

«В верховьях залива Ахматова (северо-восточное побережье острова) на западном берегу были найдены части человеческого скелета», — пишет далее А. И. Косой, — в 300 м от берега на поверхности земли, на участке радиусом около тридцати метров, были разбросаны отдельные кости: правая голень со ступней, часть позвоночника, ребра, правая лопатка. В этом же месте обнаружены остатки костра, вокруг которого валялось пять вскрытых пустых консервных банок...

Через несколько дней на побережье залива несколькими километрами ближе к его вершине была сделана новая находка — на берегу были обнаружены доски, скрепленные болтами. По внешнему виду доски напоминали обшивку корабля. Концы досок прогнили, болты были изъедены ржавчиной.

Удивительная интерпретация! Разбросанные банки точно по волшебству собираются вокруг остатков костра. Доски оказываются скрепленными болтами, которые изъедены ржавчиной. Все это ново. Всего этого нет в докладной. И главное — все организовано, упорядочено. Это именно «лагерь морехода».

«По остаткам костра, ржавчине, покрывающей банки, можно было без труда определить, что трагедия, следы которой неожиданно открыты, разыгралась всего лишь несколько десятков лет назад», — пишет А. И. Косой.

Даже опытные эксперты, используя самые современные методы, не всегда могут дать подобное заключение. А ведь автор статьи не видел ни банок, ни остатков костра.

После того как был сделан столь сенсационный вывод, естественно, мысль закрутилась дальше: до 1947 года ни одна из известных экспедиций не была в заливе Ахматова, экспедиция Русанова пропала без вести в 1912 году (за год до открытия Северной Земли), ее следы обнаружены «всего» километрах в 600 к западу. И дальше вывод: «лагерь неизвестного морехода» — это стоянка В. А. Русанова.

Так был подвергнут сомнению приоритет Б. А. Вилькицкого. Так родилась «тайна залива Ахматова». Романтичная, но построенная, как мы видим, на зыбком фундаменте.

...Если школьник на уроке географии начнет спор по поводу того, кто же открыл Северную Землю — Вилькицкий или каверинский Татарин, огорчаться учителю нет оснований. Скорее, наоборот, он может порадоваться, что его ученик любознательный, самостоятельно мыслящий ребенок. В институте такой спор не возникнет. На роман не будут ссылаться как на документ ни журналисты, ни литераторы, ни ученые. Но нет причин не ссылаться на солидный сборник «Летопись Севера». Статью А. И. Косого изучают и цитируют. Его версия вошла в книги доктора исторических наук В. М. Пасецкого «Геркулес» исчезает во льдах» (М., Географиздат, 1961, изд. 2-е) и «Отогревшие землю» (М., Советская Россия, 1971). Жанр их — документальные, научно-популярные биографии. На них вполне можно ссылаться как на научные ра-

боты. На них удобно ссылаться, ибо книги вполне доступны, изданы многотысячными тиражами.

В. М. Пасецкий, казалось бы, нейтрально относится к статье А. И. Косого, он приходит к выводу, что русановцы не могли добраться до Северной Земли, но так получилось, что он, по-видимому, невольно способствовал широкой популяризации статьи. В книге 1971 года есть занимательный рисунок. Он иллюстрирует «предполагаемое плавание Русанова в 1912—1913 гг. (первая и вторая версии)». От северной оконечности Новой Земли, мимо острова Уединения к архипелагу Мона ведет сплошная линия — путь «Геркулеса». К северу от архипелага Норденшельда нарисован накренившийся корабль. Отсюда «североземельская версия» — пунктирная линия — ведет через пролив Шокальского в залив Ахматова. А вторая — «таймырская версия» — от накренившегося корабля на юго-запад, в шхеры Минина.

Две версии по рисунку вполне равноправные. Равноправные ли? Нет, тысячу раз нет! Одна из версий для читателя явно предпочтительнее — она сулит историческую сенсацию: последнее крупное географическое открытие XX века выпало на долю В. А. Русанова! Человек жаждет романтики.

И вот весной 1971 года в газете «Неделя» появляется статья «Где искать Русанова?». Автор — действительный член Географического общества СССР П. А. Новокшионов.

На вопрос, вынесенный в заголовок, Новокшионов отвечает недвусмысленно — в заливе Ахматова.

Лето. Газета «Водный транспорт» печатает статью журналиста В. В. Книппера «По следу во льдах»:

«Море Лаптевых неприветливо встретило русановцев. Льды теснили небольшое судно к берегу. Спасаясь от них, моряки вынужденно зашли в залив Ахматова. Можно предположить и другое: В. Русанов и его спутники не сразу заметили низкий юго-восточный мыс залива. Взяв курс на юг, они не предполагали, что окажутся в западне. Льды быстро «захлопнули» выход из залива Ахматова...»

Газета публикует подборку писем читателей и искомое редакционное заключение: «Редакция «Водного транспорта» решила сплотить группу энтузиастов, увлеченных раскрытием одной из тайн Арктики».

Готовит экспедицию и газета «Неделя». Новая статья П. А. Новокшионова называется «Экспедиция есть! Кто даст судно?»

Теперь-то, на этой новой высокой ноте газетных эмоциональных призывов, упрекать кого-либо в излишней увлеченности, в отступлении от фактов несправедливо. Слово снежный ком, катящийся под гору, гипотеза А. И. Косого обрастает «подробностями».

Осень. Газета «Водный транспорт» проявила настойчивость и последовательность. Благодаря усилиям редакции Гидрографического предприятия решено параллельно с основными работами гидрографов провести поиски на Северной Земле. В залив Ахматова летит вертолет, на борту которого полярный гидрограф, знаток истории Арктики Владилен Александрович Троицкий.

Вот акт об осмотре залива:

«Составлен сего 17 августа 1971 г. гидрографами Троицкий В. А., Гордеевым К. Я., командиром вертолета Ми-4 Неумержицким И. Н. и бортмехаником Кириченко В. И.

Поиск был начат от вершины залива и далее вдоль западного берега, над которым дважды прошли на расстоянии 18 км до широты 78°58' северной. Поиск осуществлялся путем визуального осмотра берегов с высоты 10—20 м. Была внимательно просмотрена полоса берега, прилегающая к морю, шириной 200—300 м.

...Грот, уже полуразрушенный, был найден нами в устье речки Костяная в 800 метрах от берега на северном склоне, образующем границу поймы речки. Первоначально грот, судя по остаткам карнизов, нависал на 1—2 метра, на высоте около 2 м, при длине порядка 10 м, однако теперь большая его часть обвалилась. Куча камней весом не менее 5—6 тонн занимает у подножья

обрыва все пространство, особенно в западной части. Обвал произошел, вероятно, вследствие подмыва его подножья речкой в теплые годы. Поскольку разбор завала занял не менее 1—2 дней, раскопки нами не предпринимались.

В «Докладной записке о результатах поисков с вертолета» В. А. Троицкий в 1972 году писал:

«...Только из-за возможной находки в 1947 году двух консервных банок и «трухлявой деревяшки» более чем слишком смело было выдвигать версию о возможности гибели в заливе Ахматова экспедиции В. Русанова. Во всяком случае следует прекратить ажиотаж в прессе, поднятый вокруг этого вопроса».

Однако ажиотаж не утихал. Теперь речь шла уже не о том, был ли Русанов на Северной Земле. Всерьез обсуждался вопрос: сколько лет он прожил на арктическом архипелаге?

Стало ясно, что до тех пор, пока не будет разобран многотонный каменный завал, обнаруженный В. А. Троицким на месте грота, останется пища для самых «смелых» предположений. Кроме того, поиски гидрографов с вертолета были, конечно, не столь тщательны, как хотелось бы: времени у них было в обрез. В том полете удалось осмотреть лишь небольшой участок побережья.

Один из отрядов экспедиции «Комсомольской правды» летом 1975 года отправляется на остров Большевик. Перед отрядом, которым командовал комсорг экспедиции Владимир Леденев, были поставлены следующие задачи:

1. От бухты Солнечная пересечь ледник Ленинградский и выйти к «гроту Пьянкова» в заливе Ахматова.

2. Разобрать завал камней, тщательно исследовать окрестности грота.

3. Осмотреть оба берега залива Ахматова на всем их протяжении.

4. Пройти по восточному берегу пролива Шокальского от мыса Песчаного до мыса Неупокоева.

В отряд Леденева входили: Владимир Владимиров, Владимир Рахманов, Сергей Яценко, Геннадий Курочкин и Валентин Зюзин.

В Москве у начальника администрации Северного морского пути К. Н. Чубакова, в поселке Диксон у начальника штаба морских операций западного сектора Арктики А. М. Кашицкого и главного инженера Дикسونской гидробазы А. Г. Дивинца был точный план действий североземельцев. Радиограммы Леденева о продвижении и о работе группы регулярно приходили к Чубакову, Кашицкому и Дивинцу — друзьям и шефам, без участия которых летние поиски на берегах Карского моря не могли состояться.

Перейдя пешком через ледник Ленинградский, наши товарищи вышли в залив Ахматова и обнаружили грот. Вот рассказ Володи Владимирова:

«...Приступили к раскопкам. Верхний слой мелочи сняли довольно быстро. Ниже камни стали крупнее. Некоторые из них удается отбросить только вдвоем, а некоторые уже и четвером не пошевелишь. Такие глыбы, используя трещины, мы разбивали с помощью ледорубов на отдельные «подъемные» части. Сперва очистили завал с восточного края. Нижний слой гальки с песком вплоть до мерзлого слоя фактически просеяли. Снизу проступила вода.

Между камнями нашли маленькое гнездышко из пуха и травинок. В нем было целое яичко. Какая-то птица выбрала укромное место для дома, не подозревая, что связала свою судьбу с историей.

Каждый раз, когда лопата звякала как-нибудь по особому, все поднимали головы и разгибались. Проверяли, изучали, ползали на коленках. Тщетно. Камни, камни, камни...

Потом североземельцы разделились. Владимиров и Рахманов пошли осматривать кут и восточный берег за-

лива Ахматова, Леденев, Курочкин и Яценко двинулись по западному берегу.

Никаких давних следов пребывания человека в этом районе не нашли. Ничего не дал осмотр и остальной части западного берега залива Ахматова, а также берега пролива Шокальского от мыса Песчаного до фьорда Спартак и от мыса Острый Нос до мыса Неупокоева.

На восточном берегу залива Ахматова нашли массу предметов, брошенных, видимо, в 1947 году той самой гидрографической экспедицией, которую возглавлял Михаленко. (Датировка этой стоянки не вызывает сомнения: на аккумуляторных батареях стоит 1947 год, на гильзе от охотничьего патрона — 1944 год и т. д.)

Обнаруженные вещи были брошены почти 30 лет назад. Когда над ними склонились участники экспедиции, предметы выглядели словно «новые». «Бачок примуса не потускнел», «иголкой можно шить», «инструмент — хоть сейчас в дело» — такие записи сделал в дневнике Владимир. Видимо, мало что изменилось и еще через 30 лет. Здесь низкие температуры. Колебания температуры происходят практически в зоне ниже 0°, что и сыграло роль в сохранности предметов.

Арктика хранит следы бережно, поэтому-то и имеют смысл наши поиски. Эти предметы пролежат и 60, и 100 лет почти не изменившись... Будь в заливе Ахматова более давняя стоянка, следы ее сохранились бы точно так же, как найденные нами вещи. И мы нашли бы их.

Невозможно доказать, что Н. Н. Пьянков не видел в 1947 году банок. Но дневниковая запись топографа и наша работа в заливе делают эту находку чрезвычайно сомнительной.

Кости же здесь есть. Их видел Пьянков в 1947 году. Их видел В. А. Троицкий в 1971 году. Гидрограф насобирал целую охапку костей. В Диксонской портовой больнице груды, которую он привез, осмотрели врачи. Вывод их был такой:

«Передние и задние конечности животных, скорее всего, северного оленя. Остатки фаланги могут принадлежать медведю. Ни одна из предьявленных костей к человеческому скелету не относится...»

Отряд Леденева в 1975 году в районе реки Костяной тоже видел кости — кости животных. Еще они видели погибшего оленя. По свидетельству Леденева, здесь сочная растительность, мох, маленькие деревца. В этот своеобразный оазис из арктической пустыни приходят звери, подчас ослабевшие, некоторые находят тут свой конец. В арктических маршрутах кости животных встречались нам очень редко, а тут было прямо-таки кладбище. Более чем вероятно, что кости, которые видел Пьянков, того же происхождения.

Казалось бы, на этом можно поставить точку. Но вновь и вновь возрождается «гипотеза залива Ахматова». Потому мы и рассказали эту историю. Историю о беспечном обращении со словом, о трудной работе гидрографов, об одном из путешествий экспедиции «Комсомольской правды».

Они — бывшие фронтовики — частые гости редакции. Бывшие... Трудно пишется это слово. Порой, положив на редакционный стол исписанные листы, ветераны начинают рассказывать. Какой живой правдой дышат их воспоминания! Какая грудная забота о том, чтобы молодые поняли, особенно сегодня, когда снова в мире неспокойно, — человек обязан знать, что и как он будет защищать, если Родина позовет. Их бой продолжается. Они, прошедшие горнило войны, как никто, может быть, имеют нравственное право и призвать и предостеречь, ибо они принесли Родине победу, они знают правду о войне. Публикуем несколько заметок фронтовиков.

Только один выстрел

Михаил
КАМЫШЕВ

В полдень в расположение полка приехал командир дивизии генерал Болотов Андрей Иванович. Приехал, как всегда, без предупреждения, чтобы посмотреть все своими глазами.

Выслушав доклад и полистав журнал наблюдения, сел и прильнул к окулярам стереотрубы. Едва развернул ее влево, как наверху, над головой, раздался треск и посыпались струйка земли и битое стекло.

— Что за чертовщина? — изумился генерал. Он оглянулся на вскочившего в блиндаж лейтенанта, старшего группы наблюдения.

— Может, шальная пуля? — склончиво предположил лейтенант.

И тут снова раздался треск и зазвенели стекляшки. Поднявшись с сиденья и отряхиваясь, генерал буркнул:

— Шальная пуля? Снайпер!

Он вспомнил, как не раз слышал про вражеского снайпера. Его окрестили Хитрым Фрицем, и пошла о нем молва, что бьет без промаха. Болотов теперь сам убедился, сколь искусен вражеский снайпер.

Выйдя из блиндажа, Болотов свернул направо и уверенно зашагал по траншее. Следовавший за ним адъютант осторожно заметил:

— Вы не забыли, товарищ генерал: неподалеку злополучный участок мелкой траншеи. Может, лучше другим путем?

Болотов усмехнулся:

— За семь верст киселя хлебать? И потом: вы что же хотите, чтобы я труса праздновал? Проскочим!

Перед глазами на изгибе траншеи неожиданно замаячил фанерный щиток, заставивший Андрея Ивановича остановиться. Сощурившись, прочитал четко выведенные предостерегающие слова: «Держи ушки на макушке, иначе окажешься у Хитрого на мушке!»

— Ну и ну: в стихах врага прославляют! — усмехнулся Болотов и шагнул в изгиб траншеи.

Вечером насмешливо и строго выговаривал командиру полка:

— Кто это сочинил дурацкие стишки: «Держи ушки на макушке»? Не знаете?.. Врага надо нещадно бить! Поперек лошадки поставьте земляную стенку, чтобы люди зря

не гибли. А снайперов надо учить, разжечь стремление побить врага, а не бояться его. Мне докладывали, что вы сами сегодня занимались со снайперами.

— Так точно. Только что от них... Хороший в команде народ добрался. Да и Твердохлеб скоро должен вернуться... Постараемся, товарищ генерал!

Старенький «газик» погожим июньским утром, тарахтя, катился по выщербленной снарядами и минами шоссе. В кузове стоял коренастый старший сержант. Упругий ветер трепал русский чуб, заставляя щуриться, а он, смахивая слезу, с нарастающим любопытством рассматривал развертывающуюся перед ним панораму. Недавно здесь проходил передний край. Многочисленные, залитые водой воронки, изорванная паутина проволочных заграждений, посеченные, обгоревшие деревья — все свидетельствовало о жарком бое. Вон там, левее дороги, в кустарнике, была его огневая позиция, где он чуть было не полатился жизнью из-за своей беспечности.

День стоял ясный, безветренный. Твердохлеб на огневой позиции, не выдержав соблазна, закурил. Приметив над кустами струйку дыма, вражеский снайпер уже не спускал с того места глаз. А Михаил, отведя душу и не подозревая об опасности, осторожно приподнялся, чтобы удобнее устроиться для наблюдения, и в этот момент был взят на мушку. Пуля угодила в плечо, повредила ключицу.

Больше месяца лечился Твердохлеб и стосковался по полку, по товарищам.

Комбат хорошо знал Твердохлеба. Расспросив про лечение и здоровье, рассказал, как лютуют вражеские снайперы, и объявил:

— Назначаю вас, товарищ старший сержант, начальником снайперской команды. Вместе с младшим сержантом Дрямовым будете учить молодежь... И еще одну задачку придется решать: пора кончать с Хитрым Фрицем.

Разостлав на столе карту, испещренную множеством разноцветных знаков, подполковник остано-

вил острие карандаша возле цифр 212.2.

— Кажется мне, позиции Хитрого Фрица где-то на этой высотке.

В сгущавшихся сумерках Твердохлеб зашагал в команду. Из старых друзей — из той знаменитой пятерки, которая два месяца назад была грозой для врага, остался один Володя Дрямов, но у него что-то случилось с глазами. Таджиев убит, Арефьев и Наливайко ранены. Поэтому-то обнаглели вражеские снайперы...

В команде уже слышали, что Твердохлеб вернулся в полк, и ждали. Все собрались возле землянки и слушали неторопливый рассказ Дрямова о том, как он одно время работал в паре с Твердохлебом.

— Наступали мы, а немцы кинулись в контратаку с правого фланга — роты две, не меньше. Мы с Твердохлебом как раз тут и находились. Бегут, значит, фрицы, стреляют на ходу, орут что-то. В середине цепи старший сержант разглядывает двух офицеров и кричит: «Мой левый, твой — правый. Бьем!»

Дрямов сделал паузу, прослюнявил самокрутку и, затянувшись, продолжил:

— Выстрелили, значит, почти одновременно и скосили обонх. Потом ударили по пулеметчикам. Тут как раз подоспели наши минометчики — они меняли огневые позиции... В общем в том бою старший сержант пятерых фрицев уложил. А всего на боевом счету у него сто двадцать три фашиста...

— Вот она, сила! — воскликнул восхищенный ефрейтор Лобов.

Твердохлеб постоял, послушал и словно бы вынырнул из темноты:

— Привет товарищам по оружию. Прибыл для прохождения дальнейшей службы...

— Миша! — обрадовался Дрямов. — Ждем тебя. Проходи в наши хоромы — там разглядим тебя...

Посреди большой землянки между нар стоял устроенный из жердей столик, застланный газетами. На нем были разложены ломтики хлеба, луковица, банки с рыбными консервами «в собственном соку», кружок копченой, тронутой плесенью колбасы. На все эти яства падал свет самодельных «молний» из снарядных гильз.

— Что ж, давайте знакомиться. Меня вы знаете как кличут. А вас как?

— Ефрейтор Лобов!

— Рядовой Гаджиев!

— Рядовой Кобцев!

— Кобцев, говоришь? — переспросил Твердохлеб. — Сколько же тебе годков? Пятнадцать?.. А не прибавляешь?

Кто-то усмехнулся, и при дрожащем свете копилки видно было, как смутился Коляша Кобцев под

пристальным взглядом старшего сержанта, но тут же нашелся:

— Вы не смотрите, что я маленький... Я ухватливый.

...Сильная оптика приближала Круглую. Еще различные простым глазом предметы, казалось, были рядом — рукой подать. Вон на обгоревшем тополе каким-то чудом ушел скворешник. На сухой ветке, топорща крылья, наверное, распевая, сидел скворец. Увидев его, сержант улыбнулся: «Даже птицы привыкли к войне. Кругом стрельба, а они хоть бы что».

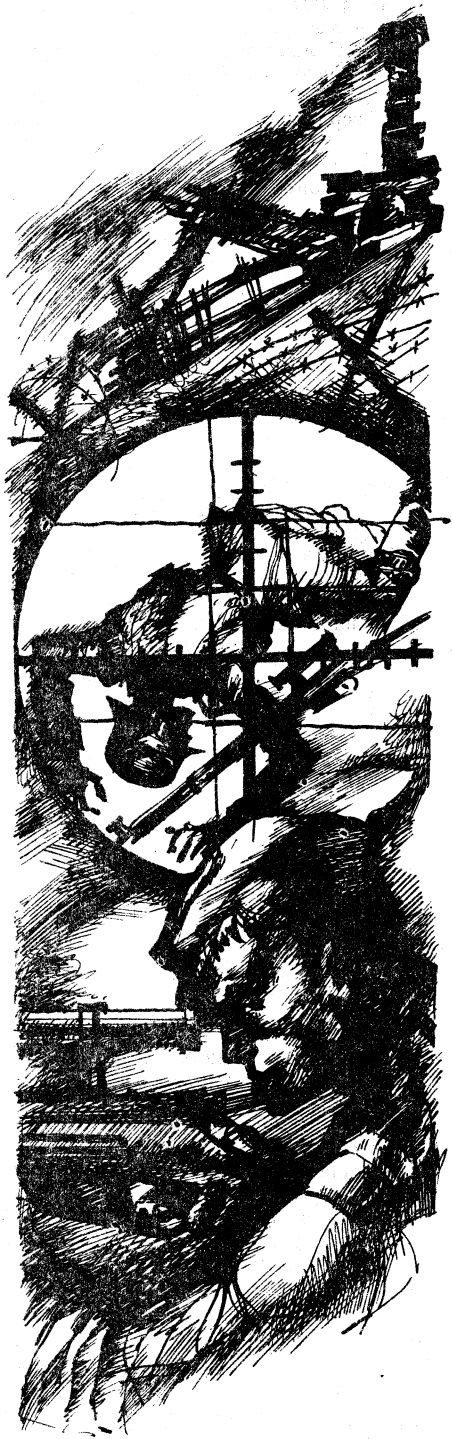
Потом оптика приблизила и словно бы вырисовала кошку. Серая, худая и облезлая, она осторожно пробиралась по груди кирпичей, останавливаясь и озираясь. «Кошка на войне — на самом переднем крае. А может, кот?» — улыбнулся Твердохлеб. И в этот момент доносился звук одинокого выстрела. Кошка метнулась за камни, а старший сержант сразу нашел того, кто стрелял. Он еще раньше приметил немца, возвысившегося у пулемета, установленного на открытой площадке, правее сарая. Видимо, устранив какую-то неисправность, он дал для проверки короткую очередь. Все это видел Твердохлеб и даже разглядывал продолговатое лицо немца со свисавшим на узкий лоб рыжим чубом. Вот он вновь приник к пулемету и, оглянувшись на сарай и ощерившись, дал длинную, с рассеиванием очередь.

В другой раз Твердохлеб снял бы пулеметчика, а сейчас не хотел и не мог поддаваться искушению. Он чувствовал, что где-то так же, как и он, тщетно укрывшись, враг терпеливо выслеживал свою очередную жертву.

Старший сержант перевел взгляд на сарай. Изучая каждую доску, подумал о том, что, наверное, не случайно поблизости от развалин расположился пулеметчик. Днем на переднем крае обычно стояла тишина, редко нарушаемая грохотом перестрелки. А пулеметчик, по всей видимости, должен был заглушать выстрел снайпера, отвлекать от него внимание.

Томительно текли минуты и часы. Уже и день подходил к концу, но он не дал ответа на многочисленные вопросы, волновавшие снайперов. Лишь перед вечером, когда пулеметчик опять послал длинную очередь, Твердохлебу вроде бы послышался глухой одиночный выстрел.

Ночью начал накрапывать дождь. Монотонный шорох его в листе словно бы глушил все звуки, и Твердохлеб задремал. Когда проснулся, дождь все еще шел. Значит, видимость ограниченная. Даже обычная перестрелка шла вяло, и Твердохлеб

объявил после завтрака, что на передний край в такую погоду идти нет смысла.

После полудня Твердохлеб прилег, но долго ворочался, а потом вдруг поднялся, достал из вещевого мешка лист бумаги и присел опять к оконцу, едва пропускавшему свет. Он что-то писал, рвал и опять писал. Сложив листок привычным солдатским треугольником. Твердохлеб окинул взглядом землянку и, не найдя Кобцева, окликнул Лобова:

- Где Коляша?
- Баллистику изучает.
- Позови.

Коляша явился в один момент. На ходу поправив пилотку, щелкнул каблучками:

— Рядовой Кобцев прибыл...
— Есть тебе ответственное задание. Пойдешь в тыл полка, там найдешь портняжную мастерскую и вручишь вот эту записку Василию Петровичу Вострикову. То, что он даст тебе, принесешь сюда. Понял?
— Так точно!

Коляша сунул треугольник в карман гимнастерки. Выскочив из землянки и поправив волочившуюся по самой земле плащ-палатку, побежал по знакомой тропке. Чувствуя, как взмокла спина, остановился под густой елью передохнуть. Потрогал карман: как письмо? Осторожно достал повлажневший от пота треугольник. Интересно, что там написано? Что он должен принести? Если бы был в письме секрет, старший сержант запечатал бы его как следует или предупредил бы...

Утро нового дня застало снайперов на своих позициях.

Внимание Твердохлеба привлекла ворона, кружившая над колодецем и резко взмывавшая вверх. «Кого испугалась?.. А ведь фашист может расположиться и в колодеце?..»

Разглядывая сруб, Твердохлеб высмотрел возле него уцелевшую скамеечку. На нее когда-то ставились ведра, а теперь она прикрыта хворостинами. Зачем?.. Ага! Вон, оказывается, в чем дело! Скамеечка может служить упором для стрельбы, а хворост для маскировки.

В прицел Твердохлеб разглядел, как что-то блестящее возле сруба, раздался выстрел, который заглушила длинная очередь. Враг там!

Твердохлеб досадовал: как же он раньше не разгадал вражескую уловку? Ведь хворост был замечен им в первый же день, но тогда он не придал ему никакого значения. Если бы не ворона, он, пожалуй, и сейчас не подумал бы о том, кто мог расположиться в колодеце.

Любопытство взяло верх. Коляша развернул треугольник. Корявые строчки тянулись по всему листу: «Здравствуйте, Василий Петрович! — писал Твердохлеб. — Извините, что не

пришел сам. Дюже некогда. Фриц оказался очень хитрым, и голыми руками его не возьмешь. Очень нужна ваша помощь. Если не жалко, отверните у вашей куклы голову и вручите подателю записки. Думаю, что не откажете. Затем до свидания».

Прочитав письмо, Коляша ничего не понял. О какой кукле писал старший сержант? Для чего она понадобилась? Уж не шутит ли с ним старший сержант — за куклой посылал?

Вернувшись со свертком, Коляша застал старшего сержанта с Лобовым за странным занятием: они мастерили чучело.

Приняв сверток, Твердохлеб тут же развернул его, и в руках очутилась изящная голова манекена. Придавив ее к чучелу, ухмыльнулся:
— Красавец мужчина!

На рассвете другого дня на охоту отправились втроем. Лобов расположился в разрушенном блиндаже. Твердохлеб занял место в своей «берлоге». Коляша Кобцев, тщательно пронинструированный сержантом, расположился с чучелом возле участка мелкой траншеи. Чтобы не вызывать у проходивших солдат излишнего любопытства, голову чучела обернул пока тряпкой.

Почти до полудня солнце светило как раз в глаза Хитрому Фрицу. Опасаясь выдать себя блеском оптики, он начинал охоту обычно после полудня. И Твердохлеб условился с Кобцевым: тот начнет показывать чучело не раньше половины первого. Сейчас на часах было лишь одиннадцать, а время тянулось томительно медленно — секунды казались минутами.

Взглянув на колодец, а потом на печь, Твердохлеб попытался представить себе, где облюует сегодня Хитрый позицию.

Он знал: если следить за пулеметчиком, можно почти безошибочно определить, когда Хитрый откроет огонь. Теперь же на площадке одиноко маячил пулемет, а над ним, поднимаясь со дна траншеи, висло легкое облачко дыма. Сержант вспомнил, как сам закурил в окопчике, поплатился за это, и процедил сквозь зубы: «И ты, сукин сын, поплатишься, подожди!». И только сказал, заметил, как гитлеровец стал подниматься со дна траншеи. Оглянувшись вправо, он приник к пулемету.

«Сейчас даст очередь», — решил Михаил. Из-за грохота разорвавшегося неподалеку снаряда он не слышал дробного стука пулемета, но по движениям немца понял, что тот вел огонь с расцениванием. Вот он вновь посмотрел вправо. Несомненно, Хитрый стрелял оттуда. Но откуда точно? Выходит, у него были еще другие позиции.

Михаил внимательно наблюдал,

В который раз уже он направил оптический прицел на печь, но тут услышал взволнованный, срывающийся голос Кобцева:

— Товарищ сержант, беда! Ефрейтора Лобова убило...

— Как убило?

— Солдат мимо проходил. Он и сказал, что снайпера в блиндаже убило.

Твердохлеб заскрежетал от досады зубами. Выходит, фашист стрелял недавно не по кому-нибудь, а по Лобову.

Твердохлеб пожалел, что не может выйти из своей «берлоги». Ему хотелось заглянуть в блиндаж, самому увидеть, что там произошло. Он не мог поверить, что Лобов вызвал огонь на себя.

Вскоре прибежал запыхавшийся Кобцев:

— Правду говорил солдат... Убило... Его уже унесли...

— Ладно, Коляша. Давай показывай! — распорядился старший сержант. Он переводил взгляд с угла сарая на сруб, а с него на печь. И вдруг заметил, как заслонка чуть отодвинулась в сторону, и едва не вскрикнул от радости: в прицел было хорошо видно, как снайпер, лежа на соломе, рассыпанной на печном поду, изготавливался к стрельбе. «Вот оно что! Неужели наступил момент, которого так долго ждал? Но тише, Миша. Спокойнее, спокойнее!» — командовал сам себе старший сержант, сажая в центр пересечения прицела голову врага. Потом, затаив дыхание, плавно потянул спусковой крючок.

Выстрел, грохнувший в подземном окопчике, слегка оглушил Твердохлеба. В прицел он видел, как Фриц выронил из рук винтовку. Падая, та сшибла заслонку, и печь теперь просматривалась насквозь. Голова снайпера лежала на левой руке. Все это было так отчетливо видно, что Михаилу показалось, будто он услышал звон падающей заслонки и грохот свалившейся на кирпичи винтовки. Фриц, дернувшись еще раз, замер. А следующим Твердохлеб сразил пулеметчика, ошалело глядевшего назад. Откинувшись на стенку траншеи, тот стал медленно сползать вниз. Старший сержант все же успел рассмотреть темную струйку крови на переносице: выстрел был в «самое яблочко».

В небе — Грицевец...

Александр
АБРАМОВ

Сергей Грицевец — выпускник Оренбургского летного училища, первый дважды Герой Советского Союза.

По воспоминаниям однополчан, его отвага несла какую-то особую заразительную силу.

Вот и этот подвиг...

Отпор у озера Хасан не сразу отрезвил японских милитаристов. Они бросились в новую авантюру, развязав в мае 1939 года необъявленную войну против Монгольской Народной Республики. Выполняя интернациональный долг, Советский Союз оказал помощь монгольскому народу.

...В полдень в районе озера Буир-Нур завязалась воздушная схватка. Ударную группу возглавлял командир истребительного авиаполка майор Забалуев, а его ведомым был Грицевец. Дрались пятьдесят советских истребителей с шестьюдесятью японскими. Японцы имели не только численное преимущество. Воздушный бой проходил над их территорией, и, будучи подбитыми, они могли спуститься с парашютом к своим. Советским же летчикам, покинувшим поврежденный самолет, угрожала опасность оказаться в руках противника.

В первые же минуты боя Забалуеву и Грицевцу удалось сбить по одному вражескому истребителю. Но вскоре японцы подожгли машину Забалуева. Грицевец увидел, как командира полка, выбросившегося с парашютом, стали обстреливать два истребителя с красными кругами на плоскостях. Грицевец с однополчанином Петром Полозом бросились на выручку к Забалуеву. Когда тот после затяжного прыжка повис под белым куполом парашюта, Сергей заметил, что со стороны города Ганьч-

жур к месту приземления летчика бегут с винтовками вражеские солдаты. Что делать? Грицевец мгновенно оценил обстановку: чтобы опередить японцев, ему надо успеть посадить самолет, взять на борт командира и взлететь. Сергей прекрасно понимал, что приземляться на территории противника крайне рискованно. Любая случайность: попадет колесо в рытвину, лопнет камера или заглохнет мотор, да мало ли что еще может приключиться, и тогда погибнут оба — и он, и Забалуев. К тому же самолет одноместный: куда втиснуться второму человеку? Грицевец без колебаний направил машину на посадку. Он выпустил шасси и пристально всматривался в степь, стараясь избежать неудачной посадки... Вот его истребитель коснулся земли и покатился, подпрыгивая на кочковатой почве. Петр Полоз, прикрывая однополчана, бил из пулемета по бегущим самураям.

Все решали секунды. К счастью, командир полка был невелик ростом и худощав. С большим трудом Грицевец втиснул его в узкую щель между бронеспинкой и бортом, туда, где устанавливается аккумулятор для освещения самолета при ночных полетах. Сергей сообразил: колъ боезапас израсходован, а бензин на исходе, значит, машина облегчилась и вес Забалуева не очень-то повлияет на взлет... Однако истребитель долго брал разгон, пока, наконец, грузно не оторвался от земли.

Но вот под солнечными лучами засверкали воды Халхин-Гола. Это — граница! Грицевец, вытирая перчаткой набегавший на глаза пот, облегченно вздохнул. Он все же дотянул до своих на последних каплях горючего и приземлился прямо у

палатки командного пункта. Вырулить на стоянку Сергей уже не мог: баки были совершенно пустые.

Отстегнув парашютные лямки, Грицевец легко спрыгнул на землю.

— Прибыл из боя, — сказал он. — Принимайте трофей.

Его не сразу поняли, пока не увидели торчащие из-за спинки ноги. Однако не так-то просто было вызволить Забалуева из временного прибежища: механикам пришлось отвинчивать бронеспинку...

Когда поэт Виктор Гусев узнал о подвиге Грицевца, он написал стихотворение о боевой дружбе:

Но крепка большевистская
дружба —
Ты страной не покинут, боец.
Над тобою в волнении

кружится

Смелый летчик майор

Грицевец.

Он на землю чужую садится,

Он товарища на борт берет.

Мчат враги, но могучая птица

Из-под носа уходит в полет.

В августе 1939 года монгольская земля была очищена от японских захватчиков. Маршал Чойбалсан вручил Сергею Грицевцу орден Боевого Красного Знамени Монгольской Народной Республики.

Плацдармы Пушкинских Гор

Борис
СОЛОНИН

В конце 1943 года наша 33-я стрелковая дивизия вела активную оборону в 18 километрах юго-восточнее железнодорожной станции Локня, открывающей путь на Псковщину. Это было в полосе военных действий славы 22-й армии, сформированной в Свердловске в июне 1941 года.

Начальник штаба 22-й армии генерал-лейтенант Николай Сергеевич Дронов уже разработал план освобождения государственного заповедника, расположенного в Пушкиногорском районе Псковской области...

В перерывах между боями мы находили время читать урывками бессмертные произведения поэта, которые придавали силу нашим войнам в новых атаках.

Страшись, о рать
иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад,
летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем зажжены...

Наступил 1944 год. Части 33-й стрелковой дивизии по приказу штаба 22-й армии вместе с другими соединениями перешли в долгожданное наступление.

В конце февраля мы с боями прошли Бежаницкие высоты и многострадальный небольшой городок Новоржев. А в марте, взломав долговременную оборону гитлеровцев — «Пантеру», на участке в 12 километрах северо-западнее Пушкинских Гор захватили плацдарм как раз в том месте, где восстает Пушкиным Сороть голубая впадает в реку Великую...

Наконец 14 июля 1944 года в газетах появилось сообщение о том, что советские войска, перейдя в решительное наступление, освободили Пушкинские Горы из немецко-фашистского трехлетнего плена.

Прошло тридцать лет. Давно от-

гремели бои, а в памяти фронтовиков до сих пор хранятся воспоминания о тех днях, не дадут покоя...

С 1975 года я стал заниматься поиском своих боевых товарищей, восстановлением в памяти боевого пути славы 33-й Холмско-Берлинской Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизии. Многих нашел, завел с ними переписку. Ездил по местам боев — в город Холм, на станцию Локня. Мечтал побывать и в Пушкинских Горах.

И вот 19 мая 1978 года собрались мы, ветераны 33-й Холмско-Берлинской дивизии — участники боев на плацдарме реки Великая, в Пушкинских Горах, побывали в государственном Пушкинском музее-заповеднике, в Михайловском. Мы не увидели никаких следов войны! Кругом все в зелени и цветах.

Хранитель музея, известный на весь мир ученый-пушкинист, автор книги «У Лукоморья», Семен Степанович Гейченко рассказал нам много интересного о восстановлении музея.

Фашисты его разграбили, а что не могли утащить, уничтожили... Они заминировали эту землю, заложив более чем 11 тысяч мин, пытались взорвать могилу Александра Сергеевича Пушкина, но помешали советские войска, освободившие Пушкинские Горы.

Более тридцати лет велись здесь восстановительные работы. Коллектив музея, жители Пушкинских Гор и вообще весь советский народ принимали участие в этих работах. Буквально по крупичкам были собраны все экспонаты, часть из которых побывала в ФРГ, а сейчас возвращена музею.

Многие деревья в Михайловском парке фашисты спилили, расчищая себе секторы обстрела. Святогорский монастырь гитлеровцы разбомбили еще в июле 1941 года, хотя хорошо знали, что там не было никаких

военных объектов. А рядом с могилой Пушкина была поставлена виселица. Не случайно в пушкинском крае развернулось партизанское движение... Партизаны взрывали мосты, громили комендатуры и обозы. В Пушкинских Горах возникла комсомольская подпольная организация под руководством Виктора Дорофеева. Члены организации, собираясь по ночам в доме Дорофеевых, произносили: «Кто идет к Пушкину?» и в ответ отзыв: «Годунов», «Русалка», «Дубровский». В организацию входили Анатолий Малиновский, Алексей Иванов, Борис Алмазов, Геннадий Петров. Александр Сергеевич как бы незримо присутствовал среди них, воодушевляя на борьбу с врагами...

Понятно, с каким волнением осмотрели мы домик няни, дом Пушкина, «аллею Керн» в парке, мельницу-«крылатку», увидели лазурь двух озер, сливающихся воды с рекой Сороть, в которой купался поэт. Побывали в Петровском, где восстановлен дом Ганнибалов, увидели Тригорское, древнее городище Воронич, Савкину горку, полностью восстановленный знаменитый Святогорский монастырь, построенный еще во времена Ивана Грозного псковскими мастерами. Мы были горды, что спасали это богатство для людей.

Рисунки
С. Сухова

...И отвести беду смогу

Рисунки
В. Меринова

**Василий
НИКОЛАЕВ**

Лесная прогулка

Не звал попутчиков в дорогу...
Лавину солнца — жар и блеск! —
Остановил, листвою дрогнув,
Как поведя плечами, лес.

Тропа угадывалась еле,
Но, словно зов издалека, —
Быть может, в памяти? — звенели
Тугие струны родника.

В траву бы кинуться беспечно —
Но лес шумит, что я в долгу,
Что вот сейчас кого-то встречу,
Не дам упасть, подставлю плечи
И отвести беду смогу.

Берет в кольцо кустарник ломкий,
Овраг бежит наперерез.
Что это —

рядом и негромко
Поют про гордый брянский лес?

А впереди, неодолима,
Бугрится насыпь...

Сгоряча
Рвануть по склону — мимо, мимо
Струятся рельсы в два ручья.

Мерцает в мареве горячем
И тает сталь, подобно льду.
Я, оглушенный и незрячий,
К металлу рельса припаду.

И поднимусь, поверить чтобы
В зеленый тот круговорот,
Где прямо в душу из чащобы
Уже не смотрит пулемет.

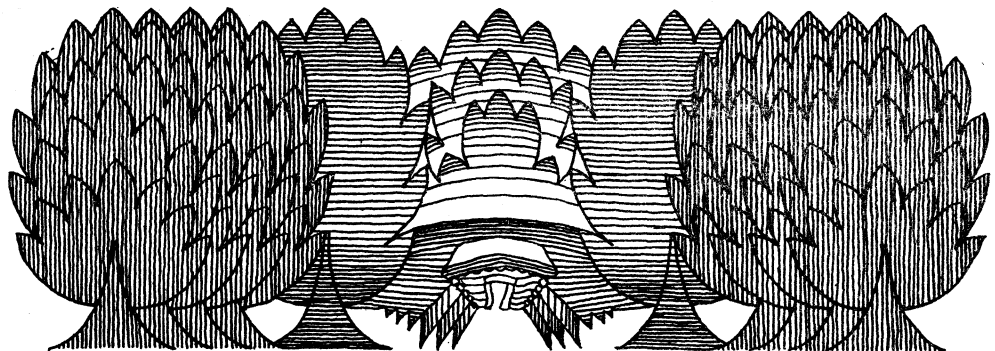
**Игорь
САХНОВСКИЙ**

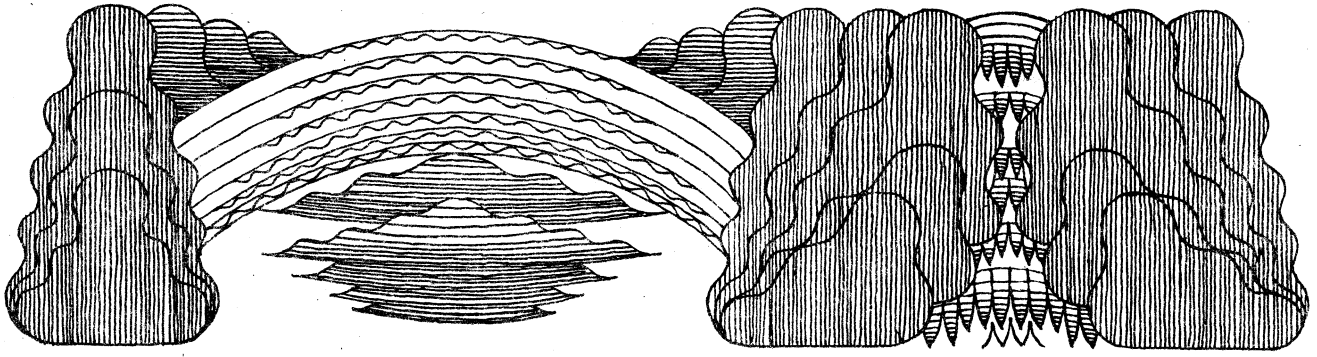

В тыловом загазованном Орске,
довоенную песню шепча,
молодуха чинила обноски
и стирала в реке по ночам.

Занимала дарованный уголь,
для хозяев варила обед, —
просто беженка, просто прислуга,
просто писем от милого нет.

...В эту ночь она тоже стирала.
Жгла колени речная волна.
В черном небе ночного, Урала
нестерпимо белела луна.

Небосвод опускался на запад,
на руках коченело белье.
Человек появился внезапно
и дорогу спросил у нее.

Он хромал тяжело, торопился,
обоженный, убитый, живой.
Как она обнимала его!..
Это дед мой с войны возвратился.

**Виктор
СУВОРОВ**

Над степями шапка-туча,
Как у дедов удалых.
Эх, сентябрь — бедовый кучер —
Не удержишь огневых!

Только криком птиц разгонишь,
О вожжу спалишь ладонь.
Золотые в мыле кони,
Как неволю, рвут супонь,

Как тенета, рвут упряжку.
Даль сияет, даль гудит!
Искры — желтые ромашки —
Отлетают от копыт!

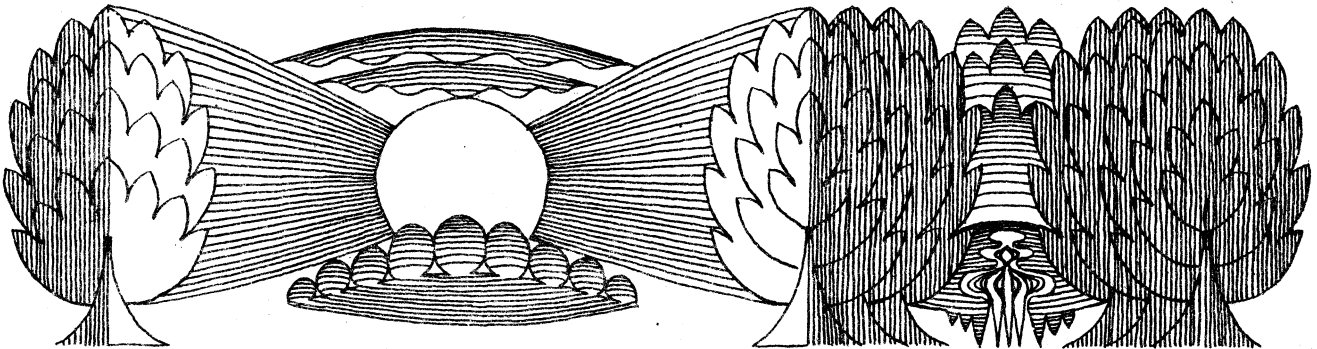
**Геннадий
ШМАКОВ**

После дождя

После дождя затишье и теплынь.
Над выпасами марево повисло.
И в теплую пахучую полынь
Цветное опустилось коромысло.

Уже не забуранят тополя —
Пух разметала буря грозовая...
И задышала свежестью земля...
И спасена пшеница яровая...

Еще ворчит здали бессильно гром.
Чист небосвод. Дождя уже не будет.
У пристани — зачаленный паром,
И ребятня с парома рыбу удит.

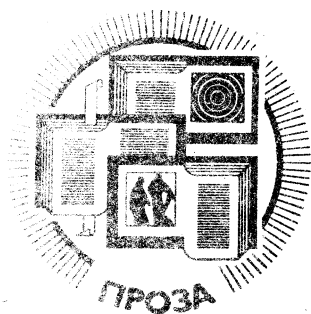
ДО ПЕРВОГО СНЕГА

Повесть

**Валентин
НОВИКОВ**

*Рисунки
Н. Мооса*

Окончание. Начало см. в № 1.

Я попал в бригаду плотников к Петрову.

Бригада была на первый взгляд неприметная. Работают плотники то тут, то там: копают землю, укладывают бетон, делают опалубку или ставят дверные коробки, стеклят окна или настилают полы.

На всю стройку светлым чистым голосом поет их циркулярка, напоминая мне школьный звонок.

Бригадир сразу поставил меня на пилу в паре с рыжим парнем. Был он силен, тяжелые доски поднимал с такой легкостью, словно они ничего не весили. Руку мне пожал так, что я присел, и неожиданно высоким тенорком сообщил:

— Толя.

Вначале мы с ним перетаскивали сваленные в ста метрах от циркулярки доски. Толе эта работа была нипочем. Доски он без заметного усилия взваливал на плечо и тащил к пиле. А я, перетащив первую доску, спросил:

— Ближе не могли подвезти?

— Шофер не захотел. Дорога сюда, видишь, неважная.

— А на себе таскать хорошо? Ты не мог шофера заставить?

Толя, тащивший в это время толстую шестиметровую доску, остановился и медленно, вместе с доской, повернулся ко мне:

— Как?!

— Ну...

— Вообще-то я не подумал... А дорога?

Дорога действительно — бугры, ямы, выбоины, развороченная колея.

Я заметил, что неподалеку Беленький оставил свой бульдозер и выбрался из кабины покурить. После инцидента в пристанционном буфете он меня всегда издала весело приветствовал.

— Э-э-закуришь? — спросил он, доставая из кепки пачку папирос.

— Спасибо. Не курю.

— В-в-вот это п-п-похвально!

— Дядя Миша, не проутюжишь нам дорогу к циркулярке? Экскаватором все перерыли да так и бросили. Ни проехать, ни пройти. Машины лес сваливают черт знает где, а мы таскаем.

— Это мы м-м-мигом, — улыбнулся Беленький и, докурив папиросу, прыгнул в кабину.

Засыпав ямы, согнав развороченный грунт, Беленький развернул свою выдавшую виды машину и, пятясь, пригладил напоследок ножом дорогу. Работа была не просто хорошая, а красивая.

С восхищением следили плотники за работой бульдозериста.

— Ну, ты даешь, Валерка! — заметил Толя. — А ведь мы полмесяца мучились...

Несколько дней я работал на пиле. С летучим звоном сверкающий диск входил в дерево, веером

летели опилки. Пахло свежей древесиной. Мне нравилась эта работа — она не отвлекала меня от мыслей об Ане.

Я ничуть не обижался на нее. Наверно, приглядываясь ко мне и найдя что-то такое... И со мной случалось — вначале нравится человек, а поближе узнаешь, и он уже не нравится... Но дорога, по которой мы шли с Аней горячим лесом, запах цветов и легкие тени на траве, тишина — все это вызывало незнакомое чувство радости и одновременно острой боли. Такого еще не бывало со мной.

То припоминалось мне, как Аня медленно гладит ярко-зеленый лишайник, словно пушистого котенка, то вновь я видел, как она улыбается своему зыбкому отражению в лесном роднике, как прикладывает щеку к теплым бревнам часовни... и непонятно смотрит на меня.

— Не о том думаешь! Надо думать о пиле. Гляди, так вжикнет — без руки останешься, — сказал вдруг Толя.

Через несколько дней бригадир послал меня бетонировать стыки со старым плотником Заплеткиным.

Маленький, нескладный, какой-то корявый весь, Заплеткин был плотник из местных. Работая топором и ножовкой, он рассказывал, как отец учил его плотницкому ремеслу. Мне казалось, что речь шла о давних-давних временах и старом забытом ремесле. Заплеткин и впрямь давным-давно пришел в город из глуши и с тех пор работал на разных стройках, но речь его по сей день отдавала лесом.

— Вишь, работа ювелирная, — говорил он о бетонировании стыков. — Однако куды от ее денесся? — Он разводил в стороны руки и подытоживал: — Никуды. Весь металл должен быть упрятан в бетон. Понял? Сперва ты должен чего? Сперва ты должен поглядеть. Так и так, со всех сторон. Тут догад нужен.

— Что?

— Догад. Ну, подгадать надо так, чтоб в аккурат. Главное — молочко из бетона чтоб не ушло в щели.

Заплеткин уже много лет делает опалубку под стыки, и работа у него действительно «ювелирная». Он кропотливо подгоняет клинышки, прямо-таки притирает дощечки друг к дружке — и все это обычно на значительной высоте, в неудобной позе, скособоцаясь, перегнувшись.

Мастерство и терпение старого плотника меня поразили. Едва сварщики заканчивали свою работу, Заплеткин осматривал сварку. Иногда кивал довольно, иногда ворчал неодобрительно — он отлично разбирался в качестве сварки — и начинал прилаживать «опалубочку». Раньше я как-то даже и не замечал этого человека, так он был небросок, а ведь выполнял он ответственной работу. Иногда, когда дел прибавлялось, бригадир посылал к нему двух-трех опытных плотников,

но за все «узкие заделки», как в бригаде называлось бетонирование стыков, отвечал Заплеткин.

Я подавал ему инструмент, придерживал нескрепленные детали опалубки, иногда подстраховывал его.

И снова меня перебрасывали с одной работы на другую: то с кем-нибудь из плотников я сколачивал переходы, то помогал устраивать защитные навесы, то опиливал рейки для полов.

Однажды я угадал стеклить окна одного из заводских корпусов вместе с самим бригадиром. Петров резал стекло, а мне велел сажать на краску штапики — тоненькие трехгранные рейки. Они должны плотно прижимать стекло. Прибьешь их гвоздиками, и не надо никакой замазки. Удобно, быстро. Работа как будто простая, но молотком можно ударить по стеклу.

Я аккуратно прикладывал и осторожно прибывал штапики, а Петров резал стекло и наблюдал за мной.

— Ничего у тебя рука, чуткая, — одобрил он. Раз все же я промазал, когда прибывал штапик, стекло со звоном разлетелось в куски.

Я ожидал, что Петров отругает меня за невнимательность, а он только ухмыльнулся и сказал:

— Это бывает. Рука, утомясь, теряет точность, глаз косит... Порежь-ка стекло, а я поприбиваю.

Взяв стеклорез, я некоторое время со страхом глядел на хрупкую полосу стекла. Неуверенно положил на нее линейку, осторожно повел стеклорезом. Линия получилась слабой. Начал было подколачивать стекло снизу рукояткой стеклореза вдоль своей слабой царяпины и расколол.

— Так мы с тобой стекла не напасемся, — даже не обернувшись, заметил Петров. — Когда ведешь стеклорез, осторожность не нужна. Нужна сила и твердость... Нет, сверх меры жать тоже не следует, однако...

Никогда я не думал, что столь хрупкая вещь, как стекло, требует такого жесткого обращения. Оказалось, резать стекло куда тяжелей, нежели разбивать ломом бетон. Сначала как будто ничего, а потом от напряжения начинает неметь шея, не слушаются руки.

Раскроив несколько полос, я вытер заливавший глаза пот.

— Ну и ладно, — сказал Петров. — Теперь я. А ты прибывай рейки.

Больше по стеклу я не ударял.

Через несколько дней, когда мы застеклили все три этажа, Петров взял меня с собой устанавливать дверные переплеты в бытовках.

Мы долго ходили по нижнему этажу. Петров осматривал все, что сделано по плотницкой части. Вошли в одну из душевых. Петров любовно провел ладонью по облицованной кафелем стене.

— Ладно подогнано, — сказал он и добавил: — А между прочим, нелегкое это дело. Девчата плакались с облицовкой, пока пошло.

Он крутил неокрашенные еще вентиля, стано-

вился под душевой рожок, подмигивал мне весело, мол, то-то хорошо будет тут помыться.

И на это сказал:

— Нас-то тут и не будет, как душ заработает.

— Это верно, — согласился Петров. — Мы опять где-нибудь начнем с земли, с нулевого цикла. Такая уж у нас работа...

Когда я сказал дома, что подумываю, не стать ли плотником, у Оли в глазах мелькнул испуг:

— Ты? Плотником?

— А что?

Я хотел объяснить, почему выбрал именно эту профессию, но, к своему удивлению, не смог.

Оля поняла это как неуверенность.

— Я была на стройке, — сказала она, — но не видела там никаких плотников.

— Ну, как же! — возразил я. — Везде они...

— Да нет, я вообще-то не о том... Понимаешь, ведь столько современных профессий... Ты хотел стать монтажником...

— Хотел.

— В чем же дело? В наше время топором работать... — Она неуверенно пожала плечами.

Мама молчала, лишь внимательно смотрела на меня.

И тут я сказал Ольге о том, что заставило меня сделать выбор.

— Топором? Да я почти и не держал в руках топор. Был на пиле, потом стыки бетонировал с Заплеткиным, окна стеклили с бригадиром. Разная работа... На верхах и на нуле...

— На нуле?

— Ну да. На фундаментах. Плотников Петрова иногда даже называют бригадой нулевого цикла.

— Валерик, я просто ничего не понимаю в вашей работе. Выбирай сам. Только знаешь, откровенно сказать, мне бы хотелось, чтобы работа у тебя была не такой грязной. Я понимаю, стройка... Иначе и невозможно. И все-таки...

Мама вдруг встала и ушла.

Мы замолчали. И — услышали ее всхлипывания. Перепуганные, бросились в кухню.

Мама подняла голову, и мы увидели, что она улыбается.

Это было так неожиданно, так странно, что мы застыли, глядя на нее.

— Я боялась, когда ты начал, — тихо сказала она.

— Чего боялась?

— Всего помаленьку. Когда ты после первой зарплаты пьяный домой пришел, я подумала, это — начало. Начало беды... Шурик вон так никуда ведь и не прибил. Поработает две недели и опять — по подъездам. А теперь я вижу... Вижу... — И ее глаза снова наполнились слезами. — Э, да разве вы поймете!.. — Она слабо махнула рукой.

Меня уже не тянуло к ребятам, да и я был им теперь безразличен. Мы разговаривали вроде так же, как прежде, ведь времени прошло не так уж много, а я оказался где-то в стороне. Нет, я не чувствовал себя отторгнутым, выброшенным из близкой мне среды. Скорее, что наши пацаны вызывали у меня сочувствие. Впрочем, наверно, и они так же сочувствовали мне.

В тот вечер я встретил в подъезде Галку.

Высокая, красивая, с сумкой на длинном ремне, она показалась мне какой-то незнакомой, словно мы и не сидели с ней за одной партой.

— Валерик... — Она остановилась. — Сто лет тебя не видела. Как дела?

— Да так... — Я чувствовал себя неловко с ней. — Работаю. На стройке.

— Мне мальчишки говорили... И как? Нравится?

— Да ничего. Привыкаю.

— Почему не заходишь? — Она смотрела мне

прямо в глаза, и я понимал, этот вопрос задан не просто так.

— А ты выросла...

— Это каблуки. — Она рассмеялась. — Нынче в техникум будешь поступать?

— Нынче нет. И вообще...

— Что — вообще?

— Нет, ничего. Мама нездорова... Понимаешь? Она сразу посерьезнела и чуть тронула меня за руку:

— Заходи... Раньше все время бегали друг к другу. А теперь ко мне приходят только те, кого я не хочу видеть. Почему все так меняется?

— Как?

— Быстро... Приходят, мешают. А я готовлюсь к экзаменам...

— Шурик, что ли?

— Шурик. Да и все остальные какие-то надоедливые. Все одно и то же, одно и то же... Мальчишки просто не знают, чем заняться...

После встречи с Галкой я долго ходил по черному городу. Новым, непривычным было это отрадное ощущение, когда можно обо всем подумать, что-то решить для себя, когда никто не бубнит над ухом и не бречит на гитаре. И темные громады лип напоминали мне лес, а подвижные тени ветвей под ногами — лесную дорогу к часовне...

У самой земли натянуты как струны сверкающие нити стальной проволоки. Везде развороченная земля, траншеи, трубы, кирпич, металл, железобетон. Все перемещается, все в движении. Лишь эти сверкающие нити стальной проволоки неприкосновенны: их далеко объезжают, осторожно переступают. Это — оси. Это как бы застывшие в воздухе зримые линии проекта.

Мы всей бригадой с утра устанавливаем опалубку по осям. Массивная деревянная коробка уже готова, доски надежно скреплены.

У Петрова выгоревшая куртка почернела на плечах от пота: коробка то оседет, то сместится в сторону.

— Что ни опалубка — вечно морока! — В голосе у бригадира улавливаю раздражение. — А чуть что не так — беда: как залиют сюда кубов полста бетона, тогда уж не подвинешь.

— Ну, как? — спрашивают снизу плотники.

— Самую чепуху осталось...

Я уже со злостью смотрел на острие отвеса, застывшего над забитым в доску гвоздем.

— Ну-ка, подай на меня еще маленько, — говорит Петров.

Мы разом наваливаемся на занозистый бок коробки. Чувствую, как в плечо впирается острый край доски, но жму что есть силы. Опалубка поддается. И тотчас сверху голос Петрова:

— Э, лишку, сдай назад... Еще немного...

Уже начался обед, а мы все возились с опалубкой.

— Ладно тебе, Акимыч, — устало говорит один из плотников. — Как окончательно закреплять будем, проверишь. Идем обедать.

Но Петров точным ударом обуха сам чуть сместил опалубку. Мы даже не ощутили ее движения, но острие отвеса оказалось точно под гвоздем.

— Теперь порядок.

Точно в двенадцать все плотники пришли к циркулярке. В буфет обедать никто из них не ходил.

Сидели на досках. Не то чтобы тесно, но и не порознь. Кто молча облупливал яичко, кто открывал бутылку с кефиром.

Выложил и я свой сверток, развернул, подвинул плотникам.

Петров увидел, что у меня в банке соленые грибы, оживился:

— Своего посла?

— Своего. — Я подвинул банку.

Он отсыпал из банки на свою широкую ладонь немного грибов и кинул в рот.

— Хороши. Черный груздь. Сам брал?

— С сестрой.

Он расспросил меня о сестре, о маме. Чуть улыбнулся чему-то, но чему — не сказал, и опять перешел на грибы:

— У нас вот свинушки хороши на жарку и на посол. А в иных местах грибы эти не берут, видно, не та земля...

Пообедав, мы напились ключевой воды. Олег Иванович добыл где-то старую бочку из-под кваса, ее починили, и каждое утро, подцепив к «Беларуси», привозили ключевую воду. Это была необыкновенная вода. Помню, первый раз я выпил сразу четыре стакана. Потом сам ездил за водой, сначала — чтобы посмотреть. Это оказался обыкновенный ручеек, вытекающий из травы. Но вокруг него теснилось много пчел, шмелей и ос, каких-то светлых паучков, красных стрекоз и мошек. В ложбине я осторожно зачерпывал воду небольшим ведром, стараясь не взмутить. Когда мы возвращались с водой, возле прорабской уже стоял Олег Иванович с графином...

После обеда плотники разошлись отдохнуть, а я подошел к Петрову:

— Василий Акимович, возьмите меня в свою бригаду.

Бригадир достал из кармана мятую пачку папирос, не торопясь закурил.

— Надумал быть плотником? А топор в руках держал?

— Держать-то держал.

— Видел я сегодня, как ты им орудовал. В охотку-то вроде ничего, а за день тяжелым он тебе покажется. Да и не все у нас по плотницкой — есть и земля, и бетон... — Он вдруг прищурился и наклонил голову набок. — А все же — почему в нашу бригаду?

— Ваша нравится.

И вдруг он ударил ладонью по доске, на которой мы сидели.

— Как нравится?! На стройке мы вроде затычки. Где чего трещит — в прореху сразу нас. Вот и затыкаем дыры. И работа плотницкая тяжелая. Иди-ка ты в монтажники. У них и механизация, и заработки повыше наших.

— Я к вам хочу.

— Однако ты упрямый. Ладно, давай так договоримся — мы еще на тебя поглядим, а ты — на нас.

Со стороны прорабской, торопясь и по-медвежьи переваливаясь, шел Толя. Издали видно было, как он плотен и крепок: массивные плечи, короткая борцовская шея. Подошел к Петрову:

— Василий Акимович, Олег Иванович всю бригаду зовет.

Когда мы вошли в прорабскую, там уже было полно народу. Многие курили. И как всегда, у

входа на корточках сидел бульдозерист Беленький. Он подмигнул мне из-под низко надвинутой на глаза кепки. Шло собрание партгруппы с участием комсомольцев. За столом сидел секретарь партбюро управления Артюхин.

— Сейчас, — заговорил Олег Иванович, — нас интересует только один вопрос — темпы работ.

— Плохо, что ль, работаем?! — хмуро спросил бригадир каменщиков дядя Митяй.

— Нет, не плохо. Не о том речь. Мало внедряем нового.

— Почему мало? А свайные фундаменты? Разве они не дают выигрыш времени?

— Дают, но это уже дело прошлое.

— А панели вместо каменной кладки?

— Это — где возможно. Нам надо не только войти в график, но и иметь резерв на осень, когда погодные условия...

— Резерв... — протянул дядя Митяй. — Пусть кирпич в пакетах возят да раствор без щебня!

Секретарь партбюро Артюхин встал из-за стола:

— Погоди. С кирпичом наладится. Положение дел на кирпичном заводе разбиралось на днях на бюро обкома. А мы собрались, между прочим, не для того, чтобы спорить о пакетах.

— Ладно уж... — Дядя Митяй обиженно засопел и сел на лавку.

— Вот и ладно. Послушай лучше, что Олег Иванович про насосную доложит.

Олег Иванович взял лежавшую у доски брезентовую рукавицу, плеснул на нее воды из графина и вытер доску. Попробовал на столе мед и откашлялся.

— По проекту насосную станцию предусмотрено строить методом опускания. — Он провел мелом по доске. Жирная горизонтальная черта, как по линейке. — Над уровнем земли делаем опалубку, варим арматуру, заливаем бетоном и... — Он показал пунктиром, как бетонное кольцо опускается вниз. — Метод хорош, если грунт насыщен водой.

— У нас не насыщен, — простодушно буркнул кто-то из угла.

— Вот-вот, у нас не насыщен, — подхватил прораб. — Значит, чтобы бетонное кольцо опустилось, надо гнать воду насосами, разжижать землю, а потом выбирать пульпу.

— Чем? — Тот же голос из угла. Все обернулись. Реплики подавал старый бетонщик Тихомиров, обычно не встававший ни в какие споры. Но тут его, видать, что-то задело за живое. — В войну еще, помню, — продолжал он, — такие штуки делали... Вручную выбирали эту самую пульпу, растуды ее...

Мы думали, вопрос поставил прораба в тупик, но он, напротив, заметно повеселел.

— Насосов у нас нет, — сказал он. — Придется пульпу выбирать вручную и поднимать краном.

По прорабской прошло веселое сдержанное оживление. Что такое выбирать пульпу, знал не только Тихомиров.

— А у тебя есть другой вариант, Олег Иванович? — спросил Петров. — Если есть, выкладывай, не темни.

— Есть. Копать котлован под насосную экскаватором... — Все притихли. В наступившей тишине Олег Иванович продолжал: — ...и затем вести все работы прямо в котловане — опалубку, армирование, бетонирование. Работать будем в две смены методом бригадного подряда. Поручить это дело думаем бригаде коммуниста Петрова.

«Значит, Петрову. Нашей бригаде... Мы — на решающем участке стройки». Я, вытянув шею, посмотрел на бригадира.

Петров принял все сказанное внешне невозмутимо. Помолчал, подумал, потом спросил:

— А расчеты, калькуляция?

— Расчеты уже делают. Документация в отделе труда и зарплат.

— Ну что ж, можно попробовать... — Петров оглядел собравшихся. — Там будет, поди, только бетона полтысячи кубов?

— Около того, — улыбнулся прораб. — Вот это и есть наш резерв.

— Резерв солидный, — сказал секретарь партбюро. — Это тебе, Василий Акимович, и партийное поручение. Мы на партбюро думали, кому эту работу дать. Решили — тебе. Добавь в бригаду комсомольцев, сам посмотри, кого. Работа, конечно, трудная — земля, опалубка, бетон... Но применительно к нашим условиям — как раз то, что надо. Это даст выигрыш и во времени, и в деньгах.

— Все это хорошо на бумаге, — проворчал Толя. — А как зарядят дожди, придется по уши в грязи работать.

Сказал он это вроде сам себе, но Петров его услышал, встал:

— Тогда будем по уши в грязи... На время этих работ прошу дать мне вот каких комсомольцев...

Я замер. Назовет ли меня? Вряд ли... Топор в руках почти не держал — и вдруг на котлован, самую горячую точку стройки...

Петров, загибая пальцы, назвал пятерых комсомольцев и в их числе меня.

— А этого, — он показал на Толю, — не надо, хоть он и мой. И впрямь еще дожди зарядят. Пусть остается на пиле.

— Желающие высказаться есть? — спросил Олег Иванович.

— Есть! — злым тенорком откликнулся Толя и тяжело встал: — Это я к слову сказал, Василий Акимович, что «по уши в грязи». А вы сразу: «Этого не надо!» Да я...

— А и верно, — неожиданно поддержал его кто-то.

— Что верно-то? — Петров, привстав, пытался разглядеть, кто подал голос.

— Да не вытягивай шею, Акимыч: я это, Утюгов. Вишь, какая история: задело, видно, парня за живое...

— Сказано. Что зря януть разговор, — отрезал Петров. — Останется на пиле. И точка!

В тот же день мы провели короткое собрание у себя в бригаде. Петров оглядел нас и сказал:

— Вот что, ребята, пока механизаторы будут рыть котлован, нам предстоит работа. Большая. Но заработка большого не будет. Надо закончить все узкие заделки, чтобы потом мне меньше приходилось отвлекать людей от насосной. Понятно?

Толя между тем подсел ко мне и легонько ткнул меня в бок:

— Валерка, скажи ты ему... Мы ведь с тобой в любую погоду таскали доски по грязи.

— А зачем про грязь вякнул?

— Да я всегда как-то вперед скажу, а потом обдумаю. Понимаешь, характер у меня такой.

— Характер... — Я знал, что с Петровым трудно договориться. И вдруг меня осенило: — Идем к Синявскому. И «молнию» надо готовить про котлован... Ты в школе как, не в отличниках ходил?

— Нет.

— В ударниках?

— А не пошел бы ты...

— Давай к нам, в редколлегию.

— Морду, что ли, кому бить надо?

— И это. Но не в прямом, конечно, смысле...

Пока механизаторы рыли котлован под насосную станцию, мы готовили щиты для опалубки, кружала, поддоны, бетонировали стыки.

Работают плотники вроде не спеша. Я внимательно приглядываюсь к Петрову. На обветренном лице его поблескивает седая борода. Отпусти он ее — была бы лопата! Когда он сдержанно улыбается, борода вспыхивает на солнце, такая она густая и плотная. Покатые плечи его и медвежья сутулость говорят о силе. Петров мне не кажется стариком, хотя ему далеко за пятьдесят. Он учит меня тонкостям плотницкого мастерства. Учит ненавязчиво, как бы между прочим, за работой.

— Пошли-ка поглядим столярку на административном корпусе.

На первый взгляд все было в порядке: застеклены окна, установлены двери, врезаны замки. Но Петров сразу стал тихо про себя поругиваться:

— Дверные переплеты опять из сырого дерева...

Он попутно показал мне, куда надо загонять клинья, чтобы не повело дверной переплет.

— И вот погляди, — сказал он, — все двери.

какие ставим, открыты настежь. А после дерево усохнет — не закроешь. Комиссия придет — дерг-дерг, — и снова плотники за работу. Вообще-то напиши-ка об этом в «Прожекторе», может, будет толк.

...На днях Петров дал мне топор — тяжелый, аляповатый, с неухватистым топорщиком и велел обтесать бревно. Работа вроде ничего особенного. И я ретиво взялся за дело. Однако хватило меня на полчаса.

Когда подошел Петров, топор меня уже не слушался: то круто вонзался в бревно, то, коротко звякнув, оскальзывался.

— Ты, случаем, не левша? — спросил он и вдруг строго прикрикнул: — Как стоишь?! Топор-то сорвется да по ноге и угодит!

— Плохой топор, — виновато сказал я.

— Это бывает, — согласился бригадир. — Дай-ка погляжу.

Он взял топор, повертел его в руках, словно перышко. Казалось, топор сразу утратил вес, едва Петров коснулся его. Потом пошатал бревно, которое я обтесывал.

— Закрепил плохо, — сказал он. — Упора нет, а бревнышко-то невелико, вот и елозит у тебя под топором, ползет в сторону. Да-а, теперь такая работа уже редка. — Он основательно закрепил бревно. — Теперь больше бетон, стеклоблоки, готовая столярка...

Легкими точными ударами Петров начал тесать бревно.

И, по-моему, в эти минуты он забыл обо мне, забыл, что он бригадир, забыл обо всем на свете. Единственное помнил — что он плотник, с малых лет привыкший тесать, ставить срубы, подгонять венцы, экономно и точно поднимать и опускать топор. Петров тесал и тесал бревно, щурился от удовольствия, чуть раздувал ноздри, принюхивался к запаху горячей сосновой смолы. Потом неуловимым движением кинул топор, и тот вонзился точно в центр бревна.

— Вот так, — сказал он. — Главное — стой правильно. Понял? Ну, давай. — Он ухмыльнулся чему-то своему и ушел.

Я снова принялся за бревно. Интересно, замечает ли меня Аня? Ее кран мне виден отовсюду. Вот она остановила свою огромную машину; я вижу, как вниз опускается крюк, и, спустя минуту-другую, в воздухе среди бело-синих летних облаков покачивается стеновая панель. Аня плавно разворачивает стрелу и сигналист. Монтажники уже наготове. Панель плывет над стройкой и вот мягко касается колонн — монтажники принимают ее, и ярко вспыхивают огни электро-сварки.

Ко мне подошел Хонин. Некоторое время молча наблюдал, как я обтесываю бревно, потом заговорил:

— К Петрову, значит, пошел... Ну и дурак. Я оставил бревно и посмотрел на Хонина.

— Что глядишь? Не узнал? — Хонин улыбнулся. У него жесткий рот. Голос высокий, резкий и одновременно тусклый. Лицо его не запоминалось. Черты крупные, резкие, а как будто собраны у разных людей. — Зачем, говорю, в бригаду к Петрову пошел? У прораба есть должность уборщицы — вакантное место. Иди...

— Уборщицы?

— Ну! Вроде и работа, а делать нечего.

Я не мог понять, почему Хонин подошел ко мне. И вроде ведь добра желает. Да добро его какое-то...

— Отчего же сам не пойдешь в уборщицы? — спросил я.

— Зачем? — Он смотрел на меня необычайно пристально. — Мне и там, где я есть, неплохо. А надо будет — пойду. Это ты ранний чистолюблий.

Он наклонился, раздавил окурок на светло-желтой с капельками смолы древесине сосны, как раз там, где недавно прошелся топор Василия Акимовича, и заторопился обратно к башенному крану.

Я некоторое время глядел на этот окурок, потом, размахнувшись, вырубил его так, что он вместе со щепой отлетел далеко в сторону.

9.

Котлован напоминал широкий колодезь. На пятнадцатиметровой глубине от земли тянуло холодом, воздух был влажен и тяжел, а синевая неба над головой казалась гуще, из нее исчезла привычная прозрачная дымка. Нам предстояло выстроить со дна до самого верха двойную опалубку и заполнить ее бетоном.

Сварщики варили арматуру. А мы поднимались все выше и выше, приколачивая к стойкам доску за доской.

Постепенно котлован начал походить на арену для мотогонок по вертикальной стене.

Сверху, у ограждения, время от времени стояли любопытные. Часто слышалось:

— Во дают!

И тут же кто-нибудь говорил:

— Петро-ов!..

Никогда я еще не испытывал такого чувства гордости за то, что было сделано мною, за людей, с которыми работал. Это было ощущение причастности к чему-то настоящему. До сих пор мне казалось, что где-то существуют высота, роман-

тика, жизнь, существуют помимо меня для каких-то иных людей, возможно, более удачливых, а может быть, и более стоящих; что я в стороне от настоящих дел; что большое проходит мимо. А тут с пронзительной ясностью понял, что строю завод, поднимаю его своими руками из земли, из сырой глины, что от моей работы сейчас зависит, уложимся ли мы в срок, сдадим ли вовремя первую очередь завода.

Ровно в двенадцать мы выбирались из котлована и тут же, неподалеку, устраивались обедать.

Однажды, когда я, усталый, грязный, сидел на бревне, ко мне подошла Аня.

— Ну, как новая работа? — спросила она.

— Нормально.

— Не жалеешь, что ушел?

— Хонина жалко...

— Почему никогда не приходишь?

Я вскочил. Мы смотрели прямо в глаза друг другу.

— Ты же сама не хотела со мной разговаривать! Помнишь, когда руки у меня... Ну, на больничном я был...

— Сегодня опять была видна часовня, — неожиданно сказала она.

— И снова белая?

— Белая. Я вчера была там.

— Одна? — Не знаю уж, как это у меня вышло. В уголках Аниных губ как будто едва наметила снисходительная улыбка.

— С Хониным.

«Зачем это она?»

— Ну и что?

— Ничего. Он окуроч погасил о ее стену. Вот и все. Вот так ввинтил его. — Она показала, как Хонин ввинтил окуроч.

У меня как будто разладилось все внутри, я не находил, что сказать. Растерянно смотрел на поношенные, покрытые пылью Анины туфли и у же не мог поднять на нее глаз.

Она чуть коснулась пальцами моей щеки и ушла.

«Нет, не была она у часовни с Хониным. Это она придумала», — решил я.

10.

Дождь налетел внезапно. Нас окатило, словно из опрокинутой бочки. И вмиг промочило до нитки.

Мы с Аней спрятались от ливня под навесом наклонной галереи.

Стояли рядом, холодные, мокрые, близко друг к другу, и от этого было жарко.

Лучом света вспыхнула ее улыбка.

— Грибы-то теперь пойдут!..

— Пойдут, — в тон ей ответил я, — мухоморы-то...

Она рассмеялась и прижалась ко мне еще ближе.

А дождь катил лавиной, гремел листами железа, сметал мусор. Земля не успевала впитывать его, так он был внезапен и обилев: по дороге уже мчались потоки воды.

«Котлован... — с тревогой подумал я. — Не поползла бы глина...»

Прибитая пыль, намокшее враз горячее дерево, смоченные внезапной водой камни, плиты — все пахло волнуяще и остро. От близости Ани, такой неожиданной и ясной, у меня закружилась голова.

Аня посмотрела на меня пристально, прямо. Серые глаза ее вдруг потемнели, на губах появилась странная улыбка, будто она с этой улыбкой прислушивалась к чему-то неожиданному в самой себе.

Она медленно провела пальцем по моим бровям, сначала по правой, потом по левой, и вдруг сказала:

— Я видела твою сестру. Вы близнецы, что ли?

— Нет... — Я хотел добавить, что Ольга старше, однако вовремя спохватился.

Но Аня поняла меня, и снова вспыхнула ее улыбка.

— Вас просто не отличишь. Нет, нет, — в свою очередь спохватилась Аня. — Я ничего такого не хочу сказать. Просто это удивительно. И потом... — она помедлила, — мне это нравится. Ты ее любишь?

Я кивнул.

— Счастливый ты. Вас двое, таких хороших... А у меня, Валерик, только мама в деревне, больше никого... Деревня в глуши, в лесу... Речка маленькая... На дне видны камушки... У мамы коза. Белая. Вот и все. Туда приедешь, кажется, ничего не изменилось с детства...

Дождь пролетел, прогрохотал, и почти сразу по окнам зданий, стеклам кабины башенного крана полоснуло солнце.

Аня подняла голову.

— Ну вот, сверху уже хорошо. Пора на кран.

Отовсюду из-под навесов выходили рабочие, направлялись кто куда. Наши плотники спешили к котловану.

В тот вечер мне пришлось задержаться: откачивали из котлована воду, выбирали клейкую грязь.

Возвращался я поздним троллейбусом, когда уж и пассажиров-то не было. За окном встряхивало черную летнюю ночь с размытыми огнями, время от времени набегавшими на меня. Потом огни куда-то провалились, из ночи вырвался нестерпимый грохот. Казалось, меня усердно охаживают по голове пустым ведром. Но проснуться не хватило сил. Сон застал меня в углу пустого троллейбуса, ведомого по ночному городу красивой, но хмурой девушкой.

Мне снилось, что возле самого моего уха работает насос, а из широкого шланга хлещет мутная вода.

Кто-то бежал, стуча сапогами, по мокрым доскам и кричал, что оголены провода...

Я просыпался, снова засыпал.

Потом я вдруг увидел грибы, большую плетеную корзину, полную грибов, и не сразу понял, откуда она взялась. Напротив сидели две старые женщины.

— Я-то думала, выпимши, — донеслось до меня. — А он, видать, та-ак...

Я понял: это про меня говорят задержавшиеся в лесу бабуси. Видно, заснул всерьез.

Отвернулся к окну и стал глядеть в темноту, пытаюсь определить, что за остановка.

Троллейбус резко тронулся с места и пошел дальше по ночному городу. Я прислонился виском к холодному пластику. Толчки отдавались в голове глухой болью.

— Пошли, видно, грибы-то? — спросил я у своих случайных попутчиц.

— Пошли мухоморы-то... Дома нас, поди, и не ждут. Думают, волки растащили...

Дома, едва стукнул, дверь открыла Ольга.

— Куда ты пропал? Что с тобой? Заболел?

— Здоров.

— А где был?

— В ресторане.

— Я серьезно спрашиваю.

— Квартальный план выполнял одним днем.

И прихватил ночь.

— Выполнил?

— Спрашиваешь!

Она хмурилась, и мне казалось, что это я в зеркале вижу свои две стрелки над бровями.

— Уходи-ка ты со стройки... — сказала Ольга шепотом.

— Ни за что! — так же шепотом ответил я.

С упоением, соединенным со страхом, я думал об Ане. И странно, во всякую минуту воспоминание о ней с необъяснимой неизбежностью возвращало меня к мысли о Хонине.

Некоторые завидовали Хонину, что он так легко живет — не переработает, не возьмет на себя ничего лишнего.

Я чувствовал таившееся в нем куда более значительное зло, пока еще не вполне понятное для меня. А может, это потому, что он постоянно возле Ани? Неужто это обыкновенная ревность?

Я начал чувствовать, что Аню мне никто не может заменить: ни мама, ни Оля. Я мог без конца смотреть, как у ее губ вспыхивают легкие лучики.

Однажды мы с ней сидели у крана. Аня взглянула на часы:

— Опять не подвезли вовремя бетон. А привезут — начнется спешка. Сразу придет несколько машин, и Водяной начнет свое: «Давай скорее! Давай скорее!» Больше всего не люблю эту суету.

В спешке там допустишь ошибку, тут не доглядишь. А это кран... С такой-то машиной, — она хмуро взглянула на перечеркнувшую полнеба стрелу, — и до беды недолго...

Подвезли бетон. Аня встала, огляделась кругом и улыбнулась:

— Курорт окончен!

И когда Аня поднималась к своей кабине, я случайно перехватил взгляд Хонина. В глазах его была злоба. Он пристально следил за каждым ее движением и не замечал, что я смотрю на него. На какой-то миг сердце кольнула необъяснимая тревога. Мне вроде бы следовало радоваться, что щелкнул Хонина по носу, а вместо этого я ощущал беспокойство оттого, что он неотступно был возле Ани.

II.

Неприметно подступила осень. Нагнало туч, и потянулись дожди. Сначала редкие, едва прибывающие пыль. Потом зарядили грозовые ливни. Чем дальше, тем чаще сменялись дни изморосью. Котлован буквально заливало. Со стен его отслаивалась и ползла вниз глина. Выбирать ее приходилось вручную.

— Ничего, закончим, будет легче, — подбадривал нас бригадир.

Каждый день к нам приходил прораб, смотрел работу, озабоченно советовался о чем-то с бригадиром, поглядывал на серое небо, повисшее над стройкой.

Я уже мог весь день, не чувствуя особой усталости, работать топором.

Однако Петров все поправлял и поправлял мою руку, показывал, как надо стоять, советовал не делать лишних усилий.

На котловане я работал наравне с другими плотниками, не отставая от них. Я придумал подвесить на консолях в котловане редукторную дисковую электропилу для обрезки концов досок. Это дало некоторый выигрыш и облегчило нашу работу.

«Прожектор» мы выпускали вместе с Толей. Писал он медленно, но четко и аккуратно. Частенько, правда, приходилось исправлять за ним орфографические ошибки, однако получалось у нас неплохо. Вот только рисунки... Рисовать никто из нас не умел.

Валя Синявский, глядя на эти рисунки, говорил:

— Сюрреализм... И все же это не самое главное. Главное — к новому году пустить первую очередь завода.

И мы нажимали вовсю. Вечером я засыпал, пожалуй, раньше, чем голова моя успевала коснуться подушки. Утром вскакивал под неистовый треск будильника и мчался под душ.

У Ани тоже прибавилось работы. Она теперь гоняла кран от главного корпуса завода к складу глины.

Склад глины — это только называется так. На деле же — огромный цех: в нем мог бы разместиться чуть не весь завод вместе с сорокаметровой вращающейся печью. Внутри склада глины проложен железнодорожный путь.

Аня подавала монтажникам фермы и плиты перекрытия. Работа на монтаже склада глины требовала предельной осторожности и от крановщицы, и от монтажников. Осторожности, согласованности и смелости. Монтаж шел на десятиметровой высоте. Ребята в бригаде Михеева как на подбор — все рослые, плечистые. Состав этой бригады не менялся: никто из нее не уходил, никто в нее не вливался. Так и держались михеевцы одной группой — семь человек, считая бригадира.

Во время работы монтажники весело переговаривались с Аней, приглашали ее кто в кино, кто в театр, кто на танцы.

А она сердито кричала им:

— Леша, пристегнись!.. Мальчики, будете лыхачить, откажусь с вами работать. Понятно?

На глазах поднимались новые корпуса завода. Завершался монтаж сорокаметровой вращающейся печи обжига. Недалек уже был день, когда в ней вспыхнет мощное газовое пламя, в котором закружится нескончаемый вихрь гранул. А пока мы заливали в опалубку бетон, уплотняли его вибраторами.

В начале сентября мы вышли на нулевую отметку.

12.

Это был разговор, к которому я возвращаюсь без конца.

Мы с Аней шли картофельным полем к электричке. Мы были вовсе не одни — и впереди и позади нас шли рабочие разных бригад, все после смены спешили на поезд.

На перроне собралось полно народу.

Когда донесся шум приближающегося поезда, Аня вдруг взяла меня за руку.

— Идем...

И мы пошли с ней узкой тропинкой.

Вскоре нас догнал и пронесся мимо поезда. Мы олянулись — перрон опустел, нигде ни души...

— Слушай, — сказала Аня, — как это мы до сих пор не додумались пройти эти шесть километров после работы пешком? Ты не знаешь?

— Нет.

— Слушай, — снова сказала она. — А может быть, мы и еще до чего-нибудь не додумались? — И, засмеявшись, зашагала впереди.

Мне нравилось в ней все: как она держала голову, ее подвижная легкая фигура, ее походка, ее всегдашние неожиданности: одна из них — эта наша прогулка пешком.

Осень, в общем-то сырая и дождливая, прояснилась, и ясность и тепло будто захватили в прощальные объятия: дымчатая глубина полей, лес, вдруг обagrившийся после долгого зеленого сна, кое-где лиловый, кое-где фиолетовый, бесчисленные гроздья рябин, запах приносимого ветром дыма, приглушенные звуки — все было трогательно, прощально, все могло вызвать счастливые слезы.

Аня обернулась, улыбнулась мне, замедлила шаг и пошла рядом. Я почувствовал ее плечо, ее руку, ее быструю крепкую ладонь.

— Если бы мы сегодня поехали электричкой, то не увидели бы этих рябин.

— А знаешь, — сказал я, — это нам только кажется.

— Как?

— Ну, так...

Она с улыбкой заглянула мне в глаза:

— Правда... Одной мне все это тоже, наверно, казалось бы обыкновенным...

Мы то шли по шпалам, непрерывно меняя ногу и подскакивая, то бегали вверх и вниз по насыпи, гоняясь друг за другом, как будто и не было довольно трудного рабочего дня.

Мимо нас пронеслись поезда, стремительные пассажирские и нескончаемые, пахнущие лесом и нефтью, грузовые.

Пережидая их грохот, мы умолкали, а потом опять говорили.

Чего-то я не расслышал из-за шума уходящего поезда, разобрал лишь остаток того, что сказала Аня:

— Олег Иванович просил завтра две смены... А мне в школу. Значит, опять пропущу. И так уже много пропусков... Ты хитрый — не повышаешь свой...

Я схватил ее за руку и уткнулся лицом в ее куртку, уткнулся, словно бросился в омут, чтобы меня не было видно и слышно, чтобы спрятаться от себя, от Ани, от красных рябин, от осеннего света, от всего. Анина куртка пахла машинным маслом и еще, кажется, полынью.

Я поднял голову, спросил:

— Почему ты пахнешь полынью?

— Потому что... — Бледность медленно скатывалась с ее щек. — Потому что...

Это было, как я понял потом, признание в любви. А я вдруг задал дурацкий вопрос:

— А Хонин?

— Что-о?! — Анины глаза округлились.

Затем мы долго шли молча. Аня впереди, я — следом.

Внезапно налетел резкий порыв холодного ветра.

Аня замедлила шаг.

— Теперь опять будет мучение с этой погодой... Хотя бы дул равномерно, а то рванет как бешеный, и опять тихо.

— Ты заклинила линейный контактор?

— Нет.

— Почему?

— Да пойми, это же категорически запрещается. Этим выводится из действия защита от перегрузки и короткого замыкания и вообще блокировка всего крана.

— Ну и что?

Аня лишь пожала плечами и отвернулась.

— И так неприятностей хватает. А тут — линейный контактор! Да если хочешь знать, запрещено даже выдергивать краном защемленный грузом чалочный канат, поднимать примерзший или присыпанный землей груз. Даже тебя я не должна была пускать в кабину, потому что это запрещено правилами.

— Но ты же сама говорила...

— Мало ли, что я говорила... Олег Иванович сам все пломбы проверяет. И дураков навалом. Под груз лезут, устраивают завалы из блоков и панелей... Думаешь, сверху все видно? За всем

не усмотришь. На днях самого Водяного крюком по голове ударила...

— И что крюк, выдержал?

— Хорошенький смех... Слава богу, каска на нем была. Сам мастер лезет, не глядит.

— Ругался?

— Нет, сам ведь виноват... Знаешь, я больше всего боюсь кого-нибудь покалечить. Представляешь... — Она остановилась, возле ее губ вздрагивали едва заметные горькие морщинки.

— С чего это у нас разговор пошел заупокойный? — весело спросил я.

— И правда... Ах, с ветра. Налетел ветер, вот и...

— Осень. Ладно, мы хоть бетонирование котлована закончили. Уложились в срок...

Этот путь среди осенней травы показался таким коротким, что я с недоумением смотрел на первый перекресток, эстакаду, людей, спешивших к подземному переходу. Город уже охватывали сумерки, кое-где в окнах горел свет.

— Вот и все, — улыбнулась Аня, медленно отведя со лба спутанные ветром волосы. — Завтра можно снова пройти...

Но на другой день с утра пошел дождь. Ветер во все стороны бросал холодные потоки воды. Все надели плащи с капюшонами.

Наша бригада разрослась. Пришли выпускники из ГИТУ, влился кое-кто из разнорабочих.

Василий Акимович как будто притягивал к себе людей. Был молчалив, глядел пристально. Больше давал понять, чем говорил.

Как-то один из новеньких пренебрежительно сказал при нем:

— У всех механизация, а у нас топор да топор, как сто лет назад. Пора его сдать в архив.

— А работать чем будешь? — с улыбкой спросил Петров. — В Москве, в музее я недавно видел каменный топор. Выточен — прямо засмотришься. Другие проходили мимо, а я заинтересовался, расспросил. Оказалось, каменные топоры полировали поколениями — начинал дед, продолжали сын, внук... Во как!

— Интересно, однако, Василий Акимович, когда первый топор появился?

Но старого плотника вопрос ничуть не смутит:

— Четыреста тысяч лет назад.

И меж плотниками мигом разгорелся спор о топоре.

— В древности топоры украшали.

— Это потому, что тогда топор был оружием. А оружие всегда украшали.

— За Русь драться мужик выходил с нераскрашенным топором.

— Теперь топорами не воюют.

И снова в спор ввязался Петров:

— Не скажи, я всю войну прошел с топором. Санером был. Наводил мосты. Не раз купался в ледяной воде. Пять топоров у меня пошло ко дну. Шестой домой привез. Другие с добром, а я с топором. По нам самолеты хлещут, от пуль только шум по воде идет, а мы с топориками — тюк да тюк, и весь фронт на нас глядит, пока переправу наведем. Тогда никто не думал, что топор устарел. Или, может, сейчас возьмем да выкинем наши топоры?..

13.

Я люблю первый снег. А на стройке невесомый покров, насыщенный ослепительно белым сиянием, исчезал под ножом бульдозера.

Бульдозерист Беленький остановил машину, весело щурясь, сказал:

— С-снежок!.. Жаль т-трогать.

Не спеша выкурил папироску. Он всегда курил не спеша, в каком бы темпе ни шла работа и какой бы выработки он ни добивался. Он говорил:

— П-перекур есть п-перекур.

В это утро он курил особенно долго, в каком-то радостном изумлении глядя на неправдопо-

добно белый снег, преобразивший всю окрестность. Потом затоптал окурок, пригнувшись, нырнул в кабину. Бульдозер резко дернулся и снова погнался перед собой земляной вал, смешанный с первым снегом.

У главного корпуса наши ребята и девчонки швырялись снежками. Далеко был слышен смех и визг. Я тоже ввязался в игру.

Снег летел во все стороны. Брошенный кем-то снежок угодил в плечо проходившего мимо прораба. И Олег Иванович схватил комок снега, быстро смял его и запустил в нашу сторону.

Я не заметил, как ко мне сзади подкралась Аня и сунула за шиворот обжигающе холодный комок снега. Пока я его выцарапывал, в меня со всех сторон полетели снежки. Кто-то сбил с меня шапку.

У нас уже горели руки, мы едва переводили дух, и все охрипли от смеха и крика.

Снег падал медленными легкими хлопьями, цеплялся за каждый выступ на стене, выбелил темные керамические трубы, ровным слоем лег на фундаментные блоки, колонны, ригели, прогоны. Поле, где летом рос овес, стало таким белым, что от блеска его ломило глаза.

Однако этот столь приятный на ощупь снег здорово мешал нам работать в тот злополучный день.

Скоро он превратился в легкую пушистую метель. Стало заметно холоднее, в перекрытиях загудел северный ветер. Снег полетел почти горизонтально.

Пришла первая машина с бетоном, почему-то в этот день сильно запоздавшая, и одновременно привезли кирпич.

Водяной в красной с синими полосками куртке бегал по стройке, торопил людей, то тут, то там устранял заторы и заминки. А машины, как нарочно, прибывали одна за другой. Это была не столько уж необычная история. Случается, после пустых часов, не знаю уж, чем вызванных, враз собирается полно машин. Везут металл, стеклоблоки, сборный железобетон — только успевай выгружать. А успеть тут никак нельзя. Машины простаивают, шоферы ругаются, каменщики стоят на подмостях без дела, потому что кран занят на выгрузке и не подает раствор. Кроме того, стройплощадка загромождена сборным железобетоном, разворачиваться автомашинам негде.

Теперь все зависело от крановщицы.

Чувствовалось, что Аня спешила, то и дело сигналила, непрерывно щелкали контакты.

В это время на площадке появился Спиридон, подошел к Хонину, подцеплявшему плиту перекрытия. Отвернул полу мятого пальто и стал доставать из кармана бутылку. Только его сейчас тут не хватало!

Резко засигналил кран, Аня наклонилась к стеклу, глядя вниз.

Появился Водяной, выразительным жестом

показал Спиридонову, чтобы тот немедленно убирался с площадки.

Спиридонов нехотя пошелся прочь и все оглядывался и что-то бормотал.

Ветер вдруг изменил направление и подул резкими порывами.

На кране уже дважды срабатывал анемометр. Кран останавливался, и все ждали, когда утихнет ветер.

Привезли лестничные марши, и тут же пришел панелевоз с панелями, встал так, что ни проехать, ни пройти.

Водяной, сильно жестикулируя, ругался с шофером, однако голоса его почти не было слышно.

Шофер стучал пальцем по своим наручным часам, отвечал, что машина полдня стоит под погрузкой, полдня — под разгрузкой, потому что на стройке нет никакого порядка.

И тут же, как на грех, пришла автомашина с лесом. Петров велел нам самим сгрузить с прицепа доски. Мы надели рукавицы и принялись за работу.

Время от времени я поглядывал на кран. Ане приходилось, видно, нелегко. Ветер то ослабевал, то дул с неистовой силой. В окно кабины хлестала редкая снежная крупа. Внизу суетились, спешили люди. Вся работа по разгрузке пришлась на Аню: в этот день начальник СУ велел перегнать автокран на какой-то другой объект. Второй автокран был в ремонте.

Мы торопливо сгружали доски с прицепа, чтобы поскорее освободить проезд.

Внезапный толчок шквального ветра чуть не сбросил меня с машины, словно перышко, вырвал из рук доску. И тут же странный сдавленный крик повис над стройкой. Крик был какой-то совсем нечеловеческий, несколько голосов будто слились в долгий страшный стон.

Мы все разом обернулись. Я вначале с недоумением отметил про себя неестественный угол, под которым двигалась стрела башенного крана. Потом я понял, что стрела неподвижна. Но что же происходило? И вдруг сердце полоснуло ужас — кран падал. Падал медленно, описывая в смутно-белом небе плавную кривую и быстро набирая скорость. Мне показалось, что за стеклом несшейся к земле кабины крана на миг мелькнуло лицо Ани.

Кран рухнул на фундаментные блоки. От чудовищного удара тяжело качнулась земля. Поляхнуло короткое замыкание.

И люди закричали.

Я спрыгнул с машины и бросился к упавшему крану. В несколько прыжков был у кабины.

Аню я сразу не увидел. Кабина показалась пустой. Потом я разглядел, что Аня лежала в углу. Лицо ее было осыпано битым стеклом.

Кто-то побежал вызвать «скорую помощь».

Олег Иванович, потерявший где-то шапку, прибежал из прорабской, поднял, когда ломами

свернули смятую дверь кабины, на руки Аню и понес ее поперек подкрановых путей прямо на стену.

Кто-то тихо и тоненько заплакал в тишине. И все бросилось вперед, каждый, видимо, хотел убедиться, что Аня жива, но, едва взглянув на нее, одеревенело выпрямлялся.

Олег Иванович дошел до глухой кирпичной стены главного корпуса и остановился, потом оглянулся на нас.

Анина рука висела безжизненно, с пальцев длинными каплями стекала кровь.

В тот же день в больнице, не приходя в сознание, Аня скончалась.

После случившегося собирали нас чуть не ежедневно. Одно собрание проходило даже у самого управляющего трестом: Говорили о технике безопасности, о безответственности отдельных руководителей — надо полагать, имелся в виду Олег Иванович, — допустивших аварию, о неопытности крановщицы.

И все время у меня было такое ощущение, что говорят не о самом существенном, что о другом надо вести речь, но пока сам не мог разобраться в своих чувствах.

На многих стройках опломбировали краны. Линейные механики колесили по всем районам, проверяя состояние строительной техники.

А у нас по стройке ходил следователь — худой медлительный человек с желтой лапкой под мышкой, разговаривал то с одним, то с другим, что-то измеряя рулеткой на месте аварии, просматривал бумаги Олега Ивановича. Однажды он и меня вызвал в прорабскую.

Мы сидели по разные стороны голого дощатого стола, на краю его лежала коробка передач от ГАЗ-69. Было неуютно и жутковато.

Следователь спросил, где я находился во время аварии. Я ответил.

— Где находился стропальщик?

— Как где? Тут же. Подцепил панель и...

— И что? — Следователь перестал писать и поднял голову.

— ...и стоял...

— Стоял... — повторил следователь. — А в это время панель повернулась плоскостью к ветру... Стropальщик должен был развернуть, вернее, вообще не выпускать из рук панель.

— Там же стояла машина с кирпичом.

— Ну, влез бы на машину!

Следователь резким движением что-то зачеркнул и уже вяло спросил:

— В каких отношениях вы находились с потерпевшей?

— С кем? — Лишь задав этот вопрос, я понял всю его глупость.

Следователь же и ухом не повел.

— Тут разное говорят, — продолжал он. —

Будто стропальщик Хонин сильно интересовался ею, а ты...— Следователь перешел на «ты».— Так в каких отношениях вы были?

— Да ни в каких мы не были отношениях! Разговор стал напряженным.

— Ни в каких?

Он, глядя в упор на меня, вытянул под столом ноги и достал из кармана брюк мятую пачку «Беломора». Закурил. И, отмахиваясь ладонью от дыма, принялся что-то писать.

— Говорят, красивая была девушка?

Я проглотил собравшуюся у меня во рту слюну, словно горсть песка. Ничего не ответил и отвернулся к окну.

Застрекотал телефон. Следователь приподнял трубку и сразу положил ее обратно.

Как раньше я не догадался, что во всем виноват Хонин? Это из-за него, гада, все произошло! Только из-за него. Ведь панель — такой парус, такой парус!..

Я вспомнил, что именно в тот момент кто-то крикнул: «Держи!»

— Так как все-таки? — донеслись до меня слова следователя. — Мог стропальщик влезть на машину с кирпичом и развернуть панель ребром к ветру?

— А он сам что говорит? — спросил я, забыв, что сижу перед следователем.

— Говорит, растерялся. Все, говорит, внезапно произошло. Не он ведь, говорит, давал команду сгрывать панели.

Помолчав, следователь спросил, не был ли пьян стропальщик.

— Говорят, он частенько выпивал...

— Выпивать-то он выпивал...

Я умолк. Но следователь понял, что я сказал не все.

— И что же?

— Да нет, ничего... Тогда, по-моему, он был трезв.

— По-твоему... А незадолго до аварии к нему подходил бывший крановщик Спиридонов, бутылку доставал из кармана будто бы... Ты разве не видел?

— Видел. Они не пили.

— Точно?

В ответ я лишь пожал плечами. Получается, я надежно страховал Хонина от возможного обвинения. Влезть на машину с кирпичом он, ясное дело, мог. Мог не выпустить из рук панель, не дать ей развернуться под напором ветра, а стало быть, мог спасти Аню. Но не такой он человек, чтобы спасать кого бы то ни было. Я не думаю, что Хонин умышленно ничего не предпринял, чтобы воспользоваться аварийной ситуацией. Просто он привык никогда ничего не делать для других, и тут сработал этот, так сказать, рефлекс, ставший его привычкой. Вскакивать на автомашину, хватать руками поднимаемую краном панель — это было и опасно для него, и запрещалось

всеми правилами. Здесь могло включиться только одно правило — правило самоотверженности.

— А верно, что Хонин летом подсунил тебе пробитый чалочный канат, которым ты сильно поранил руки?

— Не знаю, откуда взялся этот канат... Не знаю...

Следователь пристально, с интересом смотрел на меня.

— Ясно. Теперь ответь мне на последний вопрос: как ты относишься к Хонину?

— Я его ненавижу!

Он ничего более не сказал. Закончив писать, протянул мне исписанный лист бумаги:

— Прочитай, подпиши.

Написанное я читал невнимательно. Все это мне было неинтересно. Я понял, что следователь просто старался выяснить все обстоятельства этого дела, и разговор со мной ничего не изменил. И, наверно, не мог бы ничего изменить. Впрочем не все ли равно. Ани ведь нет в живых.

Он взял у меня листок и долго смотрел мне в глаза, потом сказал:

— Подумай, может, все было не совсем так, как ты рассказываешь? И не так уж безобиден Хонин. Что-то многовато за ним такого... не совсем ясного... В общем подумай. И приходи ко мне.

И по голосу его, и по внимательному сочувствующему взгляду я понял, что следователь все же не безразличен ко всему происшедшему.

Я вышел из прорабской, и ко мне сразу привязался откуда-то взявшийся Спиридонов. Стал рассказывать про своего зятя:

— И за какой грех Маньке такой мужик достался — ночью два раза встает и ест...

Я смотрел на него и тупо соображал, что он такое мелет.

Лишь сон на короткое время уносил мучившую меня безысходную боль. Но просыпаясь, я ощущал ее с новой силой. Особенно тягостно приходилось, когда я просыпался до рассвета, разбуженный неведомо чем. Я чувствовал себя в эти предутренние часы невыносимо одиноким. Оцепенело стоял у окна, глядя на спящие дома, на серое небо, на клочья облаков.

Иногда ночь выдавалась лунной, светлой. И лунные тени были особенно глубоки. Я тихо звал Аню, и голос мой казался мне чужим, холодным.

И каждый раз я возвращался назад, в прошлое, к аварии, столь быстрой и столь простой. Когда ударил ветер, я должен был не стоять спиной к крану, а бежать к нему, должен был в критическую минуту вскочить на машину с кирпичом, развернуть панель... Я как-то не думал о том, что все равно не успел бы. Только Хонин

мог предотвратить аварию, если бы не выпустил из рук панель.

Хонин... Он, конечно, уйдет. В убийстве его никто обвинить не сможет. А наша ненависть для него — ничто. Уйдет на другую стройку... Уйдет... Все это уже далеко от меня. Но ведь там тоже люди, такие же, как я, как Аня, как все мы... Опять будут говорить о нем: парень видный, в работе аккуратен... Опять будет чьим-нибудь наставником... Нет, этого не должно быть!

Утром Оля спросила:

— Что ты думаешь делать?

— Что-то надо делать...

— Охота тебе... Все равно ведь ничего не изменишь. Аня погибла...

Я вскочил. И впервые под моим взглядом Ольга опустила глаза.

— Извини... Я не хотела...

— Оля! Гад должен получить свое! Получить то, что заслужил. Ани нет... может быть, потому, что слишком много попустительства позволяет себе каждый из нас. Я тоже... Если бы я раньше действовал иначе, если бы Хонина раньше со стройки... Понимаешь? Может быть, и Аня...

— Как жаль, что я ее не видела.

— А ведь Аня старалась выяснить, откуда взялся пробитый чалочный канат, спрашивала, как попали за доски мои рукавицы. Я же не сказал ничего об этом даже на собрании. Действовал именно так, как сейчас советуешь ты...

— Мама говорит, что тебе надо уйти со стройки, чтобы забыть...

— Забыть? — Я посмотрел на Ольгу так, что она покраснела.

Забыть Аню? Уйти в сторонку, спрятаться в уголок?.. А ведь я прежде всего должен закончить то, что мы делали вместе с Аней. Я хочу жить так, как она.

Собрание проходило в необжитом еще, пахнущем краской заводском клубе.

Неуютно было от напряженного молчания. Олег Иванович смотрел на Беленького, ждал. А тот сидел у стены на корточках, молча разминал в пальцах папироску.

— Погоди курить, Михаил Афанасьевич. Доложи-ка лучше, как все было.

Я никак не ожидал, что к этому делу окажется причастен бульдозерист.

Беленький положил папироску обратно в кепку, встал:

— Б-б-было. — И надолго замолчал.

— Как все же вас угораздило? Да еще в начале рабочего дня?

— П-премия... — Беленький растерянно оглянулся на Хонина. — П-подвернулся вот он. Утром. Пойдем, говорит, отметим, пока они в с-снежки играют. Зажал ведь, говорит, премию-то. А я, жмот, что ли, какой? Сроду я не был жмотом!

Все посмотрели на Хонина. Тот лишь едва заметно усмехнулся. Но усмешка была судорожной, натянутой.

— Я сам-то и не пил, — продолжал Беленький. — А этот, — он показал кепкой на Спиридонова, — подвернулся нам под руку и в буфете п-перебрал маленько. Так с-своей головы у него, что ли, нету? Отчего я должен регулировать, сколько ему уп-п-потребить? А этот, — Беленький хмуро взглянул на Хонина, — два стакана молдавского вина выпил.

Хонин вскочил:

— Не был я пьяным! Врет Беленький! Я не пил!

Олег Иванович покачал головой:

— Держите себя в руках. В конце концов вы были не одни с Беленьким. С вами выпивал еще и бывший крановщик Спиридонов. Верно, Спиридонов?

Спиридонов суетливо вскочил, оглянулся на Хонина, глаза его забегали.

— Завязал я. Завязал... Утром солянку сборную ем. Непьющий я теперь человек! — По щеке Спиридонова медленно скатилась слеза.

Зал загудел. Послышались голоса:

— Да знаем мы его сборную солянку!

Олег Иванович помолчал. Я видел, каково давалось ему это внешнее спокойствие.

— Может быть, вы забыли, Спиридонов, почему вас сняли с крана? Мы можем напомнить и возобновить дело в судебном порядке... Тогда семью вашу пожалели, детей...

— Пили! — закричал Спиридонов. — Пили! И он пил! — Спиридонов показал пальцем на Хонина. — Я пил и он. Мы всегда с ним...

— Ясно, — кивнул Олег Иванович. — Кто еще хочет выступить?

Я решил, что начну с первой зарплаты, и посмотрел на Хонина.

Он сидел съезжившись, низко опустив голову.

14.

Весна медленно рождалась в мартовских вьюгах, апрельском слепящем солнце, блеске сосулек и грохоте капель.

И все же воздушно-зеленая трава появилась неожиданно, как-то в один день.

Небо еще полно гроз, но тучи уже светлы и мимолетны. Они уплывают, глухо прогремев, куда-то дальше, где еще светлее и бирюзовее небо.

Как непохоже все это на темную глубокую осень, связанную для меня с первым снегом, перемешанным с землей, перемешанным с тем страшным днем...

Весенним утром я явился в прорабскую.

— Олег Иванович, вот заявление. На курсы крановщиков.

— Ты же плотник. Уже на четвертый разряд тянешь... и уходить?

— Пойду на кран. Вместо Ани.

Лицо Олега Ивановича, худое, усталое, стало серым, он отвернулся, долго молчал. Потом подошел, обнял меня.

— Ну, иди...

Я шел к станции той же тропинкой, которой мы ходили с Аней. Но это была совсем не та тропинка, хоть мне знаком каждый ее изгиб.

У станции пахло тополиными почками, сбитыми ночным ветром и размокшими от дождя.

И этот запах напомнил мне о том, что прошел ровно год с того дня, как я здесь, на стройке.

И если бы в то весеннее утро я свернул налево, а не направо, в первый случайный проулок, всей этой истории не было бы. Не было бы Ани, Олега Ивановича, Водяного, моего бригадира Петрова и всех других, с кем мне пришлось работать. Но была бы какая-то другая стройка, другие люди, или, может быть, авторемонтный или какой-либо другой завод... Может быть, там я оказался бы более удачливым, кто знает, но в одном я не сомневался: все наши удачи и наши беды во многом зависят от нас самих.

Я свернул в заросли молодых тополей, тонких рябинок и осин. Сюда редко кто заглядывал — ветви густо переплелись, повсюду валялся сушняк, ближе к железнодорожному полотну проглядывали темные насуспенные елки.

И здесь был тот же пронзительный запах тополиных почек. Он приходит на краткий срок в году — его приносят и уносят весенние дожди. Наверно, более всего нашу душу бередают запахи. Как будто все возвращается вновь...

Анину могилу засыпали землей, смешанной со снегом. Когда земля оттаяла и осела, я таскал ведрами глину и подсыпал холмик. Глина была еще сырой и вязкой, тяжелой, как свинец...

Вокруг меня тоненько пищали птицы. И как не бывало отвоеванного мною за минувший год мужества... О, как эта влажная земля пахла жизнью!

Эти далекие авто...

Стефан
ЗАХАРОВ

За последние годы в Свердловске довольно часто проводились парады старых автомобилей. Странно и интересно было смотреть на колесных ветеранов. Когда-то эти легковушки и грузовички считались чудом техники. Водители гордо вели их по бульжной мостовой мимо постов милиционеров в длинных белых гимнастерках, а зимой — в черных шинелях. Выезжали те авто и на парады. Только никто не говорил: «Парад старых автомашин», а называлось это смотром транспорта.

Первый такой смотр-парад состоялся в Свердловске 25 декабря 1928 года. Организовало его Уральское отделение автотора.

К двенадцати часам того дня вся городская транспортная техника собралась на площади Парижской коммуны, около оперного театра имени Луначарского.

Выстроились машины по зара-

нее разработанному плану: на правом фланге — велосипеды, затем — мотоциклы, после — легковые автомашины, за ними — грузовые, пожарные и наконец автобусы. После короткого митинга, посвященного транспорту будущего, начался торжественный марш по городу...

За четыре года до Октябрьской революции редакция журнала «Разумный кинематограф и наглядные пособия» выпустила справочник «Путеводитель по Екатеринбург и его окрестностям». В нем имелся раздел «Екатеринбург в алфавите», начавшийся со слова «Автомобили».

«Попытки устройства автомобильного движения, — было написано в этом разделе, — не получили успеха в Екатеринбурге. Пока имеются автомобили у частных лиц и главных гостиниц, доставляющих пассажиров с вокзала».

Вот и все... Стоил проезд в ав-

томобилих дорого и не всегда себя оправдывал. Моторы были несовершенные и на тряских булыжных мостовых с ухабами часто выходили из строя.

Одним из первых шоферов в городе считался Николай Павлович Забелин. Он возил хозяина спичечной фабрики Логинова, который в 1910 году купил себе за границей автомобиль.

По-настоящему автоистория в Екатеринбурге началась лишь в годы Советской власти. Правда, на его улицах тогда, как и прежде, царил ломовые подводы и извозчицки пролетки, но было ясно, что обслуживать растущий, налаживающий свое хозяйство город им становится не по силам. Требовался более эффективный транспорт, более оперативный и вместительный.

Пожалуй, раньше всех заговорили об автомобилях пожарные.

Хотя в 1922 году имелось постановление коллегии губкомунотдела, чтобы губисполком ходатайствовал перед центром о переводе Екатеринбургского пожарного обоза с конного на автомобильный, все же первые автомобили пожарные приобрели сами. Из Перми и Омска они доставили брошенные там отступающими колчаковцами машины иностранных марок и после реконструкции приспособили их для своих целей. Получились две автоцистерны, которые смогли заменить несколько паровых бочек, и одна автولينейка с прикрепленными наверху лестницами: «штурмовкой», «лестницей-палкой», «раздвижной». Иногда линейку вызывали на какой-нибудь митинг. Здесь она использовалась как трибуна: с ее лестничного сооружения выступали ораторы. Пожарные автомашины получали имена, они писались золотыми или белыми буквами на радиаторах: «Стволовый», «Полундра», «Доброволец», «Октябрь».

14 ноября 1927 года техническое оснащение пожарной охраны города пополнилось присланным из Ленинграда настоящим автомобилем отечественного производства. Его мотор и шасси были изготовлены на заводе АМО, а остальное оборудование — на заводах треста «Тремасс». Назвали этот автомобиль «Подстволовый».

Нуждалась в автомобильном транспорте и медицина. Скромные конные повозки «скорой помощи» при всем желании не могли быстро добираться до нужного адреса. И их место в октябре 1925 года заняли купленные в Америке автокары с красными крестами.

В 1927 году моторизация коснулась и милиции, основной «моторизованной» силой в Свердловске долго продолжала оставаться конная милиция. Даже в первой половине тридцатых годов управление милиции имело всего-навсего пять автомобилей.

Шум от тех автомашин, а все они были уже со стажем, с медленно вращающимися валами двигателя, стоял страшный: рессоры и деревянные части кузова скрипели, шестерни скрежетали. Привод у грузовиков на колеса был цепной. Сигналы подавались при помощи резиновой груши (ее звук напоминал криканье утки), или клаксоном, или сиреной. Порой шофер давал сигнал без всякой надобности, просто так, для форса.

Почти все автомобили начала двадцатого столетия поступали к нам из зарубежных стран. До Октябрьской революции в России имелись лишь зачатки автостроения. Главным образом, это была сборка машин из импортных материалов на Русско-Балтийском вагонном заводе. С 1909 по 1915 год завод вы-

пустил около пятисот автомобилей, в основном легковых. «Автомобильный спутник» писал о них в 1914 году:

«Первые в мире по прочности — сконструированные специально для русских дорог!»

Машины с маркой того завода назывались Руссо-Балт...

Первые десять советских автомобилей выпустил московский завод АМО в ноябре 1924 года. Этот год и принято считать начальной датой советского автостроения.

В 1924—1928 годах начался серийный выпуск грузовых автомобилей АМО и ЯЗ, легковых НАМИ-1. В начале тридцатых вступил в строй Нижегородский (Горьковский) гигантский автозавод. И на свердловских улицах все чаще и чаще мелькали автомашины отечественных марок. Они, как показало время, были надежнее и долговечнее.

А в январе 1935 года в «Правде» появилась такая заметка:

«Свердловск. 29 января. (корр. «Правды»). Утром 1 февраля в Свердловске пойдут первые такси. Получены пока четыре машины-такси производства Горьковского автомобильного завода».

Город расширял свой транспорт...

Теперь вернемся чуть-чуть назад, поговорим об автобусах. Первый автобус в Екатеринбурге для перевозки пассажиров появился еще в 1913 году. Но регулярного автобусного движения в городе тогда не было. Оно открылось лишь при Советской власти.

Наверно, мало кто помнит теперь те далекие автобусы. Я же помню. Правда, марку не назову. Тот автобус затарактел в нашем городе в июне 1924 года и представлял из себя какой-то самодельный, почти квадратный фургон, выкрашенный в желто-коричневый цвет. Маршрут его начинался на площади 1905 года, у «Памятника». Так за просто называли в то время скульптуру С. Эрзи «Освобожденный человек». Возвышался этот «Освобожденный человек» на пьедестале, сохранившемся от сброшенной после Февральской революции чугунной статуи царя Александра II. Конечной остановкой автобуса был берег озера Шарташ.

Первый том «Уральской энциклопедии», изданный в 1933 году, упоминал на своих страницах:

«Автобусное городское движение организовано в Уральской области (в Свердловске) с 1924 года, почти одновременно с открытием автобусных линий в Москве, Ленинграде и других крупных центральных городах Союза».

Но настоящее регулярное движение автобусов в Свердловске началось чуть позднее. В феврале 1925 года горкомхоз приобрел пять двенадцатиместных «фордиков». В

том же месяце стали изучать и направление будущих маршрутов и прикидывать цены для будущих билетов. 7 апреля «фордики» успешно прорепетировали свои рейсы, на первомайской демонстрации катали детей.

Пассажирское движение открылось утром 2 мая 1925 года. Вначале было два маршрута, или, как тогда говорили, две линии.

На крышах тех «фордиков», по бокам, были прибиты длинные планки, на которых подробно указывались маршруты. Посадка и вход производились через одну-единственную дверь, устроенную позади. Первые кондукторы были мужчины. Через плечо у них кроме сумки для денег висела еще специальная дощечка с разноцветными билетиками. Проезд в «две версты» стоил десять копеек...

Правда, извозчики новый, да к тому же еще и дешевый вид транспорта люто ненавидели. Извозчики отбивали у них клиентов. Извозчики называли автобусы «собачьими ящиками» и утешали себя тем, что в городе еще достаточно грязных и топких улиц, по которым никакой «формаг» и метра не пройдет. Как же обойтись тут без лошадки и пролетки?

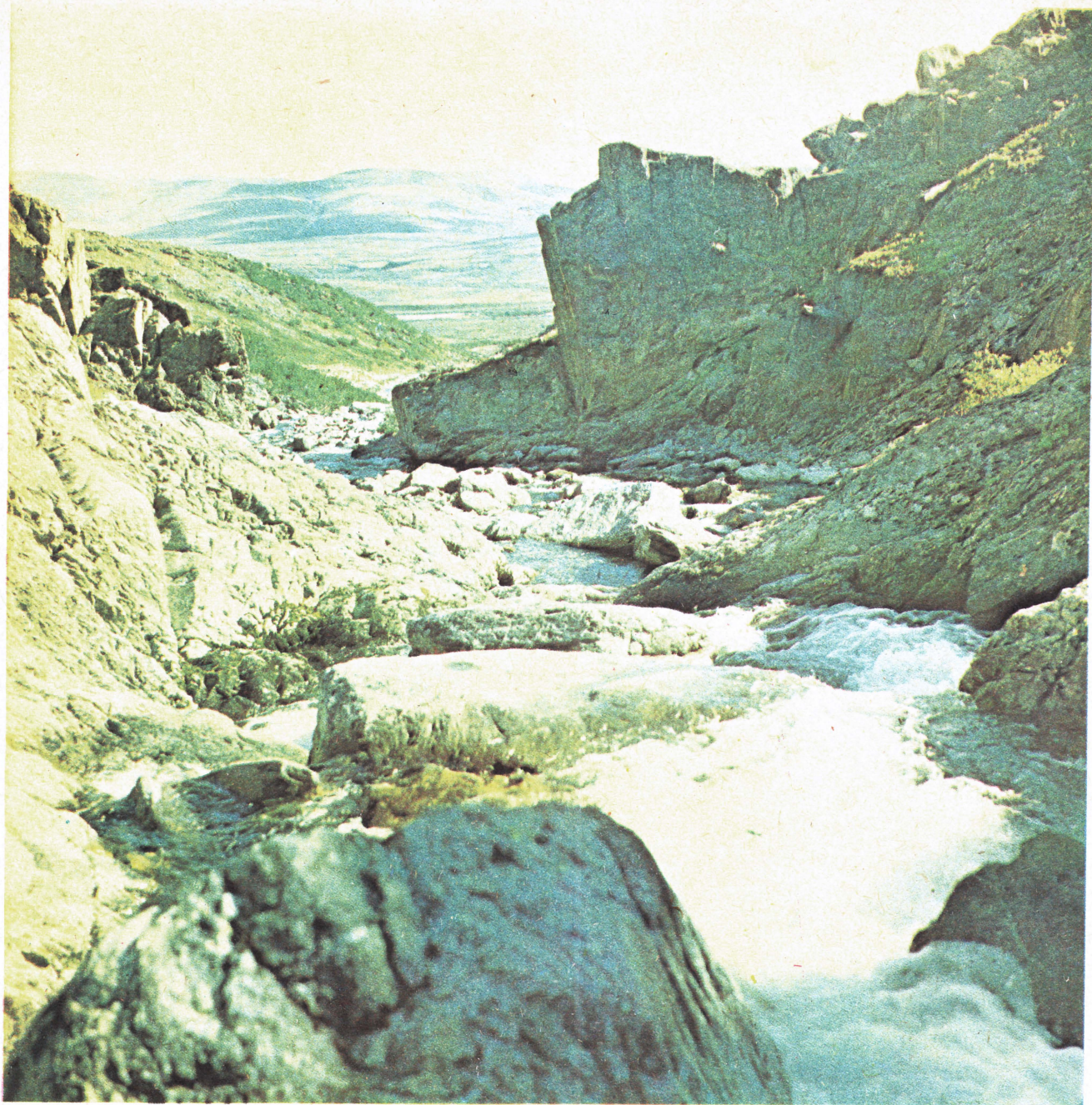
Вскоре автобусное движение открылось в Челябинске и Перми. А «Уральский рабочий» в сентябре 1928 года радовал читателей свердловчан:

«Горкомхоз купил лицензию на десять больших автобусов германской фирмы «Мерседес». Новые автобусы вмещают до 40 пассажиров... Между прочим с прибытием «мерседесов» будут совершенно выведены из строя «фиаты» и «форды», и городской автобусный парк будет располагать 23 мощными автобусами: 10 «мерседесов», 8 — «формагов» и 5 — ЯЗ»¹.

Но несмотря на колоссальный спрос на массовый и дешевый пассажирский автотранспорт, он развивался медленно. Автобусов не хватало: заграничные стоили дорого, а выпуск своих только-только начинался. В 1929 году по всей огромной Уральской области автобусов насчитывалось всего лишь сорок семь. К тому же они быстро изнашивались как от перегрузок, так и от неблагоприятных дорог.

А Свердловск рос и развивался. Росли его заводы, фабрики, учебные заведения, росло население, преобразались старые окраины. И в 12-ю годовщину Октябрьской революции в городе пустили трамвай.

¹ В конце 1979 года в Свердловске работало 940 автобусов, которые ежедневно перевозили 48 тысяч пассажиров.

Древним путем новгородцев

Алексей
НАГИБИН

Фото
автора

Самые ранние письменные сведения об Уральских горах — в рассказе Гюряты Роговича, новгородца, летописцу Нестору. Речь идет о походе 1096 года. «Послал я отрока своего в Печору, к людям, которые дань дают Новгороду; пришел мой отрок к ним и оттуда пошел в Югру. Югра — народ, говорящий непонятно, и живет в соседстве с самоядью в северных странах. Югра рассказала моему отроку: ...есть горы, заходящие в морскую луку, им же высота до небес...»

Летопись Нестора дошла до нас. А сколько письменных памятников — и на бересте, и на пергаменте — уничтожило безжалостное время. Да и вряд ли каждый поход за данью протоколизировался. Может быть, ушкуйники Новгорода на своих ладьях нашли тот, самый северный путь вокруг Ямала? Смелые и отчаянные то были люди. Их наследники — поморы — таким путем ходили не один раз...

Знакомство русских с народностями Зауралья началось с преодоления хребтов в самой низкой части Полярного Урала. Сейчас здесь проложена железная дорога до города Лабитнанги. Надо учитывать, что до похода Ермака путь через Средний Урал был недостижим.

Много позднее дорога в легендарную Мангазею шла уже не сухой, а морями Ледовитого океана. Эта дорога и теперь самая надежная. Такой ее сделали наши могучие атомные ледоколы. Но путь новгородцев не потерял своего значения. При развитии сети железных дорог, при возникновении новых городов и поселков он станет необходимым для комплексного использования богатств Полярного Урала. Конец нынешнего века с его НТР дает все основания считать такой подход уже не фантастикой, а недалеким будущим.

На снимках: ручей Обрывистый на Полярном Урале; так строятся дороги на вечной мерзлоте; нелегко труд геологов; уникальные экспонаты Салехардского музея — находки археологов в легендарной Мангазее.

ЦАРСТВО ФЛОРЫ

Трудно найти человека,
который не любит бывать в лесу, на лугу, у речки.
Это привычно каждому с детства.

Однако многие из нас, особенно горожане, в таких экскурсиях на природу видят просто траву, просто лес, но не знают названий растений, имеют смутное представление об их полезных или вредных для человека свойствах.

Познать мир растений, научиться пользоваться ими, а значит, еще больше полюбить природу помогают нам книги знатоков.

Книги доктора медицинских наук профессора Пермского медицинского института А. К. Кощеева — такие, например, как «Щедрые дары природы»

и «Дикорастущие растения в нашем питании», — пользуются неизменной популярностью и спросом.

В скором времени выйдет еще одна полезная и весьма любопытная книга А. К. Кощеева — «Путешествие в мир полезных растений».

Некоторые главы из нее, любезно предоставленные автором редакции, мы публикуем в журнале.

Мать-и-мачеха

Как только растает снег и земля немного отогреется, повсюду появляются ярко-желтые веселые цветочки мать-и-мачехи. Она всех опережает потому, что ее рост начинается еще в феврале, когда на Урале трещат морозы. Тоненький росточек, осенью накопивший питательных веществ, исподволь начинает просыпаться. Он дышит, и около него вытравивает крошечная пещерка. А как только сойдет снег, стебелек сразу выпрямляется и расцветает.

Надо сказать, что мать-и-мачеха растение довольно интересное, и не зря его зачислили в разряд синоптиков. Раньше люди определяли по нему погоду: если цветки мать-и-мачехи в ясный день стали закрываться, значит, будет дождь. Действительно, перед дождем они закрываются, чтобы не смочить пыльцу. Утром цветок раскрывается сравнительно поздно — в 9—10 часов: может быть, ждет, когда обсохнет роса. Вечером он закрывается рано. Еще только 5—6 часов, пчелы и шмели гудят вокруг, а лепестки мать-и-мачехи сомкнулись. Эти особенности цветка хорошо знают следопыты, охотники и геологи, определяя время с его помощью довольно точно.

Мать-и-мачеха растение скромное, но оно сослужило немалую службу охотникам, партизанам и разведчикам в период гражданской войны, хотя бы как лекарство от кашля, и только за это ему можно воздать хвалу. Представьте себе, что было бы, если б кашляющий партизан находился рядом с врагом? Да и кашляющий охотник тоже не добытчик зверя.

Когда-то партизаны и охотники научились заваривать из этого растения чай вместе со зверобоем и сушеной морковью. Находчивый партизанский повар использовал листья мать-и-мачехи вместо капусты для голубцов и даже варил из них диетический суп с овсяной крупой.

И до сих пор мать-и-мачеха не потеряла своего значения. В Болгарии, например, ею лечат даже бронхиальную астму и воспаление легких. Она широко используется в медицине, и ее заготавливают у нас до 200 тонн в год.

Однако испытывать на себе это полезное растение не рекомендуется, сначала надо посоветоваться с врачом: у каждого свой организм, разное восприятие лекарственных веществ.

Куда же отнести мать-и-мачеху? Цветоводы-декораторы считают ее своим растением, медики — тоже, кулинары-технологи зачислили ее в список пищевых, а пчеловоды ценят как один из самых ранних медоносов. В 100 граммах свежих листьев содержится до 30 мг витамина С. Исследования подтвердили наличие в них железа, никеля, меди, бора, марганца, титана, молибдена. Все это позволяет отнести мать-и-мачеху к растениям, которые могут быть для человека поставщиками микроэлементов.

Пастушья сумка

Это неприхотливое растение известно всем с детства. Его название легко запоминается, а спутать эту травку ни с какой другой невозможно. Растет она и на сухой, и на влажной почве, поднимается из трещин асфальта и щелей деревянного

тротуара, находит место на обочине дороги, растет как сорняк между грядками, возле груды строительного мусора и, судя по всему, не жалуется на свою судьбу. Она всегда находила место рядом с жильем человека и не отказывалась ему служить: замения дорожке кровоостанавливающие лекарства, была противорвотным средством в тибетской медицине и лечила другие болезни, например почечно-каменную.

В Китае пастушья сумка культивировалась для пищевых целей. Из ее нежных и вкусных листьев готовили салаты, супы, пюре, различные приправы. Порошок из сухих листьев добавляли к блюдам в зимнее время, а стручки с семенами использовались вместо горчицы.

Химический состав пастушья сумки стали изучать значительно позднее, чем других трав. При этом было установлено, что зеленые части растения богаты органическими кислотами: яблочной, лимонной, виннокаменной, бурсовой. Сравнительно много азота в виде холина и тирамина. Одним из основных действующих веществ в пастушья сумке оказался витамин К — он и обеспечивает остановку кровотечений (почечных, легочных и др.). Обнаружены были также дубильные вещества и фитонциды. Из микроэлементов в пастушья сумке оказались железо, хром, медь, марганец, титан, алюминий, фосфор и кальций. Что касается витамина С, то его оказалось до 177 мг%. Это значит, что салаты с пастушья сумкой можно считать противодиабетическими, а также полезными при лечении целого ряда других заболеваний. Вот каким богатым растением оказался дикий сорняк, который мы энергично изгоняем с грядок и клумб!

Цветет пастушья сумка с ранней весны и до глубокой осени. Одно растение за лето может осыпать более 60 тысяч семян. Они очень быстро прорастают и успевают дать еще четыре урожая зелени. Иногда цветущие растения даже уходят под снег.

Спорыш

Представьте себе пастбище, где уже все съедено и вытоптано, где, кажется, до следующего года не будет ни былинки. Однако через одну-две недели после того, как табуи лошадей или стадо коров перевели на другой участок, здесь уже появился бархатистый зеленый ковер. Это отрастает трава-мурава — горец птичий, или спорыш. Он упрямо спорит с человеком, с условиями, в которые его поставили, он не поддается! Спорыш храбро растет повсюду, буквально под ногами — на дорогах, проезжих улицах, выгонах и канавах. За это его еще называют топту-трава.

У спорыша много родственников — ученые насчитали около 200 видов. Это горец земноводный, льняной, змеиный, шероховатый, водяной, малый, выюнквый и др. Приспособляемость у спорыша пора-

зительная — он растет повсеместно. Его можно встретить на Урале, в Сибири, в средней полосе России, на Дальнем Востоке и даже в тропиках.

Внешне это растение ничем не примечательно. Стебель ветвистый, стелющийся, длиной от 10 до 40 см, листья мелкие, эллиптические. Цветки еще мельче, зеленовато-белые, почти незаметные, расположены в пазухах листьев по 2—3. Плоды — трехгранные семечки. Ими очень любят кормиться воробы.

А зеленые листочки спорыша с удовольствием щиплют куры и гуси, свиньи и овцы, тетерева и глухари, рябчики и певчие птицы — всем он пришелся по вкусу. И не случайно. Ведь его химический состав напоминает кладовую. Одно белка около 17 процентов, 27 процентов клетчатки, 2,5 — сахаров, до 120 мг% аскорбиновой кислоты, а еще смолы, воск, дубильные вещества, кальций и фосфор, эфирные масла и гликозиды, провитамин А (каротин), витамин К и другие полезные компоненты.

Молодые стебли и нежные листья спорыша люди давно стали использовать в питании. Готовили салаты с яйцом и мясом, с овощами и пряными приправами. Из сухих листьев делали порошки для заправки супов в зимнее время.

Оказывается, блюда из спорыша — диетические и даже лечебные. Добавка этой травы в рацион помогает тяжелобольным и уставшим людям быстро восстановить силы. Спорыш понижает артериальное давление, помогает при заболеваниях почек и печени (гонит песок), при внутренних кровотечениях.

Вот какой оказалась полезной эта неприметная вездесущая трава!

Календула

Солнечно-яркие оранжевые цветы, немного похожие на ромашки, люди называют по-разному. По форме семян, похожих на кошачьи когти, — ноготками, по цвету лепестков, напоминающему расплавленное золото, — золотинкой, а более научно — календулой. Ученые-филологи считают, что имя цветку дали древние римляне от слова «календе», которым называли первые числа месяца, потому что цветет он все лето и осень, из месяца в месяц — до снега.

В народной и научной медицине календулу издавна применяют очень широко: для лечения ран и ожогов, полоскания горла при охриплости и ангины, против гастритов, язвы желудка и болезней печени. Дают ее при повышенном кровяном давлении, заболеваниях сердца и первом перевозбуждении, детям при рахите и золотухе. Она помогает заживать открытые язвы, сводит мозоли и бородавки. Препаратами календулы лечат воспаление вен, фурункулез, заболевания глаз и обморожения.

Календулу теперь выращивают на плантациях во многих странах мира. Ей говорят спасибо не только врачи и дието-

логи, но и работники пищевой промышленности, которые получают из ее цветков безвредный пищевой краситель. Словом, календула по праву может называться растением декоративным, лекарственным, пищевым и техническим. Даже предсказывать погоду может этот цветок: перед дождем он начинает хмуриться, складывает золотистые лепестки, клубма сразу блекнет — значит, будет ненастье.

Что касается использования календулы в питании, то и здесь она оказалась на высоте. Чай с календулой не вызывает сердцебиения и не возбуждает нервной системы — наоборот, успокаивает и бодрит. Сделать такой чай совсем просто: к чашке обычного байхового чая добавить одну столовую ложку сухих лепестков календулы, четыре ложки душицы и столько же зверобоя. Все хорошенько перемешать — и можно использовать для заварки.

Мясные и рыбные бульоны с добавлением лепестков календулы приобретают приятный янтарный оттенок и своеобразный аромат. Мясные салаты со свежими лепестками календулы получают новые вкусовые качества, дольше сохраняются. Сахарный сироп, сваренный с лепестками календулы, хорош для приготовления различных напитков, желе, мармелада, печеня.

Клевер

История возделывания клевера уходит в далекое прошлое. Около 500 лет тому назад он попал в Италию, затем в Испанию, Голландию, Францию, Германию и Швецию. В 1766 году «испанский» клевер был завезен в Россию и стал высеваться на небольших грядках.

Но заморская диковинка многих не удивляла. Например, мужики Вятской губернии еще раньше заметили полезное действие дикого клевера, который у них рос в изобилии на лугах, собирали семена и подсеивали на бедные почвы для увеличения урожая трав и зерновых.

Клевер прижился в России, стал быстро распространяться, и к началу XX века его семена уже вывозились за границу: более 500 тысяч пудов в год.

В. И. Ленин в первые же годы Советской власти подписал декрет Совнаркома (от 30 мая 1921 г.) о поощрении возделывания клевера. Пуд семян клевера принимался в счет продналога за 7,5 пуда ржи или пшеницы.

У клевера очень много полезных качеств и прежде всего — способность усваивать азот из воздуха и накапливать его в почве (до 150 кг на гектаре!). Клевер разрыхляет почву, поднимает из глубины ее калий и фосфор, так необходимые для других культур, которые будут посеяны после него. Например, урожай ржи, посеянной после клевера, бывает выше на 5—10 центнеров с гектара.

Химический состав клевера чрезвычайно богат и интересен. В нем содержатся многие витамины (С, В₁, В₂, В₃, Е,

К, Д), провитамин А (каротин). Количество витамина Р в головках красного клевера достигает таких больших цифр, что его стали использовать для получения препаратов, укрепляющих стенки кровеносных сосудов. Настой клевера применяют в виде чая при истощении и малокровии, а также как легочное и антисептическое средство. Есть сведения (А. М. Вильнер, 1974), что под влиянием заморозков, засухи и некоторых других условий в клевере образуются сильно токсичные вещества, вызывающие отравления скота. Иногда возникает так называемая клеверная болезнь, протекающая по типу кожных заболеваний (покраснение кожи, образование сыпи, пузырьков и шелушение). Крестьяне средней полосы России при выпасе коров на молодых клеверниках не давали им наедаться досыта и перегоняли на обычные луга: они знали по опыту, что в больших количествах клевер скоту вреден.

На зиму, как лекарство, клевер обычно заготавливают в сухом виде. Рекомендуется цветочные головки и листья сушить отдельно.

Ряска

В тихих заводях рек, в прудах и канавах поверхность воды бывает покрыта зеленым ковром. Кажется, что он соткан из крошечных блестящих клеточек. Присмотревшись более внимательно, можно сказать, что это листочки какого-то растения. Диаметр их всего полсантиметра. Вы взяли листочек на ладонь и разглядели беловатый корешок длиной 2—3 см. А где же стебель? Оказывается, стебля нет. Листочек и стебель представляют одно целое тело, которое ученые назвали талл.

В нашей стране пять видов ряски: малая, горбатая, трехлопастная, многокоренник, вольфия бескорешковая. Надо сказать, что в них очень много загадочного. Долгое время, например, считалось, что все они водоросли. Но в 1710 году итальянский ботаник Вальлиснери обнаружил у ряски маленькие цветки. Не сразу этому поверили. Увидеть цветущую ряску не просто. Например, за последние 200 лет в нашей стране зарегистрировано только 26 случаев цветения ряски, а в Польше — всего два.

Размножается ряска очень быстро. Только вчера в тихом уголке пруда ее ковер занимал площадь величиной со стол, а сегодня он уже в два раза больше. Еще через день — опять удвоился. Как это произошло? Когда? Тоже загадка.

Ряска — растение плавучее и свободно перемещается в водоеме. Прошел дождь, поднялся уровень воды, изменилось течение — и ряска перекочевала из одной заводя в другую. Она может перебраться не только в соседнюю заводь, но и в далекий водоем. В этом ей помогают птицы. На их лапках вместе с глиной и илом ряска переселяется на большие расстояния.

Осенью ряска запасает питательные

вещества — образует так называемые почки и погружается на дно водоема. Пережив зиму на дне, она всплывает весной на поверхность и продолжает свое развитие, давая жизнь новым растениям.

Химический состав ряски весьма интересен. В сухом ее веществе содержится до 38 процентов белка, до 5 — жира, 17 — клетчатки, соли кальция, фосфора, магния, кобальта, бора, меди, никеля, титана, а также марганец, йод, бром, цинк, ванадий, цирконий, радий, церий, золото. Вислеле понятно, что мимо такого богатства микроэлементов не могли пройти ученые и практики. Ряска нашла применение как отягачивающий корм для сельскохозяйственных животных и птиц. При добавлении малой ряски в корм утята, например, растут гораздо быстрее, поросята ежесуточно увеличивают свой вес на 70—100 граммов.

Продуктивность ряски очень высока. За один день с гектара можно собрать до полутора тонн, а за летний сезон — до 80 тонн зеленой массы.

Малая ряска обладает ценнейшим для человека свойством — очищать водоемы от загрязнения. В наше время эту способность можно и нужно широко использовать в промышленной водоочистке.

Костяника

Давным-давно рассказывали люди такую сказку. Когда старый медведь совсем занемог и еле передвигался, опираясь на палку, ему посоветовали отправиться в Лунезские горы, показаться там местным докторам и попить тамошнего целебного чайку.

Прибыл туда медведь и рассказал о своей беде. В лесной поликлинике принял медведя Дятел. Он простукал его клювом, внимательно прослушал на вдохе и выдохе и передал пациенту Филину. Тот надел очки, осмотрел облезлую мишкину шкуру, выписал рецепт и без лишней волокиты передал больного дальше. Топтыгин еле успевал поворачиваться на лесном вьне. Доктора посоветовались и объявили свое решение:

— Болезни ваши известные и излечимы. Но лечение не поможет, если вы не бросите курить.

— Понял, — ответил медведь. Достал свой кисет из кармана и тут же бросил в костер.

На следующий день началось лечение в клинике. Койку Топтыгина установили возле крутого склона. С севера невысокая гора закрывала это место от холодных ветров, с юга и востока открывались камские просторы. Всегда был виден восход солнца и дули свежие ветры, от которых легко дышалось и крепко спалось. А весь склон горы был одет в заросли костяники. Ее листья сплошь покрывали землю, как будто зеленый ковер с красными цветами. Костяника росла здесь удивительно обильно и богато. Медведю объяснили, что эти ягоды и будут главным его лекарством. А для начала дали попить лунезского чайку.

Рецепт лунезского чая висел на ближайшем дереве. Основной составной его частью был лист костяники — половина объема. Вторая половина была из листьев малины, смородины, плодов шиповника, сушеных ягод костяники и цветов душицы.

Чай медведю понравился. Особенно с медком. Пил он его целую неделю. После этого давали ему квас и морс из костяники, компот и кисель, варенье и пастилу — все из тех же ягод. По утрам — свежие ягоды со сливками либо с молоком, а в обед желе или сироп. А по праздничным дням давали кофе из костяничных косточек — удивительно вкусный и бодрящий напиток. Удалось медведю попробовать и знаменитой костяничной водицы. Готовили ее совсем просто: утром свежие ягоды засыпали сахарным песком, он выпитывал ягодный сок, не нарушая оболочек костяники. Вечером добавляли туда свежую ключевую воду, и на следующее утро розовая ароматная водица была готова.

Вскоре медведь поправился. Шуба у него стала густая и гладкая, па солнце блестела и переливалась. Ясным солнечным утром встал медведь на ноги, потянулся, рывкнул от избытка радости на всю камскую ширь и поклонился докторам.

Специалисты говорят о костянике, что ее можно вводить в культуру, использовать для диетического и лечебного питания. Будто бы она действительно помогает при цинге, малокровии и ревматизме, при заболеваниях глаз и для укрепления волос. Что ж, вполне возможно.

Шпинат и щавель

Секрет долголетия французского аббата Шервия был разгадан давно. Все оказалось очень просто. Аббат жил долго, был бодр и не болел потому, что питался шпинатом и щавелем. Это установили его любознательные соседи и подтвердил сам аббат. Нам остается только рассмотреть это утверждение с точки зрения современных научных данных.

У нас есть все основания утверждать, что зеленые овощные растения, в том числе шпинат и щавель, могут обогащать организм человека весьма нужными и ценными витаминами, микроэлементами, органическими кислотами, ферментами и другими веществами. Если познакомиться с химическим составом шпината, то окажется, что он очень богат. В зелени этого растения обнаружены микроэлементы натрия, калий, магний, кальций, железо и фосфор. Витаминов тоже довольно много: каротин, В₁, В₂, РР, В₆, С, Е, К. Количество белка достигает 2,9 процента, углеводов — 2,3 процента.

Такое высокое содержание витаминов и микроэлементов способствует нормализации обменных процессов, улучшению кроветворения, облегчает течение некоторых сердечных болезней. Весьма благотворно влияет шпинат на течение желудочно-кишечных заболеваний, и поэтому

французы называют его метлой желудка. Есть сведения, что шпинат предупреждает не только возникновение туберкулеза и злокачественного малокровия, но и развитие опухолей.

Откуда же пришел к нам шпинат? Об этом пока нет единого мнения. Одни считают, что родина его — Кавказ, так как там встречаются дикие формы шпината, другие — что шпинат переселился к нам из Ирана и Афганистана. Во всяком случае, в Европе его не знали до X—XV века. Сначала он попал в Испанию, и привезли его туда арабы, которые высоко ценили это растение и называли его королем овощей. В России шпинат появился только в XVIII веке.

Шпинат огородный можно выращивать почти во всех районах СССР. Он хорошо переносит засуху и заморозки, нетребователен к почве, не нуждается в большом уходе. Но лучше растет на влажных землях, богатых перегноем. Высевают его рано весной и поздно осенью в зависимости от сорта, климата и других условий. Урожай можно собирать уже через 20—30 дней.

Используют шпинат довольно широко. Из него готовят салаты, пасты, пюре, суши, соусы, гарниры, добавляют в голубцы, омлеты, к бутербродам.

Что касается щавеля, то сведения о нем весьма различны. Одним людям он очень полезен, другим его должны употреблять с осторожностью, а третьим он показан только в ограниченном количестве — в виде приправы к некоторым блюдам.

Щавель — многолетнее травянистое растение из семейства гречишных. Родиной его считается Западная Европа, но распространен он почти повсюду. Растет, как правило, на лугах, по опушкам леса, на полянах, но особенно любит заливные луга.

Стреповидные листья щавеля сочные, кислые. Стебли прямые высотой 15—60 см. Цветки мелкие, зеленовато-красные, собраны в метелку на верхушке стебля.

Наибольшее распространение щавель получил в средние века. Его использовали как пищевое и лекарственное растение. Несколько позднее, с XIV—XVI века, щавель рекомендуют употреблять как средство, способствующее пищеварению, для стимулирования деятельности печени и образования желчи, для перистальтики кишечника, как болеутоляющее, а также противогрибное, антитоксическое.

Щавель действительно полезен. Однако многолетние наблюдения показали, что его употребление в больших количествах в течение нескольких недель или месяцев может принести вред. Слишком велика в нем концентрация щавелевой кислоты.

Спаржа

Один из героев А. И. Куприна сказал однажды: «Если бы я был царь, то всегда бы ел спаржу». Не правда ли, как-то странно: уж очень скромное желание для

царя? И можно подумать, что спаржа не каждому доступна, а для того чтобы ее есть, надо иметь очень большие возможности.

Давайте выясним биографию спаржи. Она была известна еще в Древнем Риме и Греции. В средние века широко использовалась в питании арабами. Позднее ее стали употреблять во Франции, а затем она распространилась по многим странам Западной Европы и Америки. В диком виде спаржу можно встретить почти по всей европейской части СССР, в Сибири и на Кавказе. Она поселяется на заливных лугах, в степях, среди зарослей и кустарников.

Человек давно заметил полезные свойства спаржи и ввел ее в культуру задолго до нашей эры. Ученые сначала назвали спаржу лекарственной, а в дальнейшем, когда ее стали разводить в садах и огородах, это растение переключало из лечебных книг в руководства по овощеводству и кулинарии. Но основное научное название так и осталось за ней как спаржа лекарственная, или аптечная, — *asparagus officinalis*.

Сама по себе спаржа, как и многие растения из семейства лилейных, весьма интересна. Она культивируется как декоративное садовое и комнатное растение. Ее мелкие побеги образуют красивые веточки для украшения букетов, а ярко-красные круглые плоды-ягоды похожи на бусинки. Однажды посаженная, спаржа растет много лет и достигает высоты полтора и даже двух метров.

Спаржу редко увидишь в овощеводческих хозяйствах. Она очень требовательна к почве и весьма трудоемка. Ей нужны органические удобрения, канавки для посадки шириной до 35 сантиметров и глубиной до 40, нужны затем поливка, прополка, рыхление почвы, подкормка, укрытие растений на зиму и многое другое. А если учесть, что урожаем она дает не сразу, а только на третий-четвертый год, то станет ясно, почему спаржу не очень-то выращивают и нет ее на наших обеденных столах.

Но почему же люди старались иметь спаржу, если она так недоступна? В чем ее ценность, и что она может дать нашему организму? Оказалось, что спаржа, вернее, препараты из нее понижают кровяное давление у гипертоников, замедляют и нормализуют ритм сердца, расширяют периферические сосуды и тем самым улучшают работу многих органов и тканей, нормализуют функцию печени и почек, выводят из организма воду при отеках. В восточной медицине отвары из корня спаржи рекомендуют для снятия боли в сердце, улучшения кровообращения и пищеварения, для облегчения подагры и ревматизма, при заболеваниях легких и кклюпие, для снятия усталости и повышения работоспособности.

Для питания обычно используют молодые побеги спаржи длиной 15—25 см и весом до 20—30 г. Их срезают ежедневно в течение 30—40 дней летнего периода, связывают пучками по полкилограмма и хранят в холодильнике. Если там не более одного градуса тепла, то спаржа отлична

сохраняется до четырех недель. Это позволяет готовить блюда из свежей спаржи почти все лето.

Словом, не обязательно быть дарем, чтобы иметь спаржу в своем рационе. Можно самому посадить несколько кустов спаржи и снимать урожай в течение 10–12 лет.

Сельдерей

«Если бы мужчины знали о всех свойствах сельдерея, то они засадили бы им все огороды». С такого интригующего сообщения начинается повествование о сельдерее в одном из старинных рукописных травников. Что это — бойкая реклама, простодушная ошибка или переоценка возможностей растения?..

История возделывания и использования сельдерея уходит в глубокую древность и полна различных противоречивых сообщений, однако в них всегда говорится об его весьма полезных качествах. Так, согласно легенде, сок сельдерея входил в состав волшебного напитка любви, который пили мужественный Тристан и прекрасная Изольда. Знаменитый древнегреческий врач и основоположник научной медицины Гиппократ советовал при нервных расстройствах употреблять сельдерей. Его рекомендовали вводить в рацион при неврастении, нарушении минерального обмена, для лечения диабета, повышения умственной и физической работоспособности, при свинцовых отравлениях и укусах диких животных. Древние греки считали, что сельдерей приносит счастье, и так же, как римляне, развешивали его в своих комнатах, плели венки на головы победителей, украшали им гробницы знатных людей. Считалось, что сельдерей изгоняет меланхолию и улучшает настроение.

Давайте и мы ближе познакомимся с сельдереем. Может быть, это растение заинтересует вас и появится на вашем столе.

Сельдерей пахучий, двулетнее растение из семейства зонтичных, культивируется в нашей стране в виде трех разновидностей: корневой, листовой, черешковой.

В первый год у сельдерея образуется листовая розетка и корнеплод, на второй год — стебель с соцветиями и семенами высотой до полутора метров. Листья темно-зеленые, блестящие, перисторассеченные. Цветки мелкие, зеленоватые, собраны в многочисленные зонтики. Цветет сельдерей в июле — августе.

Химический состав сельдерея весьма богат и разнообразен. В нем 80–90 процентов воды, что позволяет получать большое количество сока, богатого различными полезными веществами. В корнеплодах более одного процента белка, до 6,5 процента углеводов (в том числе 5,5 — моно- и дисахаридов), микроэлементы натрия, калий и магний, необходимые для регуляции сердечной деятельности, а также железо и фосфор.

Лечебные и диетические свойства сельдерея известны давно. Много веков назад его возделывали как лекарственное растение. Вареные корни рекомендовали как болеутоляющее и мочегонное средство, его применяли при заболеваниях почек, предстательной железы, подагре, крапивнице, дерматитах, ожирении и импотенции. Сельдереем кормили лошадей для повышения их выносливости. Считалось, что не только употребление внутрь, но и аромат сельдерея действует на организм благотворно, бодрит и придает силу.

Какой же общий вывод можно сделать о действии сельдерея на организм? Вероятно, не следует приписывать ему какую-то особую способность омолаживания. Просто это растение, отличаясь богатством витаминов, микроэлементов, органических кислот и других полезных соединений, способствует выведению из организма шлаков и избытков холестерина, улучшает обменные процессы, регулирует деятельность сердца, укрепляет стенки сосудов, нормализует кровотоки. А все это, вместе взятое, улучшает общее состояние организма, делает человека бодрим и работоспособным.

В питании сельдерей используется как пряноароматическое растение. Его добавляют в салаты, супы, соусы и гарниры.

Мята

В Древнем Риме, когда люди готовились к приему знатных гостей, полы и стены натирали этой ароматной травой, полотенца и скатерти кропили ее настоем. В прихожей на стены вешали пучки сухой мяты. Напитки и пряники сдабривали ее отварами. От приятного запаха мяты поднималось настроение, улучшалась работа сердца, появлялись бодрость и легкость, а также аппетит перед застольем. К началу XVIII века почти во всех цивилизованных странах мята считалась весьма модным и действенным лечебным средством, а в 1721 году она была включена в Лондонскую фармакопею.

Видов мяты было много: полевая, японская, азиатская, лимонная, кудреватая, водяная, зеленая, явская, длиннолистная, блошная, колосовая и др. Чаще всего встречаются полевая, лесная и длиннолистная, а в культуре — перечная.

Найти полевую или длиннолистную мяту можно на сырых лугах, в лесах, по берегам рек и канав, на сорных местах и в полях. На Западном Урале есть еще один вид мяты, который растет рядом с душицей на сухих и каменистых отрогах гор, около мелких кустарников и в редколесье.

Еще не так давно, примерно в двадцатые годы, в Кировской и Горьковской областях, а также в Удмуртии почти в каждом огороде была посажена мята. Первое и самое главное ее назначение — добавка при квашении капусты. Капуста, квашенная с мятой, была плотной, белой и долго хранилась. Ее вкусовые ка-

чества были несравненно выше, чем при других видах квашения. Описать такую капусту трудно, ее нужно увидеть и попробовать: она выше всяких похвал. Второе назначение мяты — ароматизация чая. Чай с мятой был душистым, бодрил, поднимал настроение и улучшал пищеварение. Использовалась мята и для облагораживания вино-водочных изделий. Печенье и пряники, ароматизированные мятой, горячие душистые булочки есть было одно удовольствие, особенно с холодным молоком. Иными словами, аромат мяты почти всегда сочетался с праздником и говорил о наличии богатого стола и высокого кулинарного искусства хозяйки.

Засолка грибов тоже не обходилась без мяты. Грибы на новогоднем столе, умело засоленные осенью с мятой, были отменным деликатесом.

Специалисты утверждают, что дикие сорта мяты, отличающиеся особой нежностью, тонкостью аромата и мягким вкусовым тембром, могут использоваться в свежем виде в салатах, молочнокислых и мясных супах, бобовых и гороховых блюдах, а в виде порошка — к жаркому из говядины и баранины, в маринадах для мяса и дичи, для чая, кваса, варенья, мороженого. Свежую мяту добавляли даже в молоко, чтобы оно не скисало и дольше хранилось. Так широко и повсеместно использовалась когда-то мята.

После войны эта душистая травка стала выходить из употребления. Она исчезла из садов и огородов, ее перестали готовить на лугах и в лесах. А зря! От этого наша пища многое потеряла.

Мята в свое время широко использовалась в народной медицине. По сведениям специалиста по травам Н. Г. Ковалевой, мята применялась при стенокардии, бронхитах, мигрени, для повышения аппетита, улучшения пищеварения, против тошноты и рвоты. В Болгарии мяту используют как желчегонное средство, в ГДР — при метеоризме и в виде ванн для улучшения самочувствия. Многолетние наблюдения показали, что настои мяты понижают кислотность желудочного сока, обладают успокаивающим, обезболивающим и противоспазматическим действием.

Главным действующим началом мяты считается эфирное масло. Оно содержит ментол, обладающий обезболивающими свойствами. Кроме эфирного масла свежая зелень мяты содержит витамин С, рутин и каротин.

Откуда же пришла к нам перечная мята, если в диком виде она не встречается? Принято считать, что ее вывели в Англии путем гибридизации мяты водяной и колосовой. Вскоре она разошлась по всему свету, а кое-где одичала, приспособилась к местным условиям и встречается как дикая мята.

В России мяту перечную стали выращивать с XIX века. Сейчас в СССР плантации мяты занимают до 10 тысяч гектаров. Культивируют ее на Украине, в Краснодарском крае, Молдавии, Белоруссии, Воронежской области и Киргизии, где с каждого гектара получают до 20—25 центнеров этого ценного сырья.

Безусловно, мята перечная, а также ее дикие сестры заслуживают повсеместного разведения в садах и огородах. Особого ухода мята не требует и, посаженная однажды, будет расти несколько лет.

Тмин

Тмин известен еще со времен свайных построек. Уже тогда люди знали о его полезных свойствах и широко использовали. Они его не только собирали как дикорастущее растение, но и ввели в культуру, чтобы не зависеть от природы и иметь тмин под руками круглый год. Его диетические и лечебные свойства знали в Древней Греции и Риме. За прошедшие века накопился такой перечень использования тмина, что для подробного описания рецептов потребовалось бы много страниц. Тмином ароматизировали хлеб, пряники, булочки, пышки, оладьи, калачи и другие изделия из муки. Его использовали при засолке огурцов и помидоров, а квашеная капуста с ним получалась более вкусной, ароматной и дольше не портилась. Тмин вводили в состав аппетитного и успокаивающего чая, добавляли в молоко и творог, сыры и простоквашу. Им ароматизировали квас и пиво, он был хорошей приправой к кашам, картофельным и луковым супам.

Тмин так широко применялся потому, что он благотворно действует на организм: возбуждает аппетит, улучшает пищеварение, регулирует работу кишечника, является желчегонным, слабительным и успокаивающим средством, у кормящих матерей увеличивает секрецию молока. Тмин культивируют в СССР, Финляндии, Норвегии, Голландии и других странах.

По лесным полянам и опушкам, а также на склонах гор и около ручьев можно собрать семена тмина для обогащения блюд и для посева. Однако вырастить его на огороде или пустыре, в овраге или на склоне горы значительно легче, чем собирать ежегодно, разыскивая по разным местам. Для одной семьи нужен совсем маленький кусочек земли, который можно отнести тмину. С небольшой грядки вы все лето будете получать зелень, а осенью с этих же растений снимете семена, чтобы использовать их как ароматную добавку и для будущего посева.

Если учесть, что тмин хорошо растет во всех климатических зонах нашей страны, то он вполне может быть в каждой семье и в каждой столовой.

Непобедимый сорняк

Бич посевов, огонь полей, чума — так прозвали земледельцы пырей ползучий, который испокон веков был одним из самых злостных сорняков. Ползучим пырей зовется недаром. Его мощное корне-

вище, длина которого может быть от трех до 15 метров, ветвится во все стороны, а отрастающие от него многочисленные отростки то тут, то там вылезают из-под земли, давая начало новым побегам. Одно растение осыпает до десяти тысяч семян, которые прорастают этой же осенью через 10—15 дней даже с глубины 6—8 сантиметра. А непроросшие семена сохраняют всхожесть несколько лет!

Но основным способом размножения является вегетативный — почками, которые располагаются в пазухах корневища. На площади в один квадратный метр может поместиться до 500 метров корневищ пырея, а на них — до 26 тысяч почек. Корневища обычно находятся в почве на глубине 10—15 см. Будучи разрезанными на небольшие куски, они способны давать новые растения. В старину поля иногда так зарастали пыреем, что хлебопашцы, выбившись из сил в борьбе с ним, бросали землю и переселялись на новые места.

Какими только способами ни боролись с ним люди: лущили поля дисками вдоль и поперек, с появлением всходов проводили глубокую вспашку, отвальным плугом выворачивали землю, а затем снова дисковали. Сколько земли было перевернуто — и все напрасно: ведь чем больше резать корневища пырея, тем больше и лучше он будет из них отрастать. Даже гербициды не оправдали себя в борьбе с пыреем. Этот непобедимый сорняк постепенно завоевал огромные пространства на трех континентах, а в СССР распространен почти повсеместно. Количество его видов достигает 70.

В 1928 году в жизни пырея началась новая эра. Им как предметом селекции заинтересовался молодой ученый-агроном, впоследствии академик, Н. В. Цицин. Его увлекла заманчивая идея получения выносливой многолетней пшеницы, которая бы, как пырей, размножалась корневищами без посева. Работая в течение многих лет, ученый создал несколько сортов пшенично-пырейных гибридов, улучшил полезные свойства пшеницы, которой удалось передать от пырея способность к многолетнему образу жизни и обильному плодоношению. Опыты дали прекрасные результаты. Пшенично-пырейный гибрид № 599 уже возделывается в десяти областях Советского Союза, а озимый сорт № 186 отличается крупным зерном, не поражается головней и не полегает даже при высоте стеблей два метра. Гибрид № 1 дал в 1952 году 70 центнеров с гектара, а обычный сорт пшеницы — 39. Количество белка в зерне обыкновенной пшеницы 14—15 процентов, а у многолетней гибридной — 20—25, как у гороха. Гибридная способна к перекрестному опылению, позволяющему сохранить вид. Кроме того, обычная пшеница созревает снизу вверх, а многолетняя сверху вниз, что позволяет после снятия колоса отдельно убрать зеленые листья и стебли, то есть получить сено — значительно более ценный кормовой продукт для скота, чем солома.

В старину пырейное сено считали одним из лучших. Ученые выяснили, что

этот злак по своему химическому составу и питательной ценности превосходит многие кормовые травы. Пырей является основным растением при формировании заливных лугов — лучших сенокосных угодий, которые дают высокие урожаи ценного сена: он отлично переносит длительное затопление.

Корни пырея также использовались издавна.

О целебных свойствах пырея люди знали давно. В научную медицину он вошел благодаря высокому содержанию в корневищах слизистых веществ, количество которых достигает десяти процентов. Препараты пырея применяются при лечении желчных путей, используются как мягчительное, обволакивающее, мочегонное, легкое слабительное средство. По содержанию аскорбиновой кислоты пырей превосходит многие другие растения: оно достигает 150 мг%. В корневищах пырея содержится каротин, а также еще один витамин, при отсутствии которого в рационе наступает нарушение функций нервной системы. Он называется инозит и рекомендуется детям с повышенной возбудимостью.

Пырей с давних времен был объектом пристального внимания ученых, растениеводов и почвоведов. Но если раньше в основном изучали биологию его развития и размножения с целью уничтожения этого злостного сорняка, то сейчас им заинтересовались как заменителем ядохимикатов, неумеренное применение которых создает опасность для здоровья людей. Весьма интенсивным гербицидным, бактерицидным и фунгицидным действием обладает агропирен, выделяемый в среду корневищами пырея ползучего. Эфирное масло в его корневищах содержит около 95 процентов агропирена, который, проникая в корни и листья растений, вызывает постепенное отмирание корневой системы сорняков, а перемещаясь по сосудам растения, управляет его молодые части. Бороться с сорняками с помощью других сорняков, в частности пырея, — это не такое уж далекое будущее.

Итак, пырей ползучий, этот дикарь, этот злостный сорняк, имеет много заслуг перед человечеством. Во-первых, это одна из лучших кормовых трав. Во-вторых, помощник и предмет исследования селекционеров. В-третьих, древнее лекарственное средство и старинный продукт питания. Наконец, это трава, которая может оказать помощь в борьбе с сорняками.

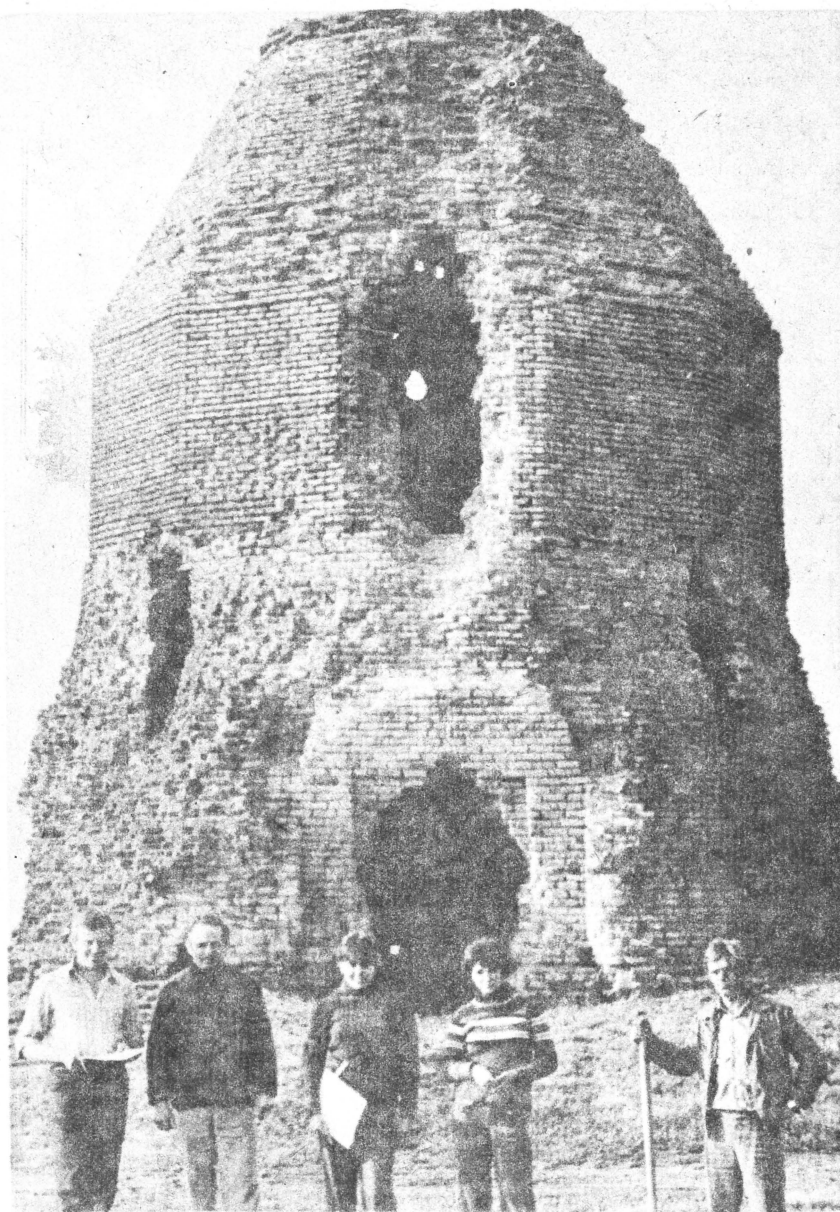
Специалисты утверждают, что нет в мире растения, которое не принесло бы пользу человеку. Даже если это сорняк. Например, пырей гребенчатый введен в культуру в СССР и возделывается как сенокосное и пастбищное растение. А другой вид пырея — ковылелистный — чрезвычайно редок и занесен в «Красную книгу», поскольку его сохранение в генофонде мировой флоры, по мнению ученых, может принести пользу при селекции и улучшении сортов пшеницы.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

1500 КИЛОМЕТРОВ ПО СЛЕДАМ ИСТОРИИ

Григорий
РУСОВ

Фото
Н. Осиповой

История создания пограничных укреплений прошлого века на земле Оренбуржья заинтересовала краеведов новоорской школы № 3 еще в 1957 году. В те годы ребята отыскали и описали Мусагатский и Свистунский редуты, Императорское большое полевое укрепление. Ими были уточнены размеры каждого сооружения. Тридцать на тридцать метров имело площадь самое маленькое укрепление — пикет; редут закладывался больше — семьдесят на семьдесят. А самое большое укрепление занимало площадь триста на триста метров. Каждое из укреплений обнесено валом и рвом.

В последние годы школьные следопыты составили подробный перечень крепостей и станиц, построенных в 1835—1837 годах по проекту новой пограничной линии, заложенной оренбургским губернатором Перовским. Ребята обнаружили, что запись на мемориальных табличках двух сохранившихся крепостей датирована с ошибкой...

Новая экспедиция по изучению истории заселения края подвела итог многолетней поисковой работы школьных краеведов. Следопыты проехали 1530 километров и поставили на учет тринадцать крепостных укреплений. Пограничная линия, созданная полтора века назад, получила четкое завершение.

...По раскисшей дороге мы добрались до села Елизаветинское.

Село как село. На возвышенностях, которые мы сразу облазили, нет никакого намека на бывшие укрепления, никакого следа от прошлых построек. Попробовали спросить старожилов — никто ничего не мог сказать. Да и кто теперь может помнить, что было в начале прошлого века!

Между тем именно здесь был Елизаветинский редут — один из четырех форпостов Императорского укрепления.

Сличили современную карту с картой 1835 года. Вот село Елизаветинское — на современной карте. Вот Елизаветинский редут — на старой карте. Где же его искать?

Чей-то палец уперся в карту и ведет по ниточке реки Урус Кескен:

— Погодите... Это же правый берег?

— ...А Елизаветинское построено на левом берегу!

— Верно! Надо искать на противоположном...

В излучине реки обнаружили и вал, и ров, они отгораживали изгиб реки и обрывистый берег в этом месте от всей окружающей местности. Есть редут — нашелся! Только форма у него оказалась необыч-

ная: военные строители использовали рельеф — крутой берег, крутой поворот реки, и не сочли нужным обнести редут замкнутым рвом.

Интересно, что в этой школе — единственной на нашем пути школе, где создан музей, — отражена вся история села, но ни единого упоминания нет о том, что в этих местах стояла крепость. Мы рассказали местным следопытам, где она была, когда заложена и с какой целью ее возвели в первой половине прошлого века. Кстати, и намекнули, что если хорошо покопать — найдутся и остатки построек, и даже предметы обихода...

Еще через несколько дней маршрута мы нашли указанный на старой карте Екатерининский редут, расположенный на правом берегу Айдырля. Сделали замеры, побеседовали с жителями. Обследовали досконально долину и обнаружили еще два пикета, которые значились на старой карте под номером «семь». Валы и рвы здесь высокие, ярко выраженные, даже сохранились ямы от землянок.

Екатерининская станица знаменита тем, что здесь происходили основные события, связанные с набегами султана Кенисары Касимова на русские колонии. Кенисары был вну-

ком хана Аблая. Умный и тонкий политик, хороший военачальник, жестокий и своенравный правитель, он стремился к восстановлению Казахского ханства в пределах, которые принадлежали его деду: «Я истреблю и выжгу всю новую линию!» — грозил Кенисары.

Нападение на станицу Екатерининскую было совершено 14 августа 1844 года. Обороной станицы руководил станичный атаман урядник Дмитрий Михайлович Мясников. В своих донесениях он сообщал, что султан «Кенсары» с отрядом численностью более двух тысяч человек с четырех сторон напал на Екатерининскую, сжег форштадт, захватил имущество и все скотские табуны, принадлежавшие станичникам. Далее Мясников докладывает: «Каково хищные киргизы хотя и старались под разными изворотами поджечь и последнюю станицу в самом укреплении, но от сего отражены. При каком действии киргизы убили с нашей стороны урядника Степана Лукьянова, малолетка Дмитрия Обухова, жену Дарью Аверину. Прочие же захвачены в плен, едучи на полевые работы»¹.

¹ Рязанов А. Ф. На стыке борьбы за степь. 1928, с. 61.

Сражение продолжалось более четырех часов. Осажденные применили артиллерию. Жителям нанесен следующий ущерб: убито 7 человек, взято в плен 28, девяносто пять казачьих семейств остались без крова и пищи, без скота и инвентаря. Кенисары угнал 132 лошади, 227 голов крупного рогатого скота, 158 волов и 1680 голов овец и коз.

Это был не первый урон, нанесенный русским поселениям. За шесть лет до набега на Екатерининскую, в особо «удачный» свой год Кенисары напал успешно на станицы Наследницкую, Георгиевскую, Елизаветинскую, Варваринскую, на хутор Хабарный и Константиновские укрепления. Более двадцати крупных набегов совершено султаном и его приспешниками, много убито казаков, много угнано скота в степь.

После набега на станицу Екатерининскую Кенисары откочевал в Каракумы, но приверженцы его то и дело продолжали насккивать на пограничные поселения русских и грабить их. Весной 1845 года султан снова появился на Тургае, на сей раз русские отряды отогнали его на Сыр-Дарью. Оттуда Кенисары был вытеснен кокандским ханом и в 1847 году убит кара-киргизами в горах Ала-Тау.

...В станице Наследницкой участники экспедиции ждали сюрприз. Мы предполагали увидеть обычный ров и земляной вал, а увидели самую настоящую крепость с башнями по углам, стены которой выложены из красного кирпича. В центре крепости до сих пор стоит однокупольная церковь, из которой подземный ход ведет к обрывистому берегу реки. В минуты опасности это крепостное сооружение позволяло выдерживать длительную осаду.

На одной из башен крепости установлена мемориальная доска, которая сообщает, что крепость построена в XVIII веке. Мы считаем, что те, кто устанавливал доску, допустили ошибку чуть ли не в... полвека. Ошибка допущена, видимо, из-за распространенного мнения, будто все станицы и крепости в нашем крае заложены в XVIII веке. Это неверно. В XVIII веке построена лишь старая пограничная линия от Орска до Троицка; в тридцатых-сороковых годах XVIII века возведены крепости Таналыкская, Уйская, Степная и Троицкая. Участок старой границы в военно-стратегическом отношении был неудобен — огромный клин врезался между крепостями. Выровнять эту ломаную линию и взялся губернатор Перовский, ставший главой Оренбургского края в 1833 году, когда задумал сделать новую пограничную линию и возвести ряд дополнительных укреплений.

Из отчета губернатора Перовского в 1839 году ясно, что на правом крыле закончено строительство

укреплений Наследницкого и Императорского, а на левой — Михайловского. Стало быть, Наследницкое было таким же укреплением, с земляным валом и рвом, и только позже была возведена крепость из красного кирпича. А церковь появилась еще поодной, потому как обычно храмы божьи ставились не на государственные деньги, а на пожертвования верующих. Обычная житейская логика также доказывает, что жителям станицы сначала нужно было построить дома и помещения для скота, затем — крепость, а потом уже церковь.

Крепость Наследницкая относится к укреплениям новой пограничной линии 1835—1837 годов, и на мемориальной табличке должен быть указан век не восемнадцатый, а девятнадцатый.

Очень похожа на Наследницкую Никольская (или Николаевская) крепость. Она сохранилась лучше. Высота некоторых ее башен более шести метров. Изнутри крепостной стены сделана земляная насыпь, чтобы удобнее было вести стрельбу по неприятелю. На арке крепостных ворот мемориальная доска снова указывает XVIII век. Та же ошибка... В «Ведомости о состоянии новой линии к 1 января 1839 года» сказано совершенно определенно: укрепление Николаевское основано в 1836 году.

В последнюю экспедицию мы нашли редут Алексеевский, хорошо сохранившееся укрепление в Константиновке; занесли на свою карту большое крепостное сооружение Михайловское — здесь сохранилась только церковь, само укрепление, по-видимому, скрыто. Интересно, что факт существования крепости вокруг церкви подтверждается в Михайловском топонимическим доказательством: часть села, расположенная за оврагом, до сих пор называется Форштадтом... Вышли мы и на башню Тамерлана, с которой связано много любопытных легенд. Обратили внимание на симметрично прорубленные в ней отверстия; это не что иное, как бойницы. Вал и роз вокруг башни тех же размеров, которые соответствуют самым маленьким укреплениям — пикетам. Это говорит о том, что старейший историко-архитектурный памятник XIV века на Южном Урале использовался как укрепление на пограничной линии. На нашу карту он занесен как пикет Тамерлановский.

Таким образом, историко-краеведческая экспедиция полностью восстановила линию пограничных укреплений прошлого века. Она состоит из пяти дистанций. Первая — укрепление Императорское, к которому относились станицы Кумацкая, Новоорская, Петровская и Елизаветинская. Вторая — Большое полевое укрепление: станицы Марьянская,

Атаманская, Павловская, Андреевская и Екатерининская. Третья — укрепление Константиновское со станицами Анненской, Георгиевской, Ольгинской и Княжеской. Четвертая — крепость Никольская (или Николаевская), к которой примыкали станицы Еленовская, Владимирская, Александровская, Софийская. И наконец пятая — укрепление Михайловское с бывшими в подчинении станицами Натальинской, Алексеевской, Кириковской, Надеждинской, Варненской и Варваринской. Все они заложены в 1835—1837 годах прошлого века. Тринадцать оборонительных сооружений нашли и поставила на учет экспедиция.

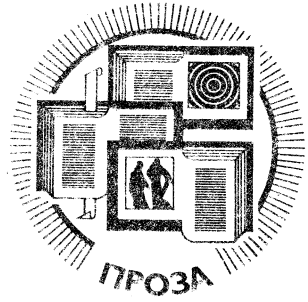
Теперь цель школьных краеведов — добиться, чтобы эти исторические места стали известны населению края. Конечно, требуется исправить запись на мемориальных табличках Наследницкой и Николаевской крепостей, чтобы она отражала действительную дату их постройки. Но ведь и другие укрепления нуждаются в мемориальных досках... Это — история заселения края, история утверждения границ русской земли и борьбы поселенцев за их неприкосновенность.

На снимках:

Башня Тамерлана. Использовалась как крепость новой пограничной линии.

Наследницкая крепость. Заложена в 1835 году на новой пограничной линии губернатором Перовским.

ОЧЕНЬ СТАРЫЙ КОЛОКОЛЬЧИК

Юрий
ЛЕОНОВ

Рисунки
Н. Субботиной

Рассказ

Забравшись с ногами в кресло, Андрюха переворачивал необмятые, похрустывающие страницы журнала с красочными картинками, читал под ними короткие подписи, но смысл их непостижимым образом ускользал от него, как будто кто-то стоял за спиной и нашептывал в ухо разную чертовщину. Андрюха озирался, заглядывал под диван, где порой что-то тихонько шуршало и поскрипывало, но никакого движения там, в полутьме, не замечалось.

Странная это была комната: высоченный, потрескавшийся потолок; по обе стороны от двери — допотопные, покрытые фиолетовыми изразцами печи; пол покатый — от продолговатых, полукруглых окон к двери, а на широких плахах половиц прыщами выпирают сучки да блестящие четырехугольные шляпки гвоздей: древесина вокруг них слегка просела, словно выскоблили ее, и Андрюхе не сразу пришла в голову простая мысль, что за долгие годы можно так истоптать да вышоркать половыми тряпками дубовую, звонкую когда-то, плоть. Мебель в комнате стояла самая обыкновенная, обклеенная полосатым пластиком, такая же, как дома у Андрюхи. И все же неуютно чувствовал он себя здесь.

Мать с теткой оставили Андрюху дома, а сами ушли бродить по магазинам. Он и спорить не пытался, услышав, что собираются идти без него. Одно лишь обидно было: даже родная тетка не выслушала его до конца — видно, вовсе не интересно ей знать, почему Красавчик, как зовут его в классе, вдруг уехал в Москву без матери.

А тетке он бы все до малости рассказал: и про то, как отец месяцами пропадает в своих командировках, а его с собой не берет, только душу травит рассказами о дальних краях, и про то, как мать уже трижды обещала, что поедут они вдвоем в Москву, да все отговорки находила: «Неловко нынче стеснять теть Зину, комната у нее небольшая» или «От огорода нынче не отор-

ваться, смотри, как все прет!..» В пятый класс уже перешел Андрюха, а только и видел, что свою Коломну да бабушкин поселок Пески. Разве это жизнь?

Тетка Зина представлялась Андрюхе женщиной заполошной, но понятливой. Если б хватило у нее терпения посидеть с ним рядышком хоть десять минут, рассказал бы он без утайки о том, как сговорил дружка своего на рискованное дело: собраться спозаранку вроде бы на рыбалку, а самим сесть на электричку и уехать до вечера в Москву. Задумано было здорово — и на метро покататься и жвачки купить, да все пошло наперекосяк: у Генки живот заболел на вокзале, наверное, от страха, а самого Андрюху притормозил контролер перед самой Москвой: «Без билета едем, молодой человек?..»

Сидя в пустой и гулкой детской комнате милиции при Казанском вокзале, Андрюха мучительно силился вспомнить теткин адрес, а в голове толкалась какая-то ерунда: «Летайте самолетами Аэрофлота!», «Дорогие товарищи приезжие, вас приветствует Москва, город-герой», «Такси все улицы близки»... Очень не хотелось Андрюхе называть свой домашний адрес — приедет мать, расплачется, слезы начнет размазывать по бледным пухлым щекам, и говорить жалостливые слова, и слышать при этом себя одну. Но признаться в милиции, откуда он взялся в Москве такой прыткий, все же пришлось...

Так и получилось, что поехал Андрюха посмотреть на столицу, о которой столько удивительного слышал, а оказался взаперти.

Вот кто-то зашаркал ногами и потихонечку заворчал на кухне — не иначе как догляд оставили за Андрюхой, чтоб не сбежал. Похоже было, что хозяйничают там двое: одна женщина о чем-то рассказывала между делом, а другая слушала да помалкивала — сама себе на уме. Голос у первой вкрадчивый, тягучий:

— ...Сейчас мы кашу заварим. А где там у нас манная крупа? Да, манная крупа... И куда запропастилась? Ведь точно помню, здесь была. Вот же непорядок какой! Просто безобразие форменное! Ну скажите, пожалуйста, разве можно так жить?.. Ага, кто ее сюда поставил? Скажете, сама, да?.. Нет уж, извините...

Андрюха вышел в коридор, оттуда на кухню и с недоумением осмотрелся. Сухопарая старуха в темном, с оборочками, платье, из-под которого кособочились серенькие туфли, стояла у шкафчика одна-одинешенька. Кроме нее разве что тараканы шевелили усами из расщелины. Но ведь не с тараканами же беседовала она? Значит, сама с собой. Ну дает!

Пока Андрюха не заперся в туалете, старуха все смотрела ему вслед. По рассказам соседки Зины, ее племянник сызмала рос без отцовского глаза, да и сама сестра жаловалась в письмах, что заела ее работа, а парнишка тем временем вовсе от рук отбился. Представить только — без разрешения, без билета в Москву прикатил, хорошо еще не в Магадан! Очень хотелось взглянуть старухе на этого беглеца, потому и топталась на кухне уж битый час. Ожидала она увидеть разбитного и неопрятного шингалета вроде тех, что шмыгают с сигаретками у подворотен, а предстал перед ней этакий светловолосый румяный херувимчик, одетый в модную футболку и джинсы. Вполне приятный мальчик.

Когда Андрюха снова хлопнул дощатой дверью, старуха изобразила нечто вроде улыбки, поджав сухонькие губы.

«Точно сторожит, ишь глазастая», — утвердился в подозрении Андрюха, и хоть бежать отсюда он вовсе не собирался, как-никак слово матери дал, что дождет ее, какой-то бес подтолкнул его к открытому окну.

— Ты куда это, мальчик? — всполошилась старуха.

— А что, разве нельзя посмотреть? — спросил Андрюха, перевесившись с подоконника, за которым зеленел маленький дворик с желтой кляксой песочницы. Ага, вот и пожарная лестница, рукой достать можно. А они входную дверь заперли на замок. Смехота!

Сердито пробурчав, старуха мелкими шажками, будто бы крадучись, пошла, огибая кухонный стол. Что-то в ней поскрипывало и попискивало, мурлыкало даже чуть слышно. Очень смешной показалась Андрюхе такая музыка. Он весело, не смущаясь, разглядывал морщинистое личико, редкие завитушки седых волос, опасно вздернутые плечи... Была старуха едва повыше его, Андрюхи, и, наверное, чуть помоложе этого дома, где давно уже перекошились и полы, и лестницы, и двери. Просто удивительно, подумал Андрюха, как стоит еще этот дом и как живет еще на белом свете такая сухонькая, в чем душа только держится, старуха.

Над притолокой двери, которая вела в прихожую, висел на загнутой железной пластине синий, наверное, сто лет не чищенный колокольчик. Дразняще высоко висел он, похожий на грушу: как ни прыгай — не достать. Разве только, если встать на гармошку батареи отопления и оттуда...

Андрюха отвернулся, вроде бы разглядывая пустой двор, гримасу унылую скорчил, полюбовался на отражение свое в темной створке окна, подмигнул своему двойнику: не дрейфь! Все же не совсем плохое настроение было у Андрюхи — хоть и заперти сидит, а Москву повидал и в милиции вдосталь наговорился — будет что рассказать друзьям. Он оглянулся на старуху, занятую своими кастрюлями, вскочил на батарею и дернул за онемевший пыльный язычок-каплю. Колокольчик отозвался хрипло и немощно: «Хр-динь!» Старуху даже передернуло от такой вольности. Она притопнула, вернее, шаркнула ногой и стала говорить, говорить, нервно встряхивая кудряшками.

В самый раз было уйти в комнату, но уж больно не хотелось Андрюхе опять оставаться одному.

— Очень старый звонок, — сказал он. — Надо заменить его на электрический.

— Заменить?! — Длинные пальцы старухи взметнулись над кудряшками, а голос сорвался на крик. — Почему заменить? По какому такому праву? Да этот колокольчик, если хотите знать, приветствовал самого Южина. Немыслимые речи! И кто вы, собственно говоря, такой? А?.. Кто ты такой?

— Андрейка, — тихо сказал он, оробев.

— Хм. Меня Анастасия Савельевна, — помедлив, сухо представилась старуха. — Много сейчас ходит таких, кто бы все старое повыкидывал. А с чем останетесь, позвольте спросить. Да-с, с чем? С этими самыми капронами да лавсанами? Покорно прошу избавить!.. В каждой старинной вещи, запомните, молодой человек, есть видимость и есть душа...

Анастасия Савельевна могла бы говорить про висящий над дверью колокольчик до самого вечера. В этой большой, ныне опустевшей квартире только она, родившаяся здесь, видела колокольчик в его натуральном, парадном блеске, когда, надраенный зубным порошком «Аргези», сиял он бронзой на белой стене. Ей и сейчас казалось, что столь изумительно чистого, залихватого звона она не слышала больше с того самого времени.

Под этот малиновый перезвон, еще девочкой, она не раз встречала Деда-Мороза, за плечами которого виднелась расписная, набитая подарками торба. С той поры кислотоватый запах овчины накрепко породнился в ее памяти с рождественскими хлопотами и радостями точно так же, как медовый чад трубочного табака неизменно пробуждал в ней ощущение крепких мужских объ-

тий. Резкой трели звонка, его звонка, отрывистого и нетерпеливого, она ждала однажды три месяца и восемь дней кряду, бросаясь к двери при каждом шорохе, изнуря воображение разным вздором, презирая себя за слабость и потакая ей ежечасно. Они прожили вместе недолго, всего каких-то год и два месяца, но Анастасия Савельевна и сейчас еще верила, что он не был по-настоящему счастлив с другой женщиной и только гордость не позволила ему тогда вернуться обратно. Сама же она иной любви и не искала, и не ждала. Даже в ту, опаленную революцией, пору мало кому понятно было такое постоянство.

Анастасия Савельевна могла бы часами рассказывать не только про все, что было связано с бронзовым колокольчиком у некогда парадной двери, но и про сам этот дом, доживающий свой второй век, и про всех знакомых ей жильцов, начиная с ювелирных дел мастера Нила Львовича Залесского по прозвищу Клизма, который был известен на Сухаревке как ростовщик и скупщик краденого, и кончая долговязым Валеркой, успешным в свои неполных двадцать кончить десятилетку, курсы шоферов, жениться, развестись и, снова женившись, стать папашей сразу двух девочек. Сколько судеб, броских и незадачливых, скандальных и многотрудных, прошло по здешним шатким лестницам! Но кому они ныне интересны, эти судьбы, как и ее ничем не примечательное бытие? Ну, ценили ее в свое время как

отличную телеграфистку, вручали похвальные грамоты и подарки, выбирали делегаткой на слет стахановок... Что с того? У нынешних соседей по квартире свои разговоры, в которых так трудно разобраться, а еще трудней советом помочь. Ну, может ли она подсказать, где купить японский складной зонтик, желательна яркой расцветки; как засолить впрок молочные грузди, которые прежде никто в лесу отродясь и не собирал; через кого можно достать билеты на какой-то очень важный хоккей...

— Вот все вы так, — ворчала Анастасия Савельевна, поглядывая на Андриюху. — Все вприпрыжку, все без оглядки. А так ведь недолго забыть, как родную мамашу звали. Странные люди — живут так, словно весь век собираются остаться молодыми. А нет, не останетесь, это я вам точно обещаю.

Анастасия Савельевна давно уже привыкла говорить не столько для других — для тех же соседей по квартире, которые вечно заняты и откровенно игнорируют ее слова, — сколько для себя, чтоб не разучиться рассуждать связно и здраво. И каждого гостя, приходящего в эту некогда многолюдную, а ныне почти пустую коммуналку, она мерила одной меркой — способен ли он выслушать ее хотя бы чуть-чуть или совсем оглох человек в сутолоке большого города.

Вот и этот херувимчик сначала показался ей вовсе глухим. Какое ему, мальчишке, дело до

чужих переживаний, если и взрослые не хотят ее понимать. Поглядит сейчас в окошко да убежит в свою комнату — и весь разговор. Но он все не уходил почему-то, завесив глаза русской челкой, а Анастасия Савельевна торопилась высказать все, что думала по поводу непочтительного отношения молодых к старшим.

— ...Все вам кажется, что только сейчас и есть настоящая жизнь, а раньше было не поймешь что, темнота одна и бескультурье. А известно ли вам, молодой человек, что граф Голенищев-Кутузов проживал в этом доме?

Челка взметнулась над белым, не тронутым загаром лбом:

- Полководец Кутузов?
- Именно в этом доме.
- Вот это да-а!

Словно попал сюда впервые, Андрюха оглядел шеренгу чугунных, выстроенных по ранжиру утюгов, отполированную временем до густо-вишневого цвета рубильную доску, на которой, может быть, шинковал капусту сам великий полководец, и как-то враз поверил, что это не просто старый, доживающий свое дом, а совсем особенное, святое место.

— И такой дом хотят сломать, уму непостижимо! Пусть ломают вместе со мной, переезжать я отсюда не собираюсь, да, да!

Андрюха и сам удивился, как это еще стоит в центре Москвы и портит весь вид такое дряхлое здание. Поэтому он ничего не сказал в защиту дома, а только спросил, не в той ли комнате, где оказалось сразу две печки, жил Кутузов.

— Кстати, и печки, — на лету подхватила Анастасия Савельевна. — Ведь это же истинные произведения искусства, совершенно уникальные изразцы, музейные экспонаты, а тоже пойдут на слом, вот увидите, увидите, так и будет. По-хозяйски это?..

Анастасия Савельевна говорила убежденно, напористо, словно вовсе не ведая, что есть и другая информация о доме. Минувшей зимой, когда начали готовить документы к сносу здания, кто-то всерьез занялся проверкой слухов, будто здесь жил сам Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов. В таком случае дом могли и сберечь, капитально отремонтировав его. Но столь прочно укоренившаяся в сознании жильцов версия не подтвердилась. Соседи Анастасии Савельевны по квартире восприняли это известие с такой же легкостью, как выслушивают сообщение о предстоящем дожде. Сама же она долго не могла успокоиться, да так и осталась убеждена, что нужных документов в разных там канцеляриях просто не нашли, не захотели утрудять себя лишней работой. Безответственные товарищи взялись за дело, уж лучше б и не брались тогда совсем...

«Чудные люди, эти взрослые, — рассуждал сам с собой Андрюха. — Талдычат каждый о своем и бывают довольны, когда их не перебивают, но

не догадываются спросить, что же он о том думает. Если б спросили, он бы не промолчал... Он бы попросил еще рассказать и про Кутузова, и про его дом, и про ту, прежнюю Москву, о которой ныне можно узнать лишь в книжках...»

Сокрушенно вздохнув, — и здесь все только себя хотят слушать, — поплелся Андрюха досматривать брошенные журналы.

— Уйти не вздумай, дверь на замке, — на всякий случай пристращала Анастасия Савельевна.

Андрюха вздрогнул, словно бы от толчка в спину.

— А я в окошко могу. Запросто. Хоп!

Он сделал резкий нырок в сторону, так что темное платье лишь метнулось справа от него, вскочил на подоконник — вот она, пожарная лестница, рукой подать, — обернулся, чтобы крикнуть победное: «Всем приветик!», и увидел: прижав обе руки пониже плеча, Анастасия Савельевна медленно оседает на пол.

Андрюха глазам своим не поверил: вот только-только стояла рядом старуха, прямая и негнучая, и — на тебе — лежит неподвижно маленьким холмиком, будто вовсе не стало ее, ну вовсе, как это...

— Настасия... — дрожащим голосом окликнул Андрюха. — Настасия...

Не решаясь прыгнуть и подойти к распластанному на половицах телу, он стоял, пригнувшись и вглядываясь в посеревшие щеки, в остренький кончик носа, в реденькие кудряшки, которые Анастасия Савельевна — по неизменной привычке своей молодости — аккуратно накручивала на папильотки каждый вечер...

Где-то близко татакал отбойный молоток, словно вколачивая в Андрюху мысль о том, что случилось непоправимое и причиной тому — он, он, а никто другой. Все андрюхино существо сопротивлялось этой мысли. Ведь этого же просто не может быть! Хотя у кого про Андрюху спросить — подтвердят, что не способен он на такое... Да и кто сказал, будто виноват именно он, а не другой человек. Ведь никто не видел, как было дело. Никто во всем белом свете. И если убежать... — мелькнула подленькая мыслишка, заставив Андрюху оглянуться, и сгнула. Если не остаться здесь, тогда уж наверняка скажут, что это он доконал старушку и бросил, сбежал, слабак. Вон она и руку вовсе откинула. Придут, дверь откроют, а тут...

Он все же насмелился подойти к телу. Дотронулся до длинных, с аккуратно подстриженными ногтями пальцев. Они показались ему холодными, а щека стылой, ну не совсем еще, а как будто тепло вот только покинуло эту высохшую кожу.

Андрюха упал на колени и заревел:

— Настасия!.. Ну, Настасия, миленькая, не умирай! Ну, пожалуйста, я тебя очень-очень прошу... Савельевна! — вспомнилось наконец.

Он плакал и бил себя кулаком по твердым острым коленкам, не чувствуя боли, а в дальнем

темном конце коридора, заставленном пыльными корзинами и баулами, кто-то тоже глухо оплакивал Анастасию Савельевну. Андрюха не сразу уловил эти звуки. Сначала послышалось — сдавленно всхлипнули там, в глубине дома. Потом почудилось — шелестят по полу чьи-то шаги, кто-то крадется сзади оттуда, где никого не должно быть.

Андрюха замер — побежали по коже предательские мурашки. Тот, невидимка, тоже притаился в пропахшей пылью полутьме. Притихли оба, выжидая, кто первый выдаст себя движением. Андрюха швырнул носом, и в коридоре тотчас же шаркнули ногой.

— Кто там? — тихо спросил Андрюха.

Из коридора робко откликнулись:

— О-там.

— Эй! — смелее крикнул Андрюха.

В полумраке гулко откликнулось эхо.

Так снова оказался он наедине со старухой. И оттого, что опять опустел вроде бы оживший дом, еще тревожней и горше сделалось на душе у Андрюхи. Словно не только в этой, пустой и гулкой, квартире, а на всем белом свете никогошеньки не осталось, как после большой войны...

Анастасия Савельевна очнулась потому, что кто-то бубнил и хлюпал носом над ней. Приоткрыла глаза и в полусознании уловила, как совсем близко дернулось в радостном испуге мальчишеское лицо.

— Настасия, миленькая, ты живая, да?

...Уже лежа у себя в комнате на кушетке и приняв валокордин, Анастасия Савельевна все порывалась по-настоящему рассердиться на сидящего рядом Андрюху и не могла. И что самое странное, не сердчала на себя за такое попустительство, а еще и еще раз вспоминала обалдевшие от радости синие андрюхины глаза и те слова... Даже не сами слова — хоть, бог ты мой, сколько лет назад звали ее миленькой! — а радостное волнение голоса, от которого накапало на нее искренней заботливой нежностью. И вовсе не хотелось думать о том, почему прорезалось в мальчишке такое участие лишь после того, как он едва не отправил ее на тот свет.

Андрюха сидел на стуле притихший, искоса разглядывая порыжевшие от времени фотографии: со стен открыто и прямо взирали на него широколобые яснолицые люди, чем-то очень похожие друг на друга, быть может, именно этой прямой, которой не от кого таиться.

Самый молодой и бравый из них стоял во весь рост, облокотившись на гусеницу разбитого немецкого танка, и задиристо улыбался.

В комнате, тесно заставленной мебелью, разными коробочками и флакончиками, пахло старой одеждой и книжной рухлядью, едва внятыми ароматами парфюмерии.

Над кроватью висел грифельно-темный, без единой царапины диск репродуктора, так и остав-

шийся на прежнем месте с того времени, когда все надежды и горечи Анастасии Савельевны, все ожидания ее, связанные с окончанием войны, вместились в себя этот пепельно-черный круг. Андрюха пытливо скользнул по нему взглядом, но не решился спросить, зачем висит здесь некрасивая и наверняка такая же ненужная вещь, как тот дряхлый и сиплый колокольчик.

— Ты иди к себе, мне уже лучше, — дважды повторила Анастасия Савельевна.

Андрюха упрямо мотал головой. Все казалось ему, что стоит только уйти, как снова станет ей плохо, а вокруг — одни портреты. Даже окликнуть некого...

— Чего ты будешь тут со старухой?.. Мне вот и угостить тебя нечем...

— А это, у танка, кто?

— Сын, — сказала Анастасия Савельевна, свято веря, что так оно и есть. И чувствуя на себе удивленный, пожалуй, даже почтительный взгляд, — по крайней мере, ей очень хотелось, чтоб взгляд был почтительным, — твердо повторила: — Да, сын!

При случае она говорила всегда так — вот уже тридцать семь лет. И хоть все эти годы никто в старом доме не верил ей, а некоторые позволяли себе даже посмеиваться над ней открыто, она стояла на своем: сын. Ведь он был сыном ее мужа. Они и погибли-то почти в один зимний декабрьский день: сын под Смоленском, муж на Брянщине. Жена его, разлучница, поседевшей пришла к ней с этим известием, и смерть помирила их, двух немолодых уже женщин.

На той самой фронтовой фотокарточке сын очень походил на отца, каким она его знала, и со временем оба они стали для Анастасии Савельевны как бы одним, самым дорогим на свете человеком. У проходной завода, где работал муж инженером, а его сын техником, поставили памятный обелиск ополченцам, ушедшим отсюда на фронт и не вернувшимся с войны. И каждую зиму, под Новый год, Анастасия Савельевна покупала на рынке красные гвоздики и относила их к обелиску. Каждую зиму, кроме последней. Вовсе плохи стали ноги, по лестнице не хотят идти.

— А кем он был? — спросил Андрюха, глядясь не столько в налитое крепкой уверенностью лицо парня, сколько в броские приметы войны, отчетливо видные на увеличенном любительском снимке: зияющую рваными краями пробоину, из которой еще курился дымок, застрявшую меж траков гусеницы сплюснутую алюминиевую кружку...

— В артиллерию его записали в сорок первом. Сначала, было, в пехоту, а потом в артиллерийское училище, там их ускоренным курсом...

— Здорово он немцу врубил! Наверное, прямо наводкой.

— Вот уж не знаю.

— А чего там знать, точно, прямой!.. Они там всегда, как танки появятся, орудия выкатывают на бугор и — на тебе!

— Рисковым он был, Ильюша, это верно. Однажды, помню, пришел — ну вся щека, все колени ободраны, и молчит...

— А сколько ему было тогда?

— Да как тебе сейчас. И ростом... вот и челочка тоже налево смотрела.

— И я тоже, и я ка-ак однажды шарахнулся с березы — всю рубаху разодрал и коленку — до крови. Но ништяк...

Анастасия Савельевна теперь почувствовала себя гораздо лучше, вроде б даже голосом окрепла. Смеясь и горюя, сжимаясь порой от боли и облегченно расслабляясь на мгновенья, то и дело взглядывая в Андрюхины глаза и вновь возбуждаясь от их азартного блеска, она успела рассказать все, что знала о сыне и даже о том, чего не ведала, но в чем была уверена — именно так, геройски, вел себя ее парень, отчаянная сорви-голова.

Наконец дошел черед и до того, последнего, боя, когда на позицию наших артиллеристов пошли сразу десять вражеских танков, а пушка осталась всего одна, покалеченная осколками, и никакой подмоги вблизи, хоть кричи, хоть закричись. Три «тигра» уже горели, а сам Илья, раненый в голову и в руку, продолжал командовать, но очередного выстрела почему-то не было...

Вдруг в передней хлопнула дверь, и по кухне четко процокали каблуки.

— Мама твоя, наверное, — встревожилась Анастасия Савельевна.

— Ладно, обождет, — торопливо сказал Андрюха. — Чего там!

— Иди, иди, потом доскажу, а то подумает, что убежал ты опять, знаешь. Иди, иди...

В коридоре Андрюху встретила тетка Зина. Успев заглянуть в комнату и не обнаружив там никого, она стояла у дверей хмурая и встревоженная, подперев кулаками крутые бока:

— Ты где это шастаешь?

— У баб Насти.

— А я гляжу — усвистал уж, родимый. Небось, заждался нас? С магазинами, сам знаешь, как свяжешься — беда... Мать вон до сих пор за селедкой стоит, за баночной. Скоро придет. А мы с тобой пока обновочку... Ну-ка, давай примерь!

Куртка была синяя, непромокаемая, с замочками — сбоку и на груди. Андрюха сунул руки в подставленные теткой рукава куртки, и села на него одежда как влитая. Тетка заахала, повела его к зеркалу, покрутила и так и сяк, видно, ожидая, когда же и он заахнет. Не дождалась.

— Ты чего это, будто недоволен?

— Хорошая куртка, я же сказал.

— Хорошая, хорошая... Отличная вещь! Такую и с рук не сразу купишь. Просто повезло. Только выбросили их, а тут и мы... Ладно, вытря-

хивайся!.. Нет, ты чего смурной-то? Натворил, небось, что?

— Ничего не натворил, — насунился Андрюха.

— К баб Насте-то зачем ходил?

— Так, рассказывала она...

— Про сына, небось?

Андрюха не успел даже удивиться такой догадливости.

— Ты слушай ее больше, она наговорит. Семь верст до небес и все лесом. Почти всю жизнь одна прокуковала. Какой уж там сын...

— Как это? — совсем растерялся Андрюха.

— А так, навидумывала себе леший знает чего да и морочит головы людям.

— Да я... да я же сам, своими глазами видел, у танка он, сын ее, артиллерист, и даже похожий.

— Похо-жий, — почти пропела тетка Зина и посмотрела на Андрюху такими всеведущими, такими усмешливыми глазами, что если б даже поверил он тем словам, то лишь из упрямства ни за какие коврижки не поддакнул бы ей. Но он не поверил тетке, просто не мог поверить, решив про себя, что наговаривает она на соседку бог знает что. Наверное, невнимательно, торопясь куда-то по обыкновению, слушала тетка, как рассказывала ей баб Настя о своем сыне. Столько лет прошло, а она о нем — как о живом. Разве можно говорить неправду, так волнуясь? И обида за бабу Настю, за ее артиллериста, рискованного парня, вдруг сдувила голос Андрюхи с такой силой, что не проговорил, а пробубнил он, зло уставившись в усмешливое лицо тетки:

— Нет, был он.

— Ты чего так? — испуганно всплеснула она руками. — Да что ты, Андрюшенька?

— А ничего! — с вызовом сказал он, выставив затвердевшее плечо навстречу тетке.

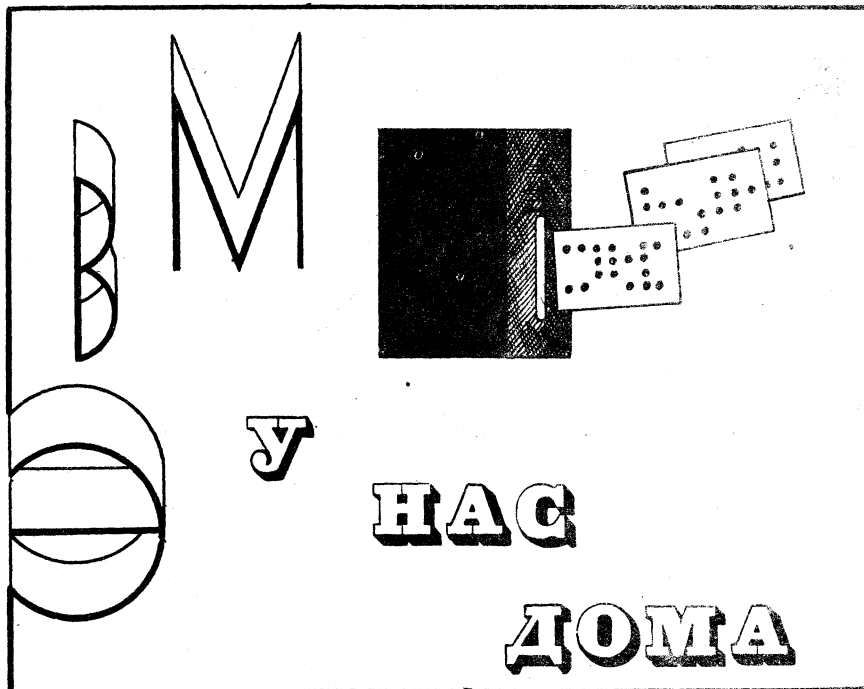
— Гляди-ка! — поразилась она столь внезапно созревшей в нем неприязни. — Вот дурачок-то!.. Ну ладно, был, был. Да разве так можно?..

Тетка тараторила еще что-то сбивчивое и ненужное, а по ее глазам видно было, что соглашается она с Андрюхой просто так, не то из жалости, не то из боязни, как бы он снова не отмолил какую-нибудь штуку. Торопливое ее притворство и вовсе убедило Андрюху — лжет тетка, кругом говорит одну неправду. Он хлопнул носом, сгоняя с глаз дрожкую пелену, и повторил с хриплой настырностью в голосе:

— Вот вы не верите, а он правда был. Его Ильей звали...

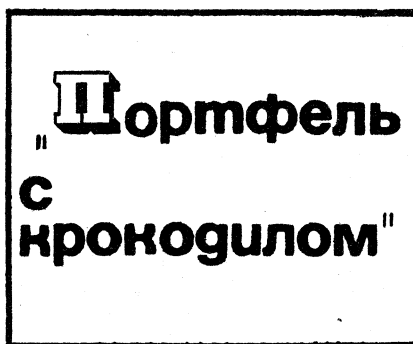

Скоро войдут
в домашнюю жизнь
электронно-вычислительные
машины.
Порукой тому —
наша готовность оснащать
свое жилище новыми и новыми
орудиями связи.
Мы с нетерпением
поджидаем почтальона,
упоенно говорим по телефону,
не мыслим себя без телевизора,
радиоприемника,
приборов для воспроизведения
записанного звука,
заснятого изображения...
Любитель-коротковолновик
переговаривается с коллегой
на другом континенте,
а его сынишка договаривается
о походе в кино,
пуская солнечный зайчик
в окно приятеля...
Едва ли стоит сомневаться
в том, что новинки —
кабельное телевидение,
видеокассеты,
всевозможные приставки
к телевизорам и т. п. —
будут пользоваться
изрядным спросом.

Александр
ВОЙСКУНСКИЙ

Оформление
З. Баженовой

Смогут ли «въехать» в наш дом
по наезженной колее терминальные
устройства вычислительных сетей?
Ответ во многом зависит от того,
что они собой представляют.

Стандартный терминал — это пишущая машинка, подключенная к ЭВМ: человек печатает на ней свой запрос, а машина — ответ. Можно фиксировать вопросы и ответы («диалог» человек — ЭВМ) не на листе бумаги, а на экране дисплея — своеобразного телевизора, связанного с ЭВМ. Первое время на экранах дис-

плеев можно было встретить лишь буквы, цифры и знаки препинания. Но вскоре появились графические дисплеи (теперь уже многоцветные) — для изображения графиков, кривых сложной формы, чертежей инженерных конструкций... Вводить информацию в ЭВМ можно без пишущей машинки, прямо «рисую» на экране дисплея специальным «световым карандашом». Такой экран куда удобнее ватмана: на нем можно не только писать и чертить, но и «стирать», перемещать изображения, автоматически менять проекцию, вызывать из машинной памяти забранные ранее варианты (не зря ведь иногда советуют искать — и находить — решение в ...наполненных накануне мусорных корзинах). К тому же в любой момент подчиненный ЭВМ прибор «перенесет» нужный чертеж или график с экрана на правдивый лист бумаги.

Терминальные устройства — не роскошь, а подлинно современное орудие взаимодействия с ЭВМ. Как считает член-корреспондент АН СССР А. П. Ершов, «терминальная

промышленность является сейчас наиболее бурно развивающейся подотраслью вычислительной техники. Ершов рассказывает, например, о новинке (с тех пор, правда, прошло уже пять лет) — терминале размером с портфель. В «портфеле» — клавиатура портативной пишущей машинки, гнездо для телефонной трубки (но без трубки), штепсель и провод, оканчивающийся зубастым «крокодилом». Подключиться к ЭВМ можно отовсюду, где есть телефон и телевизор. Каким же образом? Прежде всего надо набрать по телефону номер вычислительного центра. Далее — словами Ершова: «после того как связь установлена, берете трубку, кладете ее на гнездо терминала, вставляете штепсель в розетку питания, а «крокодил» цепляете за антенный ввод любого стандартного телевизора. Телевизор сразу превращается в алфавитно-цифровой дисплей, на котором вы можете осуществлять всю интересующую вас работу».

Не правда ли, неплохой «портфель»? И к тому же из него можно «выкинуть» столько ненужного. Вот, например, пишущая машинка — ведь она может найтись там же, где есть телевизор и телефон. Тогда, пожалуй, терминал вполне поместится в театральную сумочку...

Получается, что небольшая приставка к бытовым предметам — телефону, телевизору, пишущей машинке — превращает их в заправский терминал. Для обмена закодированными сообщениями между человеком и ЭВМ, для ведения «диалога» с машиной вполне годится телефонный кабель. Значит, подключить терминал к вычислительной машине столь же легко (или, если угодно, столь же трудно), как установить телефон. Если же телефон установлен, достаточно набрать определенный номер, и на экране телевизора появится расписание поездов или репертуар кинотеатров. Скоро подобная справочная система под названием «Синтес» войдет в строй в Софии. Телефонный запрос поступает в ЭВМ, которая и выдает на телеэкран нужную информацию. Болгарские специалисты считают, что «Синтес» окажет помощь и в административном управлении.

Что ты любишь?

Допустим, и подключить, и даже вписать элегантный терминал в домашний интерьер — не проблема. Но для чего все это в квартире?

За терминалом можно работать, но в этом качестве далеко не каждая хозяйка впустит его в дом. А может быть, не только работать? Что же еще? Например, играть...

Какой ребенок откажется от игрушечной «черепахи», способной двигаться, зажигать фары и включать сирену, поворачиваться и ползти по листу бумаги, оставляя карандашный след — траекторию своего движения? Для управления черепахой нужен... терминал, ибо черепаха подчиняется командам вычислительной машины. ЭВМ же «понимает» приказы, составленные на языке ЛОГО. Этот язык ориентирован на детей. Не на грудных младенцев, разумеется, а на тех, кто уже умеет читать и писать. А научиться программировать на ЛОГО — недолго и несложно и даже интересно для ребенка. Печатать на терминальной машинке — тоже. Научившись, ребенок может заняться «болтовней» с ЭВМ (вопросы задает машина):

- Что ты любишь?
- Яблоки.
- Приятно, что ты любишь яблоки.
- А что ты ненавидишь?
- Шпинат.
- Очень жаль, что ты ненавидишь шпинат.
- А что ты еще любишь?..

И так далее — пока не надоест признаваться, что любишь кино, варенье, хоккей, печеную картошку, ездить в лифте, каникулы, песни Тухманова, карманный фонарик, играть с собаками... Ну, что бы еще придумать?.. А ненавидишь уроки химии, будильник, соседку тетю Нину, кашу,

задаваку Маринку, выслушивать нотации, дождь, ходить в гости к родственникам, синюю рубашку... Исчерпав список привязанностей и разногласий с природой и обществом, любитель футбола может попросить, чтобы машина проверила его познания.

— Кто выиграл кубок в 1979 году?

— «Локомотив».

— Неверно, попробуй еще раз.

Машина может и «погонять» его по географии:

— Назови столицу Уругвая.

— Монтевидео.

— Правильно, ты гений!

На языке ЛОГО ребенок без труда может запрограммировать многое, что поможет ему и развлечься, и с пользой провести время. Программы на ЛОГО позволяют управлять движением «черепахи», вырисовывающей, скажем, заданный рисунок. «Черепаху» вполне заменяет точка на экране дисплея (хотя дудеть и зажигать фары она, разумеется, не будет). Траектория ее движения по экрану оставляет след: можно «нарисовать» фигурки людей, а можно — просто кружки или квадратики и написать внутри них имена приятелей. Потом можно задать скорость движения: если одинаковую, то фигурки пройдут несколько «шагов» как бы рука об руку. Можно при этом заставить их идти сложным зигзагом, огибая «минное поле». А можно задать разную скорость — и одна фигурка будет убежать, другая догонять. Право, не такая уж она скучная «черепашня геометрия»...

Что поручить терминалу

Для взрослых терминал — удобное средство обращения к вычислительной сети, в которой циркулируют

ет и обрабатывается информация. В коллективной памяти взаимосвязанных ЭВМ хранится огромный массив всевозможных полезных (как и ненужных) сведений. Создать электронного эрудита — дело, пожалуй, реальное. И очень заманчивое. Прежде всего для самих справочников и энциклопедий. Ведь жизнь идет вперед, и многие помещенные в энциклопедии статьи неминуемо устаревают. Вносить поправки в напечатанные тома затруднительно, а вот если энциклопедия хранится в памяти ЭВМ, ее текст может быть пересмотрен. Стоит лишь потребовать, чтобы редколлегия периодически утверждала списки поправок и даже новые статьи, а внести их в память ЭВМ — дело техническое. В какой-то момент окажется, что энциклопедия почти полностью переписана по сравнению с первоначальным вариантом. Тогда можно будет поздравить редколлегию и авторский коллектив с подготовкой нового издания.

Машины уже обучены достаточно хитроумным способам копания в собственной памяти. Сидящий за терминалом в свою очередь готов помочь вычислительной сети в случае явных ее затруднений: перефразировать запрос, намекнуть, пояснить... При этом возникает обмен письменными высказываниями, причем ЭВМ будет понятен естественный язык, на который наложены некоторые ограничения. Очевидно, что те машинные программы вычислительной сети, которые вступают в контакт с человеком, должны быть диалогическими. Диалог с ЭВМ можно понимать как обмен репликами, сохраняющий ряд черт человеческого диалога: реплики взаимосвязаны, правильно чередуются, опираются на заданную ситуацию и т. п. Диалогические программы «встречают» человека у терминала, если надо — терпеливо учат нехитрым правилам обращения с вычислительной сетью и раскрывают ее структуру, ободрают в попытках объяснить, в чем заключается запрос к сети, и достичь взаимопонимания.

Поиск нужной информации по запросу с терминала превратится в столь важный участок работы сети, что она будет, вероятно, восприни-

маться в первую очередь как автоматическая справочная система. А чтобы справочная система пользовалась доверием, она должна уметь отвечать на достаточно широкий спектр вопросов, к примеру: кто был первым исполнителем вашей любимой арии?.. Как проехать от пункта А в пункт Б?.. Что будет модно в наступающем сезоне?..

...Справочная система должна быть в состоянии отыскать в своей памяти ответы и на эти, и на куда более каверзные вопросы. Она должна также уметь сопоставлять факты. Так, она должна разобраться, что «Земля людей» и «Планета людей» — это одна и та же книга А. Сент-Экзюпери, вышедшая в двух разных русских переводах с разрывом в несколько лет... Не стоит перечислять все сложности, ясно, что поиск информации — дело ответственное и непростое.

Наверное, справки на дому примирят хозяйку с появлением в квартире терминала. Удобная штука, да и малышу интересно командовать «черепашкой». Можно даже пойти на расходы: уже сейчас коммерческие терминалы сопоставимы по цене, скажем, с кинокамерой или магнитофоном. При этом все составные элементы терминала исполняют и прямые обязанности. Телевизор — это не только экран дисплея, но и...телевизор: можно смотреть передачи и даже заказывать любившуюся вам программу из фонда видеозаписей. На пишущей машинке можно печатать и для себя, и для других, и для ЭВМ.

Как ни велика семья и как ни разнообразны ее интересы, терминал все равно какое-то время будет простаивать. Так не доверит ли ему, скажем, еще и прием телеграмм через вычислительные сети. Но почему только телеграммы? А счета за междугородные телефонные переговоры? А плата за жилье? Пусть счет тоже приходит в определенный день на терминал. Можно подумать о передаче через дисплей вообще всей почтовой информации, например, писем, даже факсимильных копий газет. Терминал годится и в качестве посредника в заказе билетов в театры, на поезда

и самолеты. И в заказе продуктов. Можно запросить в справочной системе сводку местных новостей или забытый кулинарный рецепт. Приходит из школы или из вуза дочь — терминал может послужить ей репетитором в приготовлении домашнего задания: для этого достаточно связаться с одной из заложенных в вычислительной сети обучающих программ. Медицинская программа найдет и выдаст вызванному на дом врачу прямо на экран дисплея историю болезни пациента, расшифрует переданную ей по кабелю кардиограмму, даже, глядишь, даст врачу совет. Программа «Диетолог» может разработать меню на каждый день, подсчитает калории, подскажет варианты — как недорого, сытно и разнообразно накормить семью. В некоторых странах популярны — особенно среди молодежи — рекомендации по ведению семейного бюджета, и, конечно, вычислительные сети должны быть готовы к подобным вопросам. Коллекционеры книг, пластинок, марок, монет, открыток могут вести с помощью терминала каталоги и картотеки. Прикажете — терминал будет заблаговременно извещать вас о близящихся памятных датах ваших родственников. Дисплей способен запоминать на месяц вперед ваши сообщения о назначенных встречах и каждое утро напоминать о них, составлять график занятости на весь день.

Легко заметить, что среди перечисленных способов использования терминалов — и очень полезные, и не очень полезные, и чисто рекламные. Вопрос лишь в сроках внедрения... Есть в Японии такой городок — Тама. Город, надо сказать, сугубо современный, даже суперсовременный. И этот «супер» имеет самое прямое отношение к терминалам. Жителям Тама (пока не всем, ибо речь идет об эксперименте) вычислительные сети приносят прямо в квартиру сведения о ценах на товары и о результатах спортивных матчей, прогноз погоды и кулинарные советы, местные новости и домашние телеуроки. Передаются копии газет, медицинские консультации, информация о транспортных маршрутах, даже гороскопы.

В городе одиноких

Жители электронизированного города наверняка пожелают и развлекаться, не выходя из дому. К их услугам — множество игр, включая шахматы. Причем силу игры машинных программ можно варьировать и подбирать таким образом, чтобы соревноваться на равных.

Любителей развлечений не может не привлечь архив видеозаписей кинофильмов и концертов. Можно предоставить каждому возможность составить по своему вкусу концерт из фрагментов видеозаписей. Концерт по заявкам может быть организован, например, так: на экране дисплея проецируется — страница за страницей — каталог видеозаписей, делается заявка, т. е. набираются отобранные номера, и концерт готов. Надо еще указать, в какое время желательно начать его. В указанный срок голубой экран оживает. Монолог Аркадия Райкина сменяется танцем Людмилы Пахомовой и Александра Горшкова... Короткометражка Чарли Чаплина, пантомима Марселя Марсо, Кармен — Майя Плисецкая, Кармен — Елена Образцова... Любитель «ретро» ждет встречи с Леонидом Утесовым... Нарасхват, наверное, будут записи «Бони М» и чего-нибудь поновее...

Министерство почт и телеграфа Японии задумало новый, более дорогостоящий, по сравнению с Тама, эксперимент. Намечено провести его неподалеку от Киото — древней столицы страны. Одно из новшеств в том, что составленные по частным заявкам передачи будут включаться в общегородской фонд. Можно будет послать в фонд и собственные импровизации. Как знать, может, кому-то из горожан они придутся по душе? Коль скоро обнаружится единство вкусов, терминал послужит

посредником при знакомстве. Постепенно могут сложиться заочные клубы по интересам. Перейдет ли это в готовность ходить друг к другу в гости — неизвестно, но все же определенные контакты, надо думать, разовьются...

Кажется, авторы этой идеи сами не очень-то верят, что обмен концертными программами и переписка посредством терминалов станут полезным продолжением неформальных дружеских отношений между жителями супергорода.

Что-то сомнительно. Общество потребления неминуемо порождает отчужденность людей друг от друга, и никакие успехи электронной промышленности тут не помогут.

Опясывающие город вычислительные сети способны даже усугубить одиночество. В самом деле, к чему они в конце концов ведут? Вот к чему: никакие заботы не будут выгонять людей из дому. Даже в магазине не поговорить с продавцом: вместо этого пишешь записочки автомату на товарном складе, а потом находишь в холодильнике заказанные продукты.

Французский журналист Филипп Понс пишет: «Не исключено, что возможность посылать письма, не приходя на почту, голосовать у себя дома, делать закупки, нажимая на кнопки, следить за своим здоровьем и учиться, не прибегая к услугам врачей и преподавателей, — прогресс довольно относительный». Причем начало этому регрессу было положено давно. Несколько десятилетий назад социологи обратили внимание на то, что в современном городе, буквально напичканном средствами связи (до вычислительных сетей было еще далеко), отдельный человек все чаще остается одиноким.

Причем одиночество в «каменных джунглях» стократ мучительнее, чем среди настоящих деревьев. В лесу можно попытаться слиться с природой, стать ее частью, и одиночества как не бывало. Отшельник Генри Торо, по его признанию, чувствовал себя не более одиноким, чем, например, пруд, солнце, одуванчик, шмель, Северная звезда, южный ветер...

А что предлагает одинокому че-

ловеку город? В нем не растворишься — все чуждо, все враждебно... Правда, можно позвонить или дать телеграмму. Кому? Да кому угодно!.. Но в том-то и дело, что никому не угодно получить телеграмму от одинокого, поговорить с ним. Изобилие каналов коммуникации не избавляет от одиночества.

Это начинают понимать и те люди, чья профессия заключается, в частности, в совершенствовании вычислительных сетей. Симптоматично, что при ассоциации американских специалистов по вычислительным машинам был организован специальный комитет «Человек и ЭВМ». Чем же занимается новый комитет? Это видно из опубликованного доклада о взаимоотношениях общества с ЭВМ. В докладе широко ставятся «гуманитарные», человеческие проблемы. Не идем ли мы к еще большей разьединенности? Это сильнее всего волнует членов комитета. «Не приносит ли нам поход в библиотеку или в магазин какую-то невяную пользу? — задают они вопрос. — Не лучше ли посещать курсы обучения взрослых в компании других людей, нежели учить тот же материал самому при помощи телевизора? Другими словами, можно ли считать, что мы настолько оторваны друг от друга, что тенденции, усиливающие изоляцию, могут принять опасные черты?»

В докладе не предлагаются ответы, в нем ставятся вопросы, и по большей части непростые. Члены комитета — и это очень ценно — нашли в себе мужество освободиться от ажиотажа и угара интересной, важной работы — а именно такова работа в области вычислительной техники. И не только освободиться, но и остановиться и задуматься, а это тоже дано не всем, ибо как минимум предполагает наличие достаточно широкого, не узкопрофессионального взгляда на вещи. Ведь, по сути, они задали вопрос: «Какими мы хотим видеть не только ЭВМ, не только вычислительные сети, но прежде всего самих себя?» А этот вопрос никогда, ни при каких обстоятельствах не должен оттесняться на второй план...

Мне выпала счастливая судьба в течение почти двух десятилетий вместе с несколькими поколениями своих учеников-следопытов собирать материалы о Гайдаре, ходить по его жизненным тропам, находить людей, встречавшихся с ним. Членам нашего школьного клуба «Звезда Гайдара» Подберезцевской школы Львовской области удалось собрать много рассказов и легенд о любимом писателе-воине.

Вот две военные истории, связанные с Гайдаром и его именем.

Живой герой

Иосиф
ВУЛ

Рисунок
М. Каретина

Замечено, что люди, встречавшиеся и соприкасавшиеся с Гайдаром, не только на всю жизнь сохранили добрую память о нем, но и ощущали его влияние на всей своей судьбе. Гайдар как бы передавал им частицу своей необычности.

Известна героическая судьба воинов 2-го батальона 306-го стрелкового полка, вместе с которыми А. Гайдар в июле 1941 года вел бои с фашистами и которые стали героями его фронтowych очерков «У переправы» и «Ракеты и гранаты». Командира батальона Ивана Николаевича Прудникова Гайдар назвал «самым лучшим и смелым комбатом самого лучшего полка всей дивизии».

Писателю Борису Камову, известному исследователю жизни и творчества Гайдара, удалось разыскать многих бойцов батальона, героев гайдаровских очерков, и восстановить день за днем эпизоды участия Гайдара в боях за оборону Киева.

Только одного героя очерка «У переправы» Борис Камов не нашел. Это комсорг 306-го полка Цолак Купальян, которому было поручено сопровождать Гайдара по боевым позициям полка.

В очерке о Купальяне сказано немало: «Прежде чем броситься на землю, секретарь полкового комсомола Цолак Купальян на другое мгновение оглянулся: все ли перед боем идет своим установленным чередом и где сейчас находится комбат?»¹

Иван Николаевич Прудников посоветовал нам: «Найдите Цолака Купальяна, я знаю, он остался жив».

Казалось, что найти живого

героя Аркадия Гайдара будет нелегко: кроме имени, фамилии и должности его в 1941 году, ничего не известно...

Решили мы с ребятами искать его в Армении, полагая, что на родине Купальяна кто-нибудь знает о его судьбе. Написали в республиканскую газету «Коммунист», которая опубликовала наше письмо с просьбой найти ветерана.

И нашелся Цолак Карпович Купальян, но совсем не там, где его искали. Правда, на след его навел все-таки Ереван, а жил и служил Цолак Карпович далеко от своих родных мест — в городе Горьком.

Работник юстиции Ц. К. Купальян откликнулся на наше письмо, прислал свои воспоминания.

Мы нашли живого героя очерка Гайдара «У переправы»! Эта весть полетела и к писателю Борису Камову, и к Ивану Николаевичу Прудникову. Б. Камов уже во втором издании своей книги «Партизанской тропой Гайдара», говоря о комсорге полка Купальяне, дал сноску о том, что его нашли литературные следопыты из школьного клуба «Звезда Гайдара». А в статье «180 строк»² об истории очерка Гайдара «У переправы» писатель использовал отрывки письма Ц. Купальяна к нашим гайдаровцам.

Иван Николаевич Прудников тоже был рад. Он связался со своим боевым товарищем, а в октябре 1966 года в Арзамасе мы были свидетелями их встречи — встречи двух живых героев Гайдара. И. Н. Пруд-

¹ А. Гайдар. «У переправы». Собр. соч. М. 1960, т. 3, стр. 284.

² Б. Камов «180 строк». Сб-к «Слова, прошедшие из боя». М. «Книга», 1980.

ников с трибуны Гайдаровской конференции, организованной Арзамасским пединститутом, сказал: «Встреча через двадцать два года... стала возможной благодаря поискам следопытов из Подберезцевской школы».

Ц. К. Купалян писал о том, что считает счастьем для себя встречу и участие в боях с Гайдаром. На него, молодого комсорга, пример Гайдара, добровольно прибывшего в действующую часть «поноухать пороха», как выражался сам писатель, произвело большое впечатление. И как мог, он оберегал известного всей стране человека от опасности.

Нетерпение, с каким рвался Гайдар в бой, личное мужество, находчивость и старание в изучении техники — эти прекрасные солдатские качества воспринял комсомольский вожак у писателя.

Мы читали воспоминания Ц. Купаляна и искали что-нибудь такое, что открыло бы новое в Гайдаре, чтобы увидеть, каким он был на фронте. Был он и там человеком, как всегда, неунывающим, любознательным...

«Мне вспоминается один забавный эпизод,— пишет Цолак Купалян.— Шел бой, время подходило к полудню. Аркадию Петровичу очень захотелось есть, и он сказал мне об этом.

В сумке у меня ничего не было, кухня должна была прибыть только к наступлению темноты. Но в кармане у меня нашелся кусочек военного сахара, который я и предложил ему.

Аркадий Петрович был очень удивлен тем, что я назвал сахар «военным», и полюбостроивал, каков же он. Я достал из кармана черный, как антрацит, кусок сахара весом около ста граммов и отдал Аркадию Петровичу. Он с большим интересом разглядел его и, усомнившись в том, что это сахар, недоверчиво спросил меня, как его едят. Я объяснил: обыкновенный сахар, когда-то он был белый, но почернел от пыли, и едят его обыкновенно — мочат в воде и сосут.

Гайдар тут же окунул сахар в ручеек и съел его с удовольствием...»

Как не узнать писателя в этом эпизоде — его интересовало в военном, фронтовом быте все, каждая деталь. Наверное, он сам рассказал бы и поинтереснее, и посмешнее... А может, и успел рассказать в каком-нибудь очерке из «ненайденной сумки»...

Купалян, герой очерка Гайдара, стал героем и в прямом смысле слова. Коммунист воин Цолак Купалян, находясь в окружении врага, проявил самоотверженность и сохранил боевые знамена и ордена своей дивизии и своего полка.

Видя опасность, угрожавшую воинским святыням, Купалян закопал боевые знамена, ордена и грамоту Верховного Совета СССР в землю, где они пролежали два года...

Какой сюжет для Гайдара, если бы он мог знать о подвиге Цолака Купаляна!

«Майор Гайдар»

Какое военное звание имел Аркадий Петрович Гайдар?

Мы знаем, что приказом Реввоенсовета СССР от 1 ноября 1924 года бывший комиссар полка Голиков Аркадий Петрович был уволен в запас. Тогда в Красной Армии званий еще не было.

В начале Великой Отечественной войны А. Гайдару воинское звание не было присвоено, так как он был не мобилизован, а командирован «Комсомольской правдой» на фронт.

Откуда же «майор Гайдар»?

Это еще одна легендарная история.

...В январе 1945 года, когда в район столицы Чехословакии стягивались большие силы фашистов, цеплявшихся за каждую дорогу, каждый мост, была создана оперативно-чекистская группа для ведения разведки в тылу врага и совершения диверсий.

Отряд этот возглавил Николай Иванович Григорьев, бывший шахтер из Новокузнецка, в войну чекист.

Группе положено было дать название, а ее руководителю — выбрать себе псевдоним. Так появился «Шквал», вписавший в историю партизанской войны в Чехословакии яркую страничку. А руководил «Шквалом»... «майор Гайдар»!

— Почему же «Гайдар», почему «майор»? — допытывались мы, когда узнав, что Н. И. Григорьев живет во Львове, разыскали его и встретились с ним.

— Почему? — задумался Николай Иванович.— Я знал, что прекрасный писатель Аркадий Гайдар погиб в боях с врагами, и таким образом мне хотелось отметить память о нем и отомстить за него. Почему — «майор», я и сам не знаю. Пришло в голову, и я «присвоил» Гайдару это звание...

Так в партизанском отряде, далеко от гайдаровских Лепляжских лесов, снова появился Гайдар. Это имя звучало в обращении к командиру, оно стало известно врагам, охотившимся за партизанами, его знали и чешские патриоты.

О «Шквале» написаны статьи, его участников окружает слава смелых и непобедимых разведчиков. Известно, что действовал отряд с 31 марта по 11 мая 1945 года. За это время группа, которая состояла из восемнадцати чекистов, подорвала три эшелона с живой силой, боеприпасами и военной техникой противника, разрушила важный стратегический объект — железнодорожный мост через реку Бероунку. В боях с противником уничтожено 269 фашистов, захвачено в плен 180 гитлеровцев и 28 власовцев. При этом отряд не потерял ни одного человека.

Каким же был сам «майор Гайдар»? Что сблизало Николая Ивановича Григорьева с писателем? Ведь не случайно выбрал он это имя для своей подпольной клички...

Мы познакомимся с Н. И. Григорьевым, прочли его воспоминания и воспоминания его боевых друзей. Несомненно, этот человек оправдал свое второе имя.

Это был настоящий, последовательный интернационалист. В отряде были русские, украинцы, поляки, татары, азербайджанцы и даже испанец. Много помощников нашел себе Николай Григорьев и на чешской земле. Свыше пятидесяти чехов были связаны со «Шквалом». Однажды в отряд пришли четыре немецких солдата, их проверили на деле и поверили им. Неплохо они потом расправлялись с гитлеровцами.

«Майор Гайдар» был общителем, смело и открыто говорил с людьми, умел находить себе верных помощников.

Большую помощь оказывал отряду лесник — чех Лаба. А вот с его начальником, старшим лесником, установить контакт никак не удавалось, и это сковывало разведывательную деятельность отряда. «Майор Гайдар» решил пойти «в лоб» — встретиться со старшим лесником и поговорить с ним откровенно. Однажды с несколькими партизанами он появился в доме лесника. После беседы тот обещал помочь. И чтобы проверить его, Григорьев решил переночевать: выдаст хозяин или нет? Конечно,

в эту ночь никто не спал. Не спал и хозяин — вместе со всеми членами семьи караулил дом, где отдыхали советские партизаны.

Был Григорьев в своих действиях очень рискованным, и всегда этот риск оправдывал себя.

Узнал как-то «майор Гайдар» о том, что в их районе живет на своей вилле инженер, владелец крупной строительной фирмы. Сведения, полученные от него, немало пригодились бы... И Григорьев отправился к нему. Поздно вечером, появившись неслышно в доме инженера, Григорьев услышал, что этот «капиталист» слушает по радио... Москву.

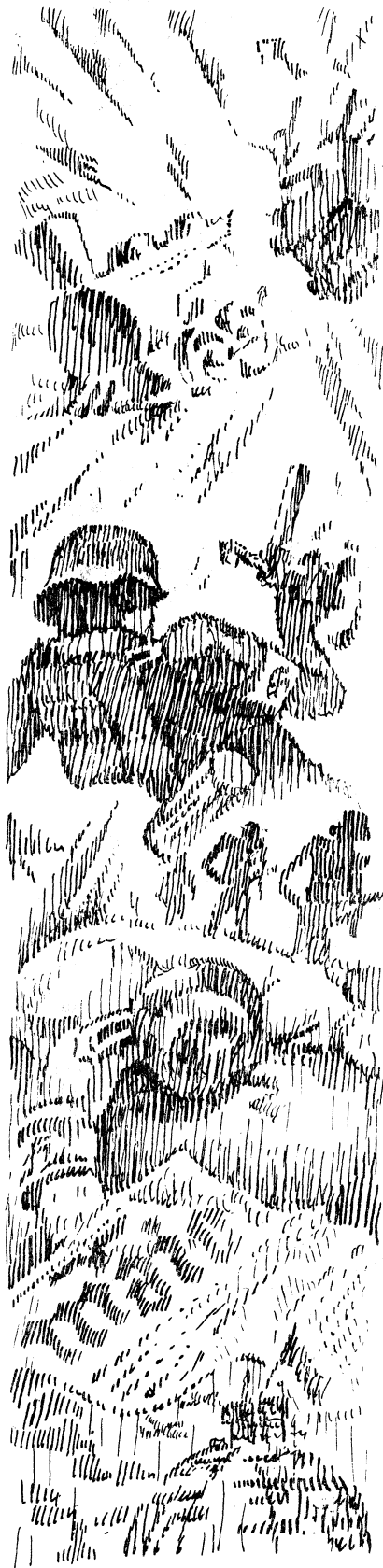
Инженер Нежоут был потрясен появлением командира отряда. Он вступил в контакт с партизанами «Шквала», снабжал их важными данными.

Или чтобы достать пропуск, Григорьев рискнул послать своего разведчика в штаб власовской дивизии с предложением встретиться. Конечно, никаких переговоров с предателями Григорьев не вел, но пропуск он добыл, и его удалось удачно использовать.

Николай Иванович Григорьев прост и необыкновенно скромен. Рассказывает больше о своих боевых товарищах, о себе — скупое. У него четырнадцать правительственных наград. И одна из них — «Чехословацкий военный крест». Читаем документ, подписанный президентом Чехословацкой республики генералом Свободой: «...В ознаменование боевых заслуг в борьбе за освобождение Чехословакии от вражеского порабощения награждается майор Николай Иванович Гайдар».

Так Гайдар продолжал воевать. И великую Победу Гайдар встретил... в Берлине. Его роспись была на рейхстаге. Ее сделали за него братья по перу — М. Котов и В. Ляковский.

Поистине легендарное имя!

Дом над Днепром

Широко известен большой музей Аркадия Гайдара в городе Каневе. И вот уже несколько лет, как филиалом его стала маленькая хата в селе Леплявое Черкасской области. Три десятка лет стоит в ней окошка простой крестьянской стол, на нем — старая керосиновая лампа. Здесь, когда партизаны приходили на короткий отдых, Гайдар присаживался, чтобы вести свой партизанский дневник. Корешки старинных книг — их Гайдар подбрал в сожженной фашистами библиотеке и принес сюда. Очки, которые он «одолежал у оберста», — они пришлились как раз хозяйке Афанасии Федоровне Степанец...

Неподалеку отсюда, на железнодорожной насыпи, прошла Гайдара пулеметная очередь.

Едва успели советские части освободить село Леплявое, явились к Афанасии Федоровне в дом первые «экскурсанты» — трое мальчишек: «Это правда, что Гайдар жил у вас? Вы его знали?» Сколько их побывало с тех пор в крестьянской хате... Со всей нашей страны, из других стран, теплоходами, самолетами, автобусами, пешком добирался сюда ребята. Бьют в барабаны, разворачивают знамена, становятся лагерем на месте гибели любимого писателя; идут на тихую сельскую улицу — посмотреть на дом, который был партизанским убежищем: прочесывают в который раз ближайшие леса — не найдется ли где знаменитая брезентовая сумка Гайдара с рукописями...

Н. АНДРЕВА

ГОВОРЯЩИЙ

Рассказ

**Александр
КАЗАНЦЕВ**

*Рисунки
Е. Стерлиговой*

Солнце нещадно палило. Я шел к лесу. Густая зеленая стена манила прохладой.

Голова кружилась от медвяных запахов. В хлебах, колыхавшихся по обе стороны, маячили васильки.

Лес был смешанный. Ели тянули вниз мохнатые лапы, заботливо прикрывая себя до самой земли. Рядом, будто в неумном хохоте, беззвучно тряслись легкомысленные осины. А поодаль, казалось, хмуро и осуждающе мыслили дубы.

При ходьбе в чаще появлялись и пропадали березки. словно девушки в белых платьях, играли там в прятки. Синеокие, светлокобые, смешливые. Возьмут за руку и утащат в свой хоровод, чтобы снова стал молодым...

Великий Гете семидесяти четырех лет создал знаменитую Мариенбадскую элегию — песню о любви к девятнадцатилетней Урсуне, легкой, восторженной, белокурой...

ХОЛСТ

Александр Петрович Казанцев родился в 1906 году в Акмолинске (ныне Целиноград). Окончил Томский технологический институт, работал инженером-механиком, в годы войны возглавлял научно-исследовательский институт.

Старейшина советской фантастики, лауреат премии «Аэлита».

Рассказ «Говорящий холст» написан специально для нашего журнала.

И тут я увидел свою девятнадцатилетнюю! Профиль — как с камня! Тяжелый узел волос вороненой сталью блестит на солнце. Стрельчатые ресницы устремлены вперед вместе с нацеленным взглядом...

Я опешил. Остановился.

Можно понять Фауста, продавшего за молодость душу дьяволу! Не себя ли вспомнил Гете, создавая своего бессмертного доктора? Спустя семь лет после нежной и горькой, как запах черемухи, вспышки чувств к кроткой Урсуле...

Девушка сидела перед мольбертом.

Оглянулась и отнюдь не кротко, а насмешливо взглянула на меня.

Должно быть, лицо мое было уморительным, когда я рассматривал изображение на холсте. Прохладный лес только что манил к себе густой зеленой тенью, а здесь... он пылал!

Огненный смерч перелетал с дерева на дерево. Высокие стволы взвивались факелами. Дым стелился по земле, и сквозь него, под-

крадываясь по иссохшей траве к очередной зеленой жертве, просвечивали злые языки пламени.

— Что это? — изумленно спросил я, забыв все слова приветствия.

— Стихия! — ответила художница, пожав обнаженными покатыми плечами. И вытерла кисточку тряпкой.

— Простите, — начал я. — Понимаю, непосвященным полработы не показывают. Но, может быть, вы сделаете исключение? — И я назвал себя.

Она улыбнулась:

— Фантаст должен понять меня в желании увидеть то, чего нет. Кстати, это не половина работы. Это — законченный этюд.

— Законченный? Он никогда не закончится! — запротестовал я. — Деревья в нем сгорают! Я слышу их треск. Ваш холст говорит! Кричит!

— В самом деле?

— Клянусь самой фантазией!

— В таком случае он ваш. У меня на родине принято дарить то, что понравилось гостю.

— Я ваш гость?

— Конечно. Это мой дом! Здесь все мое: лес, поле, воздух! И вы пришли ко мне. Я Тамара Неидзе, студентка из Тбилиси. И я приду к вам, чтобы узнать, что расскажет вам мой этюд. Приду, если позволите, с ребятами, которым обязана тем, что написала на холсте. Идет?

Она говорила с очаровательным кавказским акцентом, выделяя слова и тем придавая им особую весомость. Мне ничего не оставалось делать, как принять княжеский дар.

— Беру, княжна! Да пылает ваш талант, как этот изображенный вами пожар!

И я шел из лесу с колдовским подарком под мышкой.

Медвяные запахи, или что-то еще, окончательно вскружили мне голову. Ай да Гете!

Правда, придется платить. К счастью, не дьяволу, а моей будущей гостье, платить рассказом ее говорящего холста!

И вот я сижу перед натянутым на раму полотном. Мне кажется, что от него пышет жаром. До боли жаль горящее дерево. Глупо, но я поставил рядом с собой ведро воды.

Кто не смотрел как зачарованный на живое пламя костра? Для меня на картине огонь, перелетавший с дерева на дерево, был таким же живым, жадным, жгучим. И попадавшие в его раскаленные лапы стволы извивались от боли, корчились, загорались с треском, с пальбой, рассыпая снопы искр, от каждой из которых где-то вспыхивал новый язычок пламени, разбухал, наливался алой краской, превращаясь в ревуший факел с черной дымящейся шапкой.

И все это смешивалось, сливалось, шипело, стонало, грохотало.

А перед тем...

Хромой начал свой путь в десяти километрах от хабаровского моста через Амур, близ устья полугорной речки Тунгуски.

Он начал свой путь там, где у села Ново-Каменка высится базальтовый холм — Пагода Дьявола. Черная борода «Каменного Пришельца из дальних мест» свисала, извиваясь твердыми струями.

Перед засухой последний дождь тайги застал Хромого именно здесь, у камнепада, ниспадающего с крыши Пагоды, превратившегося на час в черный кипящий «смолопад».

Неспешной походкой опытного искателя женьшеня отправился Хромой на север, уклоняясь к востоку.

Если бы кто-нибудь заглянул в его котомку,

то удивился бы при виде затрепанного томика Игоря Северянина и человекоподобных корней целебного растения, от изумрудных зарослей которого путник был еще так далек.

Странному искателю женьшеня встречались дикие, долгоцветущие золотые пуговики пижмы, похожие на маленькие солнцелюбивые подсолнухи. Попадались и прямые высокие деревья с бархатной корой, с ажурной кроной на высоте семиэтажного дома.

Хромой все знал об этом дереве, даже сказку о том, что оно приносит черный жемчуг и расцвело когда-то в саду рыбака, тщетно искавшего на дне моря такой жемчуг, чтобы его отваром спасти дочь. Черный жемчуг с дерева в его саду спас больную.

Но черный жемчуг мог принести владельцу несметное богатство. Больных, готовых все отдать за целительное средство, много, ой как много! Если умело разводить этот «жемчуг» и ловко торговать, то будешь с большой прибылью! Можно бы заниматься и женьшенем, и пробкой, и другими целебными травами... Эх! Не раскинулись в тайге плантации растущего золота с именем (а не с прозвищем) Хромого на вывеске о трех кедровых столбах!..

Встречались Хромому на пути и сосны-книги, на коре которых неведомыми письменами начертаны якобы судьбы людей. Но едва ли смог бы прочесть свою судьбу Хромой по изогнутым линиям на тонком, как бумага, слое коры. Никак не разобратся ему в таинственных знаках, полукружьях, точках, овалах и прямых углах.

Неукротимая сила влекла Хромого вперед. Некогда ему было размышлять о своей судьбе, пусть даже записанной здесь злыми духами! О прошлом же своем он и читать бы не стал!

Отец, властный бородач с ниспадающим на глаза чубом, был из уссурийских казаков. Набожный, сулил он сыну миллионы с таежных плантаций, посылая учиться в Харбин. Помощник грамотный нужен был ему! А сам он, подавшись сначала к атаману Семенову, потом к барону Унгерну, принял «желтую веру» и сложил где-то свою чубатую голову.

На плантациях отца с сыном, как они замыслили, должны были гнуть спину пришлые «ходи» с раскосыми глазами. Теперь таких в тайге не осталось... Несостоявшийся владелец, Хромой шел и шел, бездумно, безучастно ко всему окружающему, двигался, как запрограммированный автомат.

И лишь спустя многие недели ходьбы, изнемогая вместе с окружающей тайгой от жары, миновав несчетные распадки, обойдя лесистые сопки, стал он вынимать из котомки и бросать в высохшую траву металлические пластинки. Воровски оглядывался и, по-тигриному мягко ступая, шел дальше и дальше в таежную глухомань.

Впереди должна была встретиться Великая

Просека, пробитая в вековом лесу энтузиастами, обживающими таежную глушь, проклады- вающими через нее стальные пути.

Казалось поначалу, что Хромой шел к этим людям, но, что-то почуяв, круто свернул он на восток и зашагал к океану, хоть и было до него еще море лесов.

Стояла редкая для этих мест жара. Иссо- щая трава шуршала. Пот застилал прищуренные глаза Хромого. Но он, припадая на левую ногу, все шел и шел, оставляя за собой след из раз- бросанных пластин. Силы уже оставляли Хро- мого, но его гнал теперь, помимо чужой злой воли, еще и собственный Страх.

В давно пройденном им распадке лежала в траве пластинка, одна из многих. Олень, чутко поводя великолепной рогой головой, нечаянно наступил на нее и сразу же отскочил, заподо- зрив недоброе. Задымилась под его копытом сухая трава, а пластинка ожила под жгучими лу- чами солнца, свернулась и воспламенилась.

Загорелась трава. Легкий ветерок раздул огонь и погнал по распадку к ближнему дереву. Дым окутал листву, а потом дерево загорелось, сначала у корня, затем жадные языки взвились к ветвям. Еще миг — и в смолистый факел пре- вратилась нарядная черная береза, какой не встретишь ни в одном другом уголке земного шара.

Крепчал ветер, раздувая пожар. Скоро ог- ненная стена двинулась, гоня перед собой пе- репуганного оленя.

Бушующее пламя губило вековые сосны, па- хучий кедр. Огонь приближался к заветной Просеке Молодых, грозя баракам, первым стро- ениям и деревянным мостам новой дороги.

Казалось, ничто не остановит жаркого вала, и огненная стихия сметет все.

Дивизия поднялась по тревоге. Поднялась в прямом смысле — в воздух! И не тихоходные вертолеты, а быстрые самолеты в хвост друг другу вереницей полетели над тайгой, сберегая минуты, секунды...

В одном из самолетов как на подбор сидели тридцать три богатыря и с ними дядька Чер- номор, которого звали сержантом Спартак. Носил он, как и все, тельняшку, форму поверх нее и берет десантника. Азиатский разрез глаз как-то не вязался у него с выпуклыми, четкими чертами лица, доставшимися от отца.

Рядом со Спартаком сидел его друг Остап, маленький, верткий. Он не дослужился до сержантского звания из-за озорной своей сущно- сти и несметного числа нарядов вне очереди.

— Эх, траншеекопатель зря не взяли! — вер- телся на идущей вдоль фюзеляжа скамье Ос- тап. — Я бы подсутился и на парашюте его спу- стил прямо хоть в очко нужника!

— Твой копатель от слова «копаться» про- исходит. А нам время дорого, — степенно воз- разил Спартак.

— Так и я о том же! Канаву бы пропахать! Или на худой конец полосу. Испокон веков так делали. А тут без всякой техники летим. Вроде нагишом.

— Хватит тебе в зебры играть.

— А что? Они вроде нас — полосатые! Прав- да, полосы у них под прутики растущие, а у нас — под морские волны.

— Так то у моряков!

— А у нас — от тайги! — и Остап кивнул на иллюминатор. — Мо-оре! Как в песне!

В переднем салоне самолета спор шел на более высоком уровне.

Знаменитый лесовед профессор Знатьев, огромный, заросший полуседой бородой, с буй- ными глазами навикате, стучал по столику тя- желенным кулачищем:

— Продолжаю утверждать, генерал Хренов, что задуманный вами эксперимент — авантюра! Вы легкомысленно пренебрегаете Великим Опы- том! Вот так!

Молодой генерал-майор инженерных войск, невысокий, голубоглазый, рядом со своим сви- репым собеседником казался сжавшимся в ко- мочек.

— Позвольте уточнить, — спокойно возразил он. — Под Великим Опытом вы понимаете тра- диционные методы тушения лесных пожаров?

— Да, да, да! Традиционные, то есть много- кратно проверенные удачным применением. Оправдаввшие себя! Таковы противопожарные про- секи, канавы, схожие с вашими противотанко- выми рвами, наконец встречные пожары, не ос- тавляющие огненному валу древесины для воз- горания. Бесспорно, для этого требуется труд тысяч и тысяч людей. Но потому мы и обратились к вам, военным, располагающим людскими резервами. А совсем не ради проведения вами в горящей тайге сомнительных фокусов. Руко- вода таким обреченным делом, вы, дорогой мой генерал, лишь скомпрометируете славное имя Героя Великой Отечественной войны генерал- полковника Хренова, взломавшего со своими инженерными войсками линию Маннергейма. Мы в Ленинграде, в блокаду, вашего деда, ой как вспоминали!

— Аркадий Федорович мне дед лишь по во- енной специальности, к сожалению. Кстати, всег- да славился новаторством.

— И Великим Опытом.

— Позвольте тогда уточнить это понятие с помощью одного сонета.

— Сонета? Так их о любви пишут!

— Не только. Эта форма вмещает любую мысль.

— Читайте. Генерал и стихи! В первый раз слышу!

Молодой генерал чуть заметно улыбнулся и прочел:

Сверкнет порой находка века,
Как в черном небе метеор.
Но редко славят человека.
Слышней — увы! — сомнений хор.

«Жрецы науки» осторожны,
«Великий Опыт» — их глаза:
«Открыть такое невозможно!
Немыслима зимой гроза!»

Запретов сети, что сплетает
Препрадою «науки знать»,
Тому, кто сам изобретает,
Эйнштейн советовал не знать.

Наука к Истине ведет,
Но движется «спиной вперед»!

— Ну, знаете ли! Я усматриваю в этом переходе на личности! Извольте иметь в виду, что моя фамилия происходит не от чьей-то «знатности», а от древнего русского слова «знатьё»! Я из лесников вышел. По-настоящему меня и звать-то Знатьёв!

— Что вы, профессор! Я имел в виду науку! И вполне уважительно! Разве прогресс возможен без взгляда назад?

— Так отчего вы бросаетесь в атаку без оглядки?

— Атакующему оглядываться не положено, коль скоро приказ об атаке отдан. Но вам, Иван Степанович, оглянуться будет естественно, когда вернетесь с самолетами на базу.

— Да вы что, генерал! Думаете, я полетел с вами слушать генеральские сонеты над тайгой? Дудки! Я спрыгну вместе с вами, чтобы посмотреть провал вашей затеи. И успеть принять действенные меры через филиал Академии наук. Рация у вас будет?

— Обязательно спустим на парашюте. А вы, профессор, позвольте уточнить, с парашютом прыгали?

— Не приходилось.

— Так ведь нужны тренировки.

— А зачем? Во время тренировки мне бы все равно пришлось прыгать в первый раз? Так я лучше и в первый раз спрыгну по делу, чем без дела, а лишь в предвидении его.

— Та-ак... Парашюты у нас с автоматикой... Падать будете, как и все десантники, в затяжном прыжке. Эхолот даст команду на заданной высоте, парашют раскроется сам. Вот только, может быть, с дерева придется слезать. Сумеете?

— Я, молодой человек, уже сказал вам, что из лесников вышел. Лес люблю и знаю не только снизу. Мальчишкой гнезда разорял. Позже —

изучал. Ученые до преклонных лет сохраняют такие навыки, как, скажем, скалолазание. Деревья — полегче альпинизма.

— Восхищен вами, профессор!

— Вы хороший парень, генерал. Мне жаль быть свидетелем вашего провала.

— Почему же непременно провала?

— У вас ничего не выйдет, потому что выйти не может никогда!

Из кабины пилотов вышел штурман и что-то доложил генералу. Тот встал:

— Сигнал, как условлено! — и начал надевать нечто похожее на рюкзак. Потом помог облечься и профессору.

Он смотрел на усмехающегося ученого и думал, что поставил сейчас на карту всю свою будущую жизнь.

— Разжалуют вас, батенька, непременно разжалуют. В подполковники, — словно отвечая на его мысли, ворчал Знатьев.

— Позвольте уточнить, профессор. Генерал-полковник Хренов в конце войны появился здесь в погонах подполковника.

— Разжаловали? Не может быть!

— Нет, не разжаловали. Прибыл, так сказать, «инкогнито». Чтобы высший командный состав не примелькался на Дальнем Востоке раньше времени. И надел он генеральскую форму снова только тогда, когда стали громить Квантунскую армию.

— Не знал, не знал, — бормотал профессор, расправляя богатырские плечи. — Умно сделано. Ну? Когда прыгать?

Десантники оказались на земле цепочкой, как и в очереди на самолете, только расстояние между бойцами было больше. Но они не бежали строиться, а сразу приступили к делу.

Профессор придирчиво наблюдал за людьми. Они подбегали к деревьям и надевали на них заранее приготовленные пояса со взрывчаткой, притом с расчетливым наклоном, чтобы при взрыве дерево валилось не куда придется, а строго по направлению намеченной просеки.

Знатьев шел хозяйским шагом лесника и зорко поглядывал, чтобы не пропустили какое дерево, словно это не он убеждал генерала в неизбежности провала. Он действительно был в этом уверен. Не бывало еще такого! Как это сказано в сонете? «Немыслима зимой гроза»? То есть «небывалое явление»? Впрочем науке известны зимние грозы, известны! Так что... Только непохоже, чтобы удалось здесь устроить такое небывалое явление, вроде «зимней грозы»! Непохоже!.. Не может этого получиться. С первого раза, по крайней мере!

Знатьев поймал себя на том, что допускает возможность удачи, но не с первого раза. И сам сразу утешил себя, что при таежном пожаре

времени для повторных попыток не будет! Так что в конечном счете он прав!

Десантники в беретах, в одних тельняшках мелькали между деревьями, соединяя саперным проводом опоясанные стволы. Таких отрядов, как у Спартака, высадились с парашютами великое множество, растянулись они на многие километры и опоясали взрывчаткой, наверное, немало десятков тысяч деревьев.

Потом разом, по радиокоманде, отошли в глубь леса к своим аккуратно сложенным курткам, оделись, одернулись, построились.

Старый лесник давно уже приметил здоровенный, в три обхвата, ствол, за которым можно надежно спрятаться. Именно к этому кедру и потянул профессора генерал Хренов.

Там, оказывается, уже наладили КП, вырыли углубление, где сидел связист с ракетой. Генерал пригласил Знатьева спуститься туда. Но профессор не хотел прятаться, он желал видеть все своими глазами.

И он увидел. Увидел, как беззвучно дрогнули шеренги опоясанных деревьев. Потом прокатился гром «зимней грозы» летом, как подумал профессор. Зеленые шеренги повалились все вместе, как картонные солдатики, когда на них сильно дунешь. Падали, смешиваясь кронами, сцепляясь ветвями. И когда вершины их коснулись земли, то разом вверх, как поднятые ноги танцовщиц, подскочили стволы, отрезанные от пней взрывчатыми поясами.

И сразу все смолкло.

Лес широкой полосой, словно скошенный единым взмахом исполинской косы, лежал поверженный, устлав собой широкую просеку.

Просека была. Профессор должен был это признать. Но для преграды огненному валу этого было мало! Уж это-то старый специалист по лесным пожарам отлично знал. Лежащие на земле деревья так же горят, как и стоящие на корню. По-настоящему, все их нужно бы теперь оттащить, а посередине просеки вырыть ров. Тогда это походило бы на дело. Но тракторов и землеройных машин нет!

Над вновь возникшей просекой на бредущем полете пошли самолеты. Знатьев, ожидая бомбежки, по старой ленинградской привычке времен блокады упал на землю. Потом встал, отряхиваясь и виновато оглядываясь.

С самолетов сыпались бомбы или мины, но не взрывались.

Никто не бежал в укрытие. Десантники подхватывали сброшенные снаряды и закапывали их под стволы поваленных деревьев.

— Иван Степанович! — обратился к ученому Хренов. — Теперь будет самое опасное — направленные взрывы. Прошу в укрытие. На строительных работах они, как вы знаете, творят чудеса. В мгновение ока насыпают плотины, поворачивают русла рек. А у нас перебросят повален-

ные стволы к краям просеки и заодно проложат противопожарные траншеи.

Про направленные взрывы профессор слышал немало, но, запустив руки в бороду, ворчал:

— Все равно тебя разжалуют, генерал, в майоры... или в лейтенанты...

— Может быть, в рядовые?

— Или разжалуют, или пожалуют, — продолжал профессор. — А деревья ты ловко уложил, как ветровалом. Только в районе знаменитого тунгусского взрыва видел такое в тридцатых годах, в экспедиции Кулика. Но там они все лежали веером.

— Взрыв там был ненаправленный, в воздухе, на высоте до десяти километров, — уточнил генерал.

— До сих пор докопаться не могут, что там взорвалось, — ворчал Знатьев.

Снова спрятались в неприглядном убежище под могучим кедром. Десантники отошли подалее в лес.

И грянул гром. Мины взрывались под лежащими стволами линиями, попарно: сначала с краев, потом ближе к середине и наконец зарытые по оси просеки.

Удары грома следовали один за другим, словно запоздавшие за все летние месяцы грозы разом в неимоверной спешке обрушились на тайгу.

— Зимой надо было, зимой! — крикнул в ухо генералу Знатьев.

— Почему зимой? — удивился генерал. — Пожар-то летний.

— Эх ты! А еще сонеты сочиняешь. А кто про «немислимые зимние грозы» писал?

— Ах так! — облегченно вздохнул генерал и стал выбираться из-под кедра, помогая профессору.

— Я сам, сам, — ворчал тот в бороду. — Посмотреть надобно!

Посмотреть было на что!

После того как рванули цепи направленных взрывов, сваленные деревья взлетели в воздух и вместе с тучами вырванной земли рухнули на тайгу. Земля стала дыбом. Воздух был черным, непрозрачным. Сама же просека, усыпанная черными комьями земли, походила на вспаханное узкое поле с змеистыми траншеями. Не осталось на черной полосе и жухлой от жары травы. Стены же стоящих на корню деревьев по обе стороны просеки были как бы подперты завалами из штабелей свежесрубленных стволов, не очищенных от ветвей.

— Ну, брат, — разглаживая усы, сказал Знатьев, обращаясь к Хренову. — Верно я сказал. Разжалуют тебя в лейтенанты.

— Как так? — удивился Хренов.

— Вот чудак! Все ему разжевать надобно. В генерал-лейтенанты разжалуют. Понял?

Десантники тем временем собрались вокруг Спартака и Остапа.

— В любом деле изюминка — перекур. Может, изменишь себе, закуришь?

— В лесу? Ты что? — с деланным ужасом, смеясь глазами, воскликнул Спартак. — Еще пожар наделаешь. Да и спичек нету.

— Ладно. Я подожду, — покорно согласился Остап. — Вот подойдет пожар к просеке, я у него огонька займу.

И вот... началось.

Десантники, генерал с профессором — все как замороженные смотрели на появившихся у кромки леса оленей. Пятнистые, они сливались с таежной зеленью, не решаясь перебраться через древесные завалы. Чуяли близость людей. А огонь сзади подпирал.

Разом, как по чьей-то команде, на просеку высыпало множество рыжих белок. Быстрыми огоньками переметнулись они через траншеи, взлетели на завал, где сидели десантники, и исчезли в плотной зелени.

Одна из белок отстала, ковыляя и таща обесиленный хвост, оставляя за собой на черной земле длинную бороздку.

— Подраненная, — заметил Спартак.

— Так я сейчас! Помогу ей, мигом! — крикнул Остап и кинулся на просеку.

Рыжий комочек метнулся от него. Но Остап ловко упал, вытянул руку и умудрился схватить белку. И тотчас вскочил, истошно крича:

— Укусила, безмозглая! Надо же так!

На просеку выскочили зайцы. Раздалось улюлюканье и крики:

— А ну, заяц, погоди!

— Остап! Лови!

Зайцы опешили от криков, заметались, словно путали следы на черной вспаханной земле, потом помчались все разом, как спущенная со свор стая собак, и исчезли в завалах.

И только после этого на просеку выскочили олени. Рогатые самцы, а за ними ланки с оленятами. Они бесстрашно, казалось, бежали на десантников. На самом же деле — обезумели от страха и удушливой гари, наполняющей воздух.

Немного в стороне через просеку ковылял Миша в опаленной местах шубе.

— Михайло Потапыч! Милости просим! — кричал Остап.

— Уймись ты, подранок! — цыкнул на него Спартак.

Но Остап заорал еще громче:

— Хлопцы, зырьте! Наш, в тельняшке!

— Иди, бери голыми руками, как бельчонка, — послышалось со стороны.

— Его нельзя. Он в Красную книгу записан. Никак уссурийский тигр? — отозвался за Остапа Спартак.

Никто не испугался могучего зверя. Легко перескочил он через завал, вильнув полосатым хвостом.

— Сдается мне, что есть еще один зверь, записанный в книгу, — заметил Спартак.

— В Красную?

— Нет, скорее, в Черную. Потому как о двух ногах. Только не знаю, где его найти, как следствию помочь.

— Сам найдется, — заверил Остап. — Подсуетится, подсуетится, да к нам и выйдет как миленький.

Но никто «о двух ногах» не вышел на Новую Просеку, не оставил следов на черной полосе.

Хромой был где-то далеко.

Едва Хренов обошел отряды десантников, как подоспел огонь.

С шипением, с дымовой завесой, как бы посланной с ветром вперед, шел огонь в атаку на дерзких людишек, стремясь издали задуть их гарью.

И затрещали в тайге залпы невидимых ружей, заухали взрывы лопающихся стволов, взвивались огненные фонтаны как от разорвавшихся снарядов. Стихия огня рванулась вперед и налетела... на пустоту. И замерла, кружась в ярости на месте. Хотела захватить завалы поверженных деревьев, но, присыпанные землей, они не желали загораться. Побежали было, как по бикфордовым шнурам, струйки дыма по оставшимся кое-где полоскам жухлой травы, но скоро сникли, зачадили. Не смогла пройти огненная злость через преграду Заботы.

В полном бешенстве бессилия ринулся пожар вместе с переменившимся ветром на восток, словно хотел отомстить обманувшему его Хромому. Но догнал ли?..

Тамара пришла ко мне на дачу, как обещала, со Спартаком и Остапом, получившими внеочередные отпуска.

Остап, знакомясь, уверял меня, что он специалист по всему внеочередному (может быть, он имел в виду наряды?) и необыкновенному.

— Вот Тамара-то у нас! Она необыкновенная! Вы зажмурьтесь и подумайте. «Идзе!» Так обыкновенная грузинская фамилия кончается. Но Тамара-то ведь Не-идзе! Клёво? Потому и пожар у нее на холсте как заправский. Обжечься можно.

— Мы сравним, — сказал я. — Этот камин у себя в комнате я сложил сам. Мы разожжем дрова. Сейчас поищу спички.

— Не надо, — остановил меня Спартак. — Там, на таежном пожарище, мы нашли обугленные человеческие кости и котомку с несгораемым контейнером.

— В нем что-нибудь было?

— Да. Томик Игоря Северянина. «Королева играла в башне замка Шопена...» Еще корни женьшеня. И вот это,— он протянул мне пластинку.— Кладите под дрова и ударьте ее поленом.

Я так и сделал. Пластинка съезжилась, как живая, и воспламенилась. Дрова разгорелись.

— Теперь рассказывайте,— приказала мне «княжна».

И я рассказал им все, что услышал от «говорящего холста».

— Услышали от холста? — спросила Тамара, когда я кончил.— Значит, и про Спартак с Остапом это он вам наговорил? Нет, я ведь сама что-то там вспоминала о них. Но вот про Хромого!..

— Откуда вы узнали, что он хромой? — спросил Спартак.

— А это не так? — осведомился я.

— Дело в том, что среди обугленных костей сохранился великолепный заграничный протез. Так что лады тут у вас. И про генерала нашего, и про профессора тоже похоже,— как бы вслух думал Спартак.— Ну, тридцать три богатыря — это для краски...

— А сам, то есть генерал Хренов, он не придет сюда? — забеспокоился Остап.

— Да ты что? Он же с дивизией остался. Ему внеочередной не положен!

— Нет, почему же,— возразил я.— Генерал-полковник Хренов вполне может прийти. Он ко мне заходит. Соседи. Рассказывал и о своем однопольном молодом.

— Вот потому все как по правде,— заключил Спартак.

— А вот и неправда! Поймал я его, поймал фантаста! — закричал Остап.— Как там у вас сказано? Припадал на левую ногу?

— Да, кажется, я сказал — на левую.

— А вот и неверно! Протез-то нашли с правой ноги! Эге! Не клёво это у вас! — и Остап поднял палец.

— Я не виноват,— усмехнулся я.— Это же холст! Когда речь шла о припадавшем на ногу Хромом, я мог находиться с противоположной стороны полотна. И все становилось зеркальным.

— А вы мне нравитесь,— сказала художница.— Я нарисую вам еще что-нибудь. И вы будете рассказывать. Мне.

Я был счастлив.

Остап улыбался. Спартак нахмурился.

ЖЮЛЬ ВЕРН: новое о старом

Евгений
БРАНДИС

«Научный роман»

На протяжении пятнадцати лет в парижских театральных кругах Жюль Верна знали как сочинителя куплетов и песенок, водевилей и либретто комических опер. Ничто, казалось, не могло предвещать резкого перелома в его деятельности. Только близким друзьям он повеял свои мысли о «повествовании совсем в новом роде», которое соединит литературу с наукой и создаст ему к тридцати пяти годам репутацию «серьезного писателя». Однако первые опыты в новой области творчества — рассказы с включениями в отдаленных частях света, на морях и в воздухе, по-

весть «Зимовка во льдах» — скорее говорили о широте интересов, необычных для заурядного драматурга, чем о смелых творческих дерзаниях. Но Жюль Верн не спешил. Он много и упорно работал, исподволь накапливал знания, пока не счел себя достаточно подготовленным, чтобы написать, по его собственному определению, «научный роман».

Ему было тридцать четыре года, когда он явился с рукописью к Пьеру Жюлю Этцелю, умному, образованному издателю, сумевшему оценить и понять его литературное новаторство. Уже через два-три месяца, в январе 1863 года, роман «Пять недель на воздушном шаре. Путешествие трех англичан по Африке» попал в руки к читателям. Успех превзошел все ожидания. Жюль Верн нашел свою «золотую жилу» и стал ее энергично разрабатывать. Ревностный старатель научной фантастики, еще не имевшей «свидетельства о рождении» и даже имени, он выпускал роман за романом: «Путешествие к центру Земли» (1864), «С Земли на Луну прямым путем за 97 часов» (1865), «Путешествие и приключения капитана Гаттераса» (1866). Последний из названных — двухтомный роман о воображаемом открытии Северного полюса — был премирован Французской академией как одно из лучших произведений для юношества.

К тому времени окончательно созрел замысел многотомной географической эпопеи «Необыкновенные путешествия. Знакомые и незнакомые миры», включающей в полном виде шестьдесят три романа и два сборника повестей и рассказов, приблизительно двадцать тысяч страниц — итог более четырех десятилетий неустанной работы.

Двучленное название серии было впервые обозначено на шмуц-тителе («Необыкновенные путешествия») и виньетке («Знакомые и незнакомые миры»), украшающей титульный лист «Приключений капитана Гаттераса» и с тех пор сопровождало прижизненные издания всех романов Жюль Верна. Впрочем, второе обозначение со временем вытеснилось первым. На

обложках книг и в памяти поколений остались «Необыкновенные путешествия».

Первое издание «Гаттераса» примечательно еще в том отношении, что предваряется предисловием издателя ко всей задуманной серии. Этцель считал первейшей задачей заменить в детской литературе «чудеса фей чудесами науки», поднять детскую книгу на уровень века, ознаменованного великими научными открытиями, гигантским индустриальным прогрессом. Жюль Верн не только разделял эти взгляды, но и воплотил их в художественном творчестве — в проектах, гипотезах и открытиях, в удивительных изобретениях и машинах, созданных его героями.

Предисловие издателя красноречиво свидетельствует о своевременном признании нового литературного жанра и новаторского подвига писателя, вошедшего в круг его постоянных сотрудников. Вводное слово Этцеля — самая ранняя попытка объяснить значение «научного романа» и раскрыть грандиозную тему серии, хотя лучшие книги Жюль Верна, в том числе знаменитая трилогия, тогда еще не были написаны.

«Предисловие издателя» — яркий документ времени — на русском языке не печаталось. Приведу его с некоторыми сокращениями.

«Превосходные книги Жюль Верна входят в то ограниченное число произведений, которые смело можно рекомендовать юным поколениям. Они лучше всех остальных современных сочинений отвечают требованиям своей эпохи, побуждающей общество познавать загадки мира, в котором мы живем. Немногие книги так заслуживают успеха, выпавшего на их долю с первых же дней появления.

Случается, что внимание публики привлекают на какое-то мгновение произведения скандальные и дешевые, но длительные привязанности читателей задерживаются только на книгах по-настоящему хороших и чистых. Двойная удача произведений Жюль Верна — в том, что их чтение обладает достоинством

вами одновременно питательных и экзотических кушаний.

Самые авторитетные критики признали Жюль Верна писателем исключительного дарования, которому с первых же шагов следует отвести особое место во французской литературе. Рассказчик неисчислимой фантазии и задора, писатель оригинальный и чистый, наделенный живым, изобретательным умом, обладающий даром распутывать самые неожиданные сюжетные ситуации, придающие особый интерес его смелым гипотезам, и вместе с тем — человек глубоко образованный, он создал новый литературный жанр, то, что так часто сулят, но так редко исполняют — познавательную литературу, которая развлекает, развлекающую литературу, которая учит. Все это Жюль Верн щедро дарит на каждой странице своих захватывающих историй.

Да, романы Жюль Верна достигли своей цели. Когда публика голпой валит на лекции, которые читаются по всей Франции, когда газеты рядом с театральными и художественными обзорами вынуждены публиковать отчеты Академии наук, мы можем смело утверждать, что искусство ради искусства в наше время уже устарело.

Заслуга Жюль Верна в том, что он первым, как настоящий мастер, ступил на эту нетронутую землю, дав повод одному ученому сказать о его книгах, которые мы издаем, без тени лести: «Эти романы читаются с увлечением, как лучшие романы Александра Дюма, но они учат, как книги Франсуа Араго».

Произведения Жюль Верна, уже вышедшие в нашем издательстве, и те, что увидят свет, в совокупности явятся исполнением замысла, подчиненного одному плану, под общим названием, предложенным автором: «Путешествия в знакомые и незнакомые миры». Его цель — резюмировать все географические, геологические, физические и астрономические знания, накопленные современной наукой, и в присущей ему живописной, занимательной форме создать универсальную картину мира».

Письмо в Россию

Между тем слава Жюль Верна далеко перешагнула границы Франции. Его романы переводились во многих странах, распространяя идеи прогресса, веру в науку и созидательные силы разума. Известно немало случаев, когда чтение «Необыкновенных путешествий» оказывало прямое воздействие на выбор призвания будущих путешественников, инженеров, изобретателей, исследователей разных специальностей. Жюль Верн получал письма от юных читателей со всех концов света и, по мере возможности, старался им ответить.

2 декабря 1967 года в газете «Вечерний Ленинград» появилась заметка Т. Лазаревой, сообщившей о приезде из Москвы доктора филологических наук, члена Союза писателей СССР Федора Александровича Петровского: ученый решил передать в Отдел рукописей и редких книг Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина автограф Жюль Верна, который почти 70 лет бережно хранился у него в архиве.

«Небольшая серого цвета почтовая открытка, написанная по-французски. Почтовый штемпель свидетельствует, что она отправлена 12 февраля 1898 года, из Амьена. Адресована господину Федору Петровскому: Воздвиженка, дом Шереметьева, 23, Москва.

А Федору Петровскому не исполнилось в то время и восьми лет. Почтовая открытка из Франции стала первой в жизни корреспонденцией, которую ему пришлось получать. Но этому первому посланию можно позавидовать. Прислал его Жюль Верн, автор всемирно известных романов, которые зачитывались и в семье Петровских. Любимой книгой были «Дети капитана Гранта».

В феврале 1898 года Жюлю Верну исполнилось семьдесят лет. С юбилеем замечательного писателя поздравлял весь мир. Было отправлено поздравление и с Воздвиженки. Подписали его дети Петровских: Миша, Наташа и Федя. И вот почтальон принес ту откры-

ку, о которой говорилось вначале. Жюль Верн, адресовавший ее самому младшему из почитателей, писал:

«Мой молодой друг, благодарю Вас за пожелания, с которыми так любезно обратились ко мне брат Миша и Ваша сестра Наташа. Я обнимаю вас всех троих от всего сердца.

Жюль Верн».

История потерянной рукописи

Получив мировое признание, Жюль Верн должен был давать интервью корреспондентам парижских и иностранных газет. Он рассказывал журналистам о встрече с Этцелем, определившей его писательскую судьбу, о работе над «Необыкновенными путешествиями», о своих литературных пристрастиях, терпеливо разъяснял, что в его сбывающихся предвидениях нет никаких «пророчеств», потому что он внимательно следит за развитием научной мысли и старается вникнуть в ее движение, соотнося в воображении настоящее с будущим.

Кроме этих признаний, записанных с его слов, до недавнего времени не было известно никаких автобиографических текстов Жюль Верна, если не считать переписки с издателем и частично опубликованных писем к родителям. И только несколько лет назад всплыла на поверхность неизвестная рукопись — «Воспоминания детства и юности».

В начале 1890-х годов, как видно из самого содержания, откликаясь на просьбу редактора американского детского журнала «Goalh's Companion» (в приблизительном переводе «Спортивная команда»), Жюль Верн написал заметки, которые не были напечатаны, по-видимому, по той причине, что журнал под этим названием так и не осуществился.

А дальше случилось следующее. На аукционе антикварных изданий и манускриптов, проходив-

шем в Лондоне в 1931 году, продавалась неизвестная рукопись Жюль Верна, состоящая из восьми страниц, пронумерованных самим автором. Приобрела ее одна из швейцарских библиотек на средства Фонда Мартина Бодмера. Это и были «Воспоминания детства и юности». Рукопись долго лежала без движения, пока не была опубликована в парижском сборнике «Nephe», увидевшем свет в 1974 году.

Автобиографические заметки писателя прекрасно воссоздают атмосферу его родного города Нанта в идиллические детские годы, когда он мечтал о морской карьере и связывал с морем все свои помыслы. Запечатленный в воспоминаниях неповторимый колорит эпохи, формировавшей сознание будущего романиста, во многом объясняет и его увлечение историей географических открытий, наукой и техникой.

Соединенные Штаты, став на путь капиталистического развития, быстрее, чем европейские страны, претворяли в жизнь достижения инженерной мысли, проекты и патенты изобретателей. В то же время противоречия промышленного прогресса, беззащитная погоня за прибылью, милитаристские устремления проявлялись за океаном с неприкрытым цинизмом. И то и другое отразилось в поздних романах Жюль Верна, рисующих в неприглядном свете американских дельцов, которые превратили науку в служанку доллара («Вверх дном», «Плавучий остров», «Флаг родины»).

Следует еще заметить, что биографы Жюль Верна, не подозревая о существовании автобиографических заметок, в основном правильно уловили его детские впечатления — и облик старого Нанта, породившего его привязанность к морю и в дальнейшем — к морской теме, едва ли не доминирующей в «Необыкновенных путешествиях». Не сомневаюсь, что любителям романов Жюль Верна будет интересно познакомиться с его мемуарным очерком.

Воспоминания детства и юности

Жюль
ВЕРН

Рисунки
А. Банных

1.

Воспоминания детства и юности?.. Конечно, за ними уместно обращаться именно к людям моего возраста. Эти воспоминания куда живее, нежели события, свидетелями или участниками которых мы были уже в зрелые годы. И вот, когда мы достигаем середины жизни, мысль охотно переносит нас к ранним годам. Воскрешаемые ею образы нисколько не тускнеют и не теряют первоначальной свежести; скорее наоборот, они становятся со временем еще ярче. Действительно, как тонко заметил один французский писатель: «Памяти свойственна дальнзоркость». С годами ее выдвигают, как складную подзорную трубу, чтобы разглядеть самые далекие очертания прошлого.

А интересны ли другим такого рода воспоми-

нания?.. Не знаю. Но возможно, юным читателям бостонского журнала «*Goalth's Companion*» будет любопытно узнать, как я вступил на писательское поприще и почему не покидаю его, хотя мне перевалило за шестьдесят. И вот, по просьбе редактора этого журнала, я выдвигаю подзорную трубу своей памяти и смотрю в прошлое...

2.

Ну, прежде всего, всегда ли я питал пристрастие к историям, где можно дать волю воображению? Пожалуй, да. В нашей семье литература и искусство были в чести. Отсюда я заключаю, что это пристрастие мне передалось по наследству. Кроме того, немаловажно, что я родился и вырос в Нанте. Сын полупарижанина и коренной бре-

тонки¹, я жил среди портовой суеты большого торгового города, откуда начинались и где завершались дальние морские плавания. Я вновь вижу Луару и множество ее рукавов, соединенных мостами, которые протянулись на целое лье (около четырех километров.— *Ред.*), ее набережные, где в тени раскидистых вязов свалены различные грузы. Но здесь еще нет ни железнодорожных путей, ни трамвайных линий. У причалов в два или три ряда выстроились корабли. Другие плывут вверх или вниз по реке. Тогда еще не существовало пароходов или их было совсем немного, но зато сколько парусников, которые так удачно переняли или усовершенствовали американцы в своих клиперах и трехмачтовых шхунах! В то время у нас были только тяжелые парусные торговые суда. Сколько воспоминаний у меня с ними связано! Мысленно я карабкался по их вантам, влезал на марсы, цеплялся за топы. Как мне хотелось взбежать по шатким сходням, перекинутым на берег, и очутиться на палубе! Но из детской робости я не решался. Да, я был довольно робок, несмотря на то, что уже видел, хотя было мне тогда два года, как свершается революция, свергается политический строй, приходит новая монархия; я до сих пор слышу ружейные залпы 1830 года на улицах города, где, как и в Париже, народ сражался с королевскими войсками².

Однажды я все же осмелился взобраться на релинги какого-то трехмачтового судна, пока матрос стоял на вахте в соседней пивной. Вот я на палубе... Я схватил канат и протаскиваю его по шкиву. Как здорово! Люк трюма открыт, и я наклоняюсь над его бездной. В нос ударяют острые залахи — едкие испарения смолы перемешиваются с ароматами колониальных товаров; я выпрямляюсь и возвращаюсь на полуют. Он весь пропитан морем — он пахнет Атлантикой. Вот кают-компания со столом, приспособленным для качки, увы, он неподвижен в спокойных водах порта. А вот каюты со скрипящими переборками, где я хотел бы жить месяцами, узкие жесткие койки, где мне хотелось бы спать ночи напролет. Дальше каюта капитана, этого «хозяина после бога», который, по-моему, главнее любого королевского министра или главнокомандующего армией. Я выхожу, поднимаюсь на полуют и там осмеливаюсь на четверть оборота повернуть штурвал. Мне кажется, что корабль сейчас отчалит,

что раздастся команда «Отдать швартовы!», на мачтах развернутся паруса, и я, восьмилетний рулевой, поведу корабль в открытое море.

Море! Ни мой брат, который через несколько лет стал моряком, ни я сам, мы его еще не видели. Летом вся наша семья выезжала в деревню, расположенную среди виноградников, лугов и болот, неподалеку от берегов Луары. Мы останавливались у старого дяди, бывшего судовладельца. Он бывал в Каракасе, в Пуэрто-Кабельо. Мы называли его дядя Прудан³, и именно в память о нем я назвал этим именем одного из героев романа «Робур-Завоеватель». Но Каракас находится в Америке, и Америкой я уже грезил. И вот, не имея возможности бороздить моря, мы с братом «плавали» по суше — через луга и леса. За неимением мачт, на которые можно было бы карабкаться, мы проводили целые дни на верхушках деревьев. Соревновались — кто выше влезет. Болтали, читали, строили планы путешествий, а колышущиеся на ветру кроны деревьев создавали иллюзию морской качки. Какое это было замечательное время!

3.

Тогда еще мало путешествовали. Это было время масляных ламп, панталонов со штрипками, национальной гвардии, огнива. Да, уже на моей памяти появились фосфорные спички, пристежные воротнички и манжеты, почтовая бумага и марки, брюки без штрипок, пальто, шапокляк (складной цилиндр.— *Ред.*), штиблеты, метрическая система⁴, пароходы на Луаре (которые назывались «невзрывающимися», потому что они взлетали на воздух реже, чем другие пароходы), омнибусы, железная дорога, трамвай, газ, электричество, телеграф, телефон, фонограф. Я принадлежу к поколению, которому суждено было жить между двумя гениями — Стефенсоном и Эдисоном. А сейчас я слежу за удивительными новшествами, где первенствует Америка с ее плавучими отелями, автоматами, торгующими сэндвичами, движущимися тротуарами, газетами из «слоеного» теста, напечатанными красками из шоколада — прочитай, их съедают...

Мне еще не было десяти, когда отец купил небольшой дом на окраине города в Шантене — какое красивое название! Он стоял на холме на правом берегу Луары. Из окна моей комнатки открывалось пространство на 2—3 лье вдаль, где среди лугов терялась река; зимой во время паводков луга заливало водой, летом же воды в реке было маловато, и из ее русла проступали полосы золотого песка — целый архипелаг зыбких островков. Корабли с трудом проходили здесь, хотя повсюду торчали черные бакены, которые я вижу до сих пор. Да, Луару, одну из славных рек

¹ Отец писателя Пьер Верн родился в Провансе, получил в Париже юридическое образование и там начинал адвокатскую практику. Позднее он переехал в Нант и женился на Софи Аллот де ля Фюи из старинной бретонской семьи кораблестроителей и моряков.

² Революция 1830 года свергла во Франции династию Бурбонов, после чего последовал период так называемой Июльской монархии, представлявшей интересы финансовой аристократии. Король Луи-Филипп Орлеанский в свою очередь был свергнут во время революции 1848 года.

³ Дядя Жюль Верна, Прудан Аллот де ля Фюи, по семейным преданиям, был отважным моряком. Здесь игра слов: Прудан по-французски «благоразумный».

⁴ Метрическая система мер официально была введена во Франции в конце XVIII века, но укоренилась значительно позже.

Франции, нельзя сравнить ни с Гудзоном, ни с Миссисипи, ни с рекой Святого Лаврентия, она, наверное, считалась бы в Америке жалкой речушкой. Но Америка — не просто государство, это ведь целый континент!

И все-таки, при виде всех этих кораблей, мне неудержимо хотелось стать моряком. Я уже знал морские термины, разбирался в судовождении, ведь я прочел столько романов Фенимора Купера, которые с восхищением перечитываю и сейчас. Прильнув глазом к окуляру маленького телескопа, я наблюдал, как корабли готовятся к своим маневрам, поднимают паруса на фок-мачте, вытягивают бизань-шкоты, совершают полный разворот на 180°. Но мы с братом ни разу не ходили в плаванье, даже по реке. Наконец, это произошло.

4.

На краю порта можно было взять напрокат лодку — один франк за целый день. Для нас это было дороговато и довольно рискованно: прохуdivшиеся лодки пропускали воду из всех щелей. Первая, на которой мы плавали, была одномачтовой, у второй было уже две мачты, у третьей — три, совсем как на быстроходных рыбацких лодках и каботажных люгерах. Пользуясь отливом, мы спускались вниз по течению, лавируя против западного ветра.

Какая это была школа!

Удары невпопад веслами, неудавшиеся маневры, не вовремя поданные команды, когда зыбь волновала гладь Луары перед нашим Шантене. Обычно мы отправлялись в путь при отливе и возвращались с приливом, несколько часов спустя. И пока наша наемная лодка тяжело двигалась вдоль берега, с какой завистью смотрели мы на красивые прогулочные яхты, которые изящно скользили по реке.

Однажды я был один в плохоньком ялике без кили. В нескольких лье вниз по течению от Шантене внезапно отходит обшивка, и ялик дает течь. Я в отчаянии. Пробоину заткнуть невозможно. Ялик наполняется водой, и я успеваю лишь доплыть до островка, густо заросшего тростником, султаны которого клонятся от ветра.

Из всех детских книг больше всего я любил «Швейцарского Робинзона», даже больше, чем «Робинзона Крузо». Я понимаю, что произведение Дефо значительнее по своей философской ценности. Речь идет о человеке, оказавшемся в

полном одиночестве, который в один прекрасный день обнаруживает след босой ноги на песке. Но книга Висса¹, богатая событиями и приключениями, более интересна для юных умов. Это семья: отец, мать, дети с их различным отношением к происходящему. Сколько лет мысленно я провел на их острове! С каким пылом совершал я вместе с ними открытия! Как завидовал я их судьбе! Неудивительно, что я не смог преодолеть желания вывести в «Таинственном острове» Робинзонов Науки, а в романе «Два года каникул» — целый пансионат Робинзонов.

Ну, а пока что на моем острове меня ждали не герои Висса, а скорее герой Дефо, воплотившийся во мне самом. Я уже представлял себе, как построю хижину из листьев, как из тростника смастерю удочку, а из шинов — рыболовные крючки, как буду, уподобившись дикарям, добывать огонь с помощью двух сухих кусочков дерева. Сигналы? Но мне незачем их подавать, так как их могут сразу заметить, и меня спасут раньше, чем мне бы того захотелось... Но прежде всего нужно было утолить голод. Как? Весь мой провиант пропал во время кораблекрушения. Охотиться на птиц? Но без собаки это невозможно, ружья у меня тоже не было. Может быть, ракушки? Но где их взять? Теперь-то я испытал все муки одиночества, весь ужас лишений на пустынном острове, как Селкирк² и герои «Знаменитых кораблекрушений», которые вовсе не были вымышленными Робинзонами. Мой желудок зывал! Это продолжалось всего несколько часов. Как только наступил отлив, воды стало по щико-

¹ Иоганн Давид Висс (1743—1818) — швейцарский писатель, получивший известность главным образом благодаря роману «Швейцарский Робинзон». В старости Жюль Верн написал продолжение книги Висса — роман «Вторая родина» (1900).

² Александр Селкирк (1676—1721) — шотландский матрос, высаженный за неповиновение капитану по личному желанию на необитаемый остров Хуан Фернандес, где провел несколько лет. В отличие от героя романа Дефо, для которого он якобы послужил прототипом, Селкирк в одиночестве одичал и даже разучился говорить.

Наконец, я увидел море или, по крайней мере, широкую бухту, выходящую в океан между двумя берегами реки.

С тех пор я плавал по Бискайскому заливу, по Балтийскому, Северному и Средиземному морям. Сначала на простом баркасе, потом на шлюпе, а затем мне довелось совершать долгие приятные путешествия на паровой яхте. Я даже пересек Атлантический океан на пароходе «Great Eastern» и ступил на американский берег. Мне стыдно признаться американцам, но я провел в Америке только неделю. Что поделаешь? Мой обратный билет был действителен только на этот срок...

И все-таки я видел Нью-Йорк, жил в отеле на Пятой авеню, пересекал Ист-ривер до того, как был построен Бруклинский мост, поднимался по Гудзону до Олбани, посетил Буффало и озеро Эри, созерцал Ниагарский водопад с высоты смотровой башни Терапайн и повисшую над его брызгами огромную радугу. И, наконец, по ту сторону подвесного моста я посидел на канадском берегу, а затем вернулся назад, в Америку¹. Я искренне сожалею, что вновь не увижу эту страну, которую так полюбил и которую любой француз может полюбить, как сестру Франции. Но это уже воспоминания зрелых лет, а вовсе не детства и юности. Мои юные читатели теперь знают, почему, из каких побуждений я написал целую серию географических романов. В Париже я жил среди музыкантов, и у меня осталось там много добрых друзей, но их почти нет среди моих собратьев по перу, с которыми я едва знаком. Я совершил несколько путешествий на запад, север и юг Европы, конечно, не столь экзотических, как путешествия, описанные в моих книгах, и удалился в провинцию, чтобы завершить свой труд.

Моя задача — изобразить в жанре романа весь мир в целом, всю землю, придумав особые приключения для каждой страны, создав особых героев для той среды, где они действуют.

Да! Но мир велик, а жизнь коротка!

И чтобы описать все это, нужно прожить сто лет... Придется стать долгожителем, как мсье Шеврёль². Хотя, откровенно говоря, это не так-то просто!

Переводы с французского
М. Таймановой

лотку, и я смог добраться до континента, так я называл правый берег Луары. Я спокойно вернулся домой, и мне пришлось довольствоваться банальным домашним обедом, вместо трапезы Крузо, о которой я мечтал — сырые ракушки, кусок пекари и лепешка из муки маниока.

Таким было это столь захватывающее плавание против ветра, по реке, на терпящем бедствие корабле — все, о чем может мечтать мореплаватель моего возраста.

Меня неоднократно упрекали в том, что мои книги побуждают мальчишек убежать из дома в поисках приключений. Я уверен, что это не так. Но если дети все же когда-нибудь и надумают странствовать по свету, пусть они берут пример с героев «Необыкновенных путешествий», тогда они наверняка благополучно вернуться назад!

5.

В двенадцать лет я еще не видел моря, настоящего моря. Я лишь в мечтах то и дело пускался в плавание на рыбачьих лодках, баркасах, бригах, трехмачтовых шхунах и даже на пароходах (их называли тогда пироскафами), которые спускались к устью Луары.

Наконец, однажды нам с братом было позволено подняться на борт пироскафа № 2. Какое счастье! Есть от чего потерять голову! И вот мы в пути. Минуем Индре — крупное государственное предприятие, окутанное черным дымом. Позади справа и слева остаются причалы Куэсрон, Пеллерен, Памбеф. Пироскаф пересекает по диагонали широкое устье реки. Вот Сен-Назер, небольшой мол, старая церковь с покосившейся колокольней, крытой шифером, несколько домов, вернее, лачуг, из которых когда-то состояла эта деревенька, так быстро превратившаяся в город.

В несколько прыжков мы сбегали с парохода, скатились по камням, заросшим водорослями, быстро зачерпнули морскую воду и поднесли к губам.

— Она вовсе не соленая! — воскликнул я, поплевав.

— Совсем пресная! — подтвердил брат.

— Нас обманули! — ответил я.

И в моем голосе чувствовалось глубокое разочарование.

Какими же мы были неучами! В тот момент был отлив, и мы просто-напросто попробовали воду Луары, зачерпнув ее в углублении у камней. А когда наступил прилив, мы обнаружили, что вода даже солонее, чем мы себе представляли.

¹ Путешествие в Америку на гигантском пароходе «Грейт Истерн» подробно описано Жюлем Верном в романе «Плавающий город» (1871).

² Мишель Эжен Шеврёль (1786—1889) — известный французский химик.

РУКОПИСНЫЕ КНИЖИ

**Юрий
КЛЮШНИКОВ**

В шестом выпуске «Альманаха библиофила», в статье об уникальных рукописных изданиях рассказывалось о книгах В. А. Андроникова.

Василий Александрович Андроников родился в 1818 году в Туринске в семье надворного советника, пристава Туринского земского суда. С детства увлекался поэзией А. С. Пушкина, А. В. Кольцова, В. А. Жуковского, Н. Ф. Глинки. В родительском доме познакомился с декабристом Иваном Ивановичем Пущиным — большим другом А. С. Пушкина. Василий Андроников встречался также и был в дружеских отношениях с декабристами Анненковым, Басаргиным, а особенно с Василием Петровичем Ивашевым.

Через мать Василия, Ольгу Васильевну, Пущин, Фонвизин, Штейнгель вели из Туринска переписку с друзьями, живущими в Тобольске. Свою союзницу декабристы скрывали в письмах под инициалами «О. В.».

Василий Андроников с золотой медалью окончил Тобольскую гимназию, а затем — Казанский университет. С ноября 1861 года он — исполняющий должность товарища председателя Тобольского губернского суда. Здесь Андроников сблизился с поэтом Петром Павловичем Ершовым, автором «Конька-Горбунка», был восприемником сыновей поэта — Николая и Александра. Да они были и родственниками: жена поэта Олимпиада Васильевна Кузьмина была двоюродной сестрой Андроникова.

Родная сестра Андроникова Юлия вышла замуж за сослуживца Ершова, учителя русского языка и географии Г. П. Казанского,

человека передовых взглядов. В доме Казанских-Андрониковых бывали Ершов, семья великого русского ученого Менделеева.

В начале шестидесятых годов в Тобольск прибыл сосланный поэт М. Л. Михайлов, и В. А. Андроников становится активным участником нашумевшей «михайловской истории», о чем в 1863 году поведала газета Герцена «Колокол» в статье «Тобольское дело» (М. Л. Михайлов, тобольское общество и донощики). Из этой статьи мы узнаем, что Андроников «брал в дом» Михайлова, угощал обедом, посещал Михайлова в тобольской тюрьме, отнесся к нему не как чиновник, но человек, принявший близко к сердцу судьбу поэта — страдальца за народное дело.

...Два рукописных томика небольшого формата переплетены в желтый плотный картон с темно-коричневыми кожаными уголками и корешками.

Подлинный ценитель русской поэзии, Андроников переписал в свои рукописные тома пушкинские стихи «Узник», «Предчувствие» («Снова тучи надо мною»), «Туча», «День каждый, каждую годину», «Телега жизни», стихи Жуковского «Любовь, надежда и терпенье», «Воспоминание», «Русскую песню» Кольцова, знаменитую бенедиктовскую «Тучу» и не менее известный «Утес». Прозаический перевод сонета Шекспира и перевод байроновского стихотворения «Душа моя мрачна» соседствуют с популярными мятлевскими «Фонариками» и стихотворением Ершова «Три взгляда», посвященным двоюродной сестре Андроникова О. В. Кузьминой, на которой поэт женился после смерти первой жены. Тут же стихи самого Андро-

никова, его сестры Юлии, тобольского врача Н. Н. де Карлино.

Любопытно стихотворение «Смерть на чужбине» с подписью «Петр Павлович Ершов». Стихотворение искажено при переписке, написано неизвестным почерком, подпись сделана позже, другой рукой. Поэтому трудно пока сказать, действительно ли это стихи Ершова, не известные исследователям.

В 1882 году В. А. Андроников умер. Рукописные книги его — вещь нам о человеке, который содействовал декабристам, не оставил без

поддержки кандальника-поэта. Рукописные книги долгое время находились у внучки Андроникова Нины Павловны Никольской, которая и передала их Тобольскому музею.

В работе над этой заметкой автору помог материал, собранный тобольским краеведом Виктором Григорьевичем Утковым.

Хрестоматия почерков

**Павел
КОВЕРДА**

На заветной полочке моей библиотеки, там, где хранятся книги почтенного возраста, стоит «Русская литографированная хрестоматия для упражнений в чтении рукописей различных почерков». Книжечка эта была напечатана в одном частном московском издательстве. В ней приведены образцы многочисленных почерков. Учебник был рекомендован для народных, городских и уездных училищ. Составитель хрестоматии Ф. Подоба в предисловии к первому изданию писал:

«Для экзамена на получение льготного по воинской повинности свидетельства, а также для кончающих с тем же правом народные училища требуется, помимо других знаний, умение читать разборчиво написанную рукопись. Часто присутствуя на таких испытаниях, я убедился, что редкий учебник может удовлетворить последнему требованию: следовательно, необходимо упражнять учеников в школе и в чтении рукописей, для чего у нас не имеет-

ся никакого подходящего руководства. Сделанный мною опыт к составлению предлагаемой хрестоматии... полагаю, пополнит пробел в учебных книгах».

Своеобразный учебник за сравнительно короткое время претерпел несколько изданий. Им заинтересовались и зарубежные читатели. Мой экземпляр — из десятого издания (1900 год).

В хрестоматии помещены отрывки из истории русского государства, рассказы, сказки, стихи, бытовые картинки. Все это напечатано разными почерками.

Составитель хрестоматии придерживался определенных правил практической педагогики. Он счел полезным поместить десять правил для жизни. Правила эти не имеют прямого отношения к книге — научиться разбираться в почерках, — но они весьма любопытны. И хочется привести их полностью. Вот они:

«Десять правил для жизни:

1. Никогда не откладывай на

завтра того, что ты можешь сделать сегодня.

2. Никогда не утруждай других тем, что ты сам можешь сделать.

3. Никогда не расточай денег своих прежде, нежели получишь их.

4. Никогда не покупай бесполезных вещей потому только, что они дешевы.

5. Гордость дороже нам обходится, нежели голод, жажда и холод.

6. Никогда не случится человеку раскаяться в том, что мало ел.

7. Никогда не бывает трудно то, что делается охотно.

8. Как часто испытываем мы только в воображении то страдание, которое и в действительности никогда не наступает для нас.

9. Смотри на все с хорошей стороны.

10. Если случится тебе рассердиться на что-нибудь, то, прежде чем начнешь говорить, просчитай до десяти, если же случится очень рассердиться, то считай до ста».

Следует добавить, что эти правила напечатаны тоже своеобразным почерком. Двойная цель: и упражнение в разгадывании почерка и что-то, как говорится, для «наматывания на ус».

Свидетели веков

**Сергей
БЕЛКОВСКИЙ**

В секторе редких книг Челябинской областной публичной библиотеки насчитывается свыше восьми тысяч томов. Среди них есть прижизненные издания Достоевского, Гюго,

Бальзака, Байрона, собрание сочинений Пушкина, датированное годом его смерти...

«Иллюстрированный альманах» И. Панаева и Н. Некрасова, изданный в 1848 году, царская цензура запретила из-за карикатур, помещенных в нем. Весь тираж альманаха был свален на чердаке у Некрасова. Когда, спустя несколько лет, вспомнили про него, то оказалось, что часть украдена слугой, который потихоньку продавал книги букинистам...

Многие книги могли вообще затеряться и для нас, и для потомков. Их находили случайно: при ремонте дома, на чердаках старых строений... В бабушкином сундуке внук обнаружил нравоучительную книгу в кожаном переплете с застежками. Титульный лист у нее был оторван. В Государственной библиотеке имени В. И. Ленина в Москве нашлась точно такая же книга — страница в страницу. По ней узнали год рождения — 1612-й. Это самая старая книга в челябинской коллекции.

Библиотека имеет очень редкое издание «Крейцеровой сонаты» Л. Н. Толстого. Предположительно, год издания этой книги — 1890-й. Пока известно, что только четыре библиотеки в стране располагают такой книгой.

Не каждая крупная библиотека может похвастать первым изданием «Войны и мира». Челябинский экземпляр романа можно считать уникальным: на нескольких томах его, изданных в 1868 году, имеется автограф владельца книги В. Жемчужникова.

Или вот томик афоризмов Козьмы Пруткина, изданный форматом со спичечный коробок. Восемь с половиной килограммов весит «Фауст» Гете — книга-великан...

Месть сатирика

**Виталий
ПАШИН**

При подготовке комментариев к новому академическому изданию собрания сочинений Михаила Васильевича Ломоносова редакторам потребовалось выяснить некоторые детали из биографии П. Свинына, человека, передавшего в 30-х годах прошлого века в академический архив многие рукописи великого ученого. За справкой обратились к краеведу из Галича Леониду Ивановичу Белову.

Настороженность редакторов солидного издания к личности Свинына вполне закономерна. Дело в том, что этот человек при жизни стяжал себе незавидную славу дилетанта, графомана и хвастуна. Пушкин в одной из эпиграмм назвал его «российским жуком». А Гоголь «вставил в комедию» в образе Хлестакова. Это была своеобразная месть писателя-сатирика Свиныну, издателю «Отечественных записок», который в свое время имел неосторожность так лихо отредактировать первые произведения Гоголя, что навсегда отбил у автора охоту печататься в этом журнале.

Однажды во время посещения Бессарабии Свинын был принят за высокого правительственного чиновника. И хотя он не воспользовался всеми «благами», которые сулило его честолюбивой натуре это недоумение, роль важной персоны мелкопоместный галичский дворянин сыграл с явным удовольствием. Об этом узнало светское общество Петербурга и вдоволь поострило по адресу Свинына. О «бессарабской мистификации» Пушкин рассказал Гоголю, присовокупив «аналогичный случай» из своей биографии, когда его самого приняли в провинции за ревизора. Сатирик немедленно воспользовался почти готовым сюжетом для комедии и не упустил случая отомстить Свиныну за давнишнюю обиду.

Слов нет, слабостей у Свинына было предостаточно. И тем не менее современники были во многом несправедливы к этому человеку. Материалы, собранные Леонидом Ивановичем Беловым, позволяют нам без предвзятости судить о вкладе Свинына в историю русской культуры. Разбросанность интересов, увлекающаяся, излишне доверчивая натура не позволили ему достичь совершенства в какой-то определенной области деятельности. А ведь у него были способности стать незаурядным художником, этнографом, историком. Побывав в 1811 году в качестве секретаря русского консула в Филадельфии, он создал превосходную для своего времени книгу «Опыт живописного путешествия по Северной Америке», проиллюстрировав ее своими акварелями. С особой симпатией в ней рассказывается об индейцах. И не случайно одно из прогрессивных издательства США в 30-х годах нашего столетия выпустило книгу Свинына на английском языке.

Свинын был страстным поборником всего русского в искусстве, науке, культуре. Он бескорыстно помогал различным умельцам-самоучкам, много писал о них, особенно о Кулибине. Его перу принадлежат увлекательные заметки о русской провинции. Он инициатор идеи создания национальной художественной галереи, впоследствии воплощенной в жизнь братьями Третьяковыми. Но особенно удачливой была деятельность Свинына в качестве собирателя рукописей, древних документов, различных антикварных вещей. Именно ему обязаны мы сохранением бесценных оригиналов целого ряда произведений Ломоносова.

НЕТ

● На третий день после начала войны был сформирован головной ремонтно-восстановительный поезд № 21. Начал поезд боевой путь, вопреки предназначению, с разрушения вражеских мостов. После войны специализированный поезд вернулся к мирному труду. Сейчас он базируется на БАМе. Сорокалетие поезда-ветерана отметили следопыты школы № 1 в Шимановске, собрав материалы для музея о его боевом пути.

● Рисунки, модели, фотографии, собранные учащимися ленинградской школы № 66, воссоздают историю знаменитого Комендантского аэродрома. В школе создан музей истории авиации, где представлены модели всевозможных воздушных кораблей — от фанерных самолетов до современных лайнеров.

● Лекционный зал-музей открыт в Ботном домике Петропавловской крепости. Двести двадцать лет назад этот павильон был построен для «дедушки» русского флота — ботика Петра I.

В зале-музее будут читаться лекции, проводиться встречи и занятия краеведов.

● Подвигу партизан Прибужья посвящена книга горного мастера шахты № 5 «Великомостовская» объединения «Укрзапуголь» А. Моцного. Материалы для документальной повести «Из пепла восставшие» автор собирал в течение ряда лет, будучи руководителем отряда следопытов в шахтерском городке Сосновка.

● Художники, поэты и прозаики Белоруссии стали шефами музея литературы и искусства, открытого в Гудевичской средней школе Гродненской области. График А. Кашкурович дополнил недавно экспозицию серией офортов на темы произведений Янки Купалы.

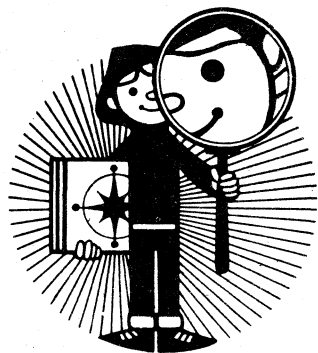
● Музей боевой славы бывшей Полярной стрелковой дивизии создан в московском профессионально-техническом строительном училище № 4. В училище действуют две группы поиска. Ветераны-полярники — шефы будущих строителей, учащихся ПТУ.

● Преданья старины глубокой

Пятисотлетняя история села Рашково в Приднестровье хранит немало древних былей. В этих местах в XVI веке совершал набеги на имения панов казачий предводитель Северин Наливайко, поднявший открытое восстание против шляхты и ксендзов. Жестоко расправились с запорожским казаком польские магнаты — скатилась буйная голыушка под топором палача... Здесь проходила в Прутский поход армия Петра I, и шел с нею молдавский господарь Дмитрий Кантемир. Отец его когда-то спас гарем Магомета IV во время битвы с поляками, а сын пошел против турок, заключив союз с Петром I, и впоследствии пожалован был княжеским достоинством Российской империи и титулом светлости...

Как свидетель древней истории села стоит в Рашково средневековый костел. Его реставрируют, и после окончания работ откроется в костеле сельский музей.

Местные следопыты добавят к свидетельствам давней истории материалы о революционных и боевых страницах жизни села.

МИР

на ладоны

СЛЕДОПЫТА БЕЗ ОТКРЫТИЯ...

● «Максим» - ветеран

Днем и ночью горит в Новороссийске вечный огонь над могилой моряков-десантников. Отдельный 393-й батальон Цезаря Львовича Куникова первым высадился в 1943 году на Малую землю. О Герое Советского Союза Цезаре Куникове поются песни, слагаются легенды...

Следопыты из ростовской школы-интерната № 10 дознались, что в батальоне Куникова был старый пулемет, который комбат, покидая с боями Ростов, вынес из музея. С этим пулеметом «максимом» отряды Красной гвардии шли на штурм Зимнего дворца; его возили с собой на тачанках конники Буденного.

В отряде комбат отдал «максим» комсомольцу Павлу Потере. Немало патронных лент выстрочил по врагу старый пулемет.

В бою за Новороссийск пулеметчик Потера был ранен. Ранен был и «максим» — повредила его вражеская бомба.

Уже после войны, закладывая виноградники, обнаружили жители Мысхако изувеченный поржавевший пулемет. По номеру опознан был ветеран «максим», в военные годы взятый Куниковым из ростовского музея. А потом следопыты из 10-й школы-интерната города Ростова узнали, что и пулеметчик жив. Ребята пригласили его в школу, и в его честь один из отрядов пионерской дружины стал носить имя пулеметчика Павла Потери.

● «Мы вели машины, объезжая мины...»

Во всю мочь напрягали свои «лошадиные силы» военные «зисы», «газики», «эмки»... Бывало, дорога вставала дыбом, но не отсиживались шоферы в кюветах.

...Не думал Александр Сидорович Королев, что станет следопытом, возглавит совет ветеранов 18-й Барановичской Краснознаменной ордена Кутузова автомобильной бригады. Уж сколько лет прошло после войны, а все не забывались фронтные дороги, не забывалась профессия шофера. Скупал и коллекционировал он маршрутные схемы, путеводители тех городов, где проходили военные шоферские дороги.

Сначала А. С. Королев дал объявление в газетном разделе «Отзовитесь!». Потом разослал три с половиной тысячи писем — в областные и местные газеты всего Советского Союза. В первую же неделю ему ответили двести человек...

Сейчас совет ветеранов в Ульяновске, где живет следопыт-фронтовик, объединяет 705 однополчан. Всех их А. С. Королев собрал на встречу. Многие вспомнили ветераны. В бою за город Барановичи, например, получили шоферы приказ немедленно перебросить пять тысяч тонн снарядов. На трехтонках-то!.. А склады, бывало, на фронте располагались и за триста километров. И все-таки выполнили шоферы приказ.

Особое чувство вызвала у ветеранов старенькая машина ЗИС-5, которая было доставлена на слет. Та самая, которой, конечно же, была опасна любая бомбежка, но которая бесстрашно прошла сквозь всю войну.

● Узнали по почерку...

«Из батальона осталось три человека. Нет, уже два. Сашок ранен. Сам я из деревни Закрутки. Мы держим оборону за рекой Березина. Реку перешли, а тут фашисты. Помер мой друг Александр Бручкин. Я остался один. Осталось шесть гранат. Но танки все лезут. Перебило ногу... Скоро не будет меня. Товарищи, отомстите за нас. Мы не отступили. Сражались до последней капли крови».

...Все избы в Закрутках, одной из деревень Мядельского района Минской области, отмечены красными звездами. Собрались седые ветераны все вместе, в одной избе. Рядышком сели следопыты, приехавшие из Минска, из 130-й школы. И пошла по рукам фотокопия записки, обнаруженной в гильзе. Подпись на ней никак нельзя было разобрать: одна первая буква «В» написана отчетливо. По почерку узнал один из ветеранов, Игнатий Игнатьевич Бородич, своего старого школьного товарища: «Это писал Алексей Валюк...»

Вот и еще одно имя стало известно. Воевал боец в 13-й армии. Летом 1941 года гитлеровцы возвели понтонную переправу через Березину, они рвались к шоссе Минск — Могилев. Здесь-то и сражалась до последнего горстка советских солдат.

● Сколько друзей у толбухинцев?

Прошло десять лет с тех пор, как члены клуба интернациональной дружбы школы имени Димитра Ганева в болгарском городе Толбухине читали самые первые письма Героя Советского Союза Алексея Маресьева. С тех пор круг советских друзей у КИДа очень расширился: семнадцать клубов-побратимов из одиннадцати республик нашей страны пишут болгарским ребятам.

Из письма в газете «Работническо дело» узнали толбухинские следопыты имя бывшего бойца 3-го Украинского фронта Николая Михайловича Зайцева. Написали ему. Оказывается, в 1944 году Н. М. Зайцев был адьютантом первого коменданта в освобожденном Добриче (старое название города). Съездили болгарские ребята в Ленинград в гости к бывшему солдату. И познакомились через него с множеством интересных людей. Новые витрины появились в школьном музее.

В клубе есть секция: корреспондентов, переводчиков, коллекционеров. Ребята из Толбухина будут рады и новым друзьям. Вот их адрес: Болгария, г. Толбухин, школа имени Димитра Ганева, КИД имени М. Горького.

ВРЕМЯИЗМЕНЯТЕЛЬ

Михаил
ВЕЛЛЕР

Рисунки
А. Банных

До начала кино оставалось пятнадцать минут, и мы с Витькой стали ждать в фойе. Когда ждешь, время всегда долго тянется... Вдруг Витька вытаскивает из кармана будильник и говорит:

— Каждый знает, что время идет то быстрее, то медленнее. А раз его скорость изменяется, на нее можно воздействовать. Вот я времяизменятель сделал, проверим, как действует...

Покрутил он что-то, запыхтев от натуги, дернул,— и тут из будильника, то есть времяизменятеля, со звяканьем что-то как вылетит вверх! Дзинь-блям! тррах! — и посыпались стекла лампочки.

— Ты смотри, как сильно действует! — говорит Витька. — Со световым эффектом!

Я не понял, почему разбить лампочку называется световым эффектом, но вообще эффект был сильный. Кругом все загомонили и стали на нас показывать.

Подходит билетерша и берет Витьку крепко за руку.

— Это ты, — спрашивает, — лампочку разбил?

— Я... я думаю, — отвечает Витька, — что когда заработал времяизменятель, она не выдержала ускорения. Может, она от старости лопнула, раз время быстро пошло!

Все в фойе засмеялись, а билетерша молча повела Витьку к двери с табличкой «Администратор». Мне страшновато стало, но и я следом

пошел. Несправедливо же: время-то он ускорил для всех, а влетит ему одному.

Администратор поправляет очки, кашляет басом и спрашивает:

— Ну? Нахулиганили?

— Витька, — шепчу, — убыстри еще, а? Чтоб поскорей это кончилось... — А администратору объясняю поспешно: — Он, то есть Петухов Виктор, изобретатель. Вот изобрел времяизменятель. Чтоб ждать кино недолго. А кино чтоб подольше шло.

Витька в доказательство показывает ему бывший будильник и начинает действие объяснять.

Администратор странно так лицом подергал и говорит:

— Я в таких сложных приборах плохо разбираюсь. Это не по моей специальности. Но вы... вы не очень изменяйте время в кино, а то придут ребята на следующий сеанс и прождут до вечера. Или вдруг еще экран лопнет от вашего замедления времени. А теперь идите скорей в зал, фильм уже начинается.

Бежим в зал, Витька торжествует:

— Видал! Было пятнадцать минут, а прошли они минуты за полторы! Мигом пролетели! Действует!..

Вот только полтора часа в кино тоже мигом пролетели, минут, наверно, за десять. Витька говорит, что он в темноте никак не смог деления рассмотреть, чтоб времяизменятель правильно включить.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ КУРЬЕЗЫ

**Валентин
ШУМОВ**

Издание для миллионеров

В 1911 году одно американское издательство выпустило полное собрание сочинений Диккенса. Текст был напечатан на пергаменте, каждая страница книги украшена рамками, концовками и миниатюрами в средневековом стиле. Переплеты были изготовлены из дорогой кожи с золотыми украшениями. Стоило это издание — 150 томов — 280 тысяч долларов!

Роман-рубашка

Некий предприимчивый американец в начале нынешнего века изобрел новый тип мужских рубашек, у которых манишка состояла из семи бумажных листов. На задней стороне листа был напечатан роман, передняя, чистая, служила манишкой. Рубашки были нумерованы, так что читатель знал, где ему искать продолжение романа. Печатный материал был распределен так, что каждый мужчина, купивший две рубашки, имел в своем распоряжении целый роман. Владелец рубашки, меняя манишки ежедневно, получал на всю неделю занимательное чтение. На таких бумажных манишках, конечно, печатались только увлекательные романы с приключениями.

Первый путеводитель по Москве

Эта книжка называлась так: «Путеводитель в Москве Изданный Сергеем Глинкою сообразно французскому подлиннику г. Леконта де Лаво, с некоторыми пересочинениями и дополненными статьями. Москва. В типографии Августа Семена, при императорской медико-хирургической академии. 1824».

Итак, первый путеводитель по Москве, как ни странно, был составлен французом. Им заинтересовался известный русский писатель Сергей Николаевич Глинка. Труд Лаво, написанный для французов, С. Н. Глин-

ка постарался приспособить для русских читателей, устранив многие курьезные ошибки автора, прибавив к нему «присочиненные» статьи. Глинкою же на титульном листе был поставлен эпиграф из стихотворения И. И. Дмитриева: «Что матушки Москвы и краше и милее!»

Путеводитель Глинки — Лаво имел большой успех, но не как справочник, потребность в котором тогда почти не ощущалась, а просто как описание старинной русской столицы и ее достопримечательностей.

Уже вскоре после выхода в свет эта книжка стала библиографической редкостью, так как была издана весьма ограниченным тиражом.

Сие от него не зависело...

Умерший в 1916 году в Киеве некий полковник Чернецкий завещал 1200 рублей на выдачу премии за лучшее сочинение на тему «Необходимость труда для счастья». Причем в этом сочинении должна быть научно доказана «беспочвенность социалистических учений».

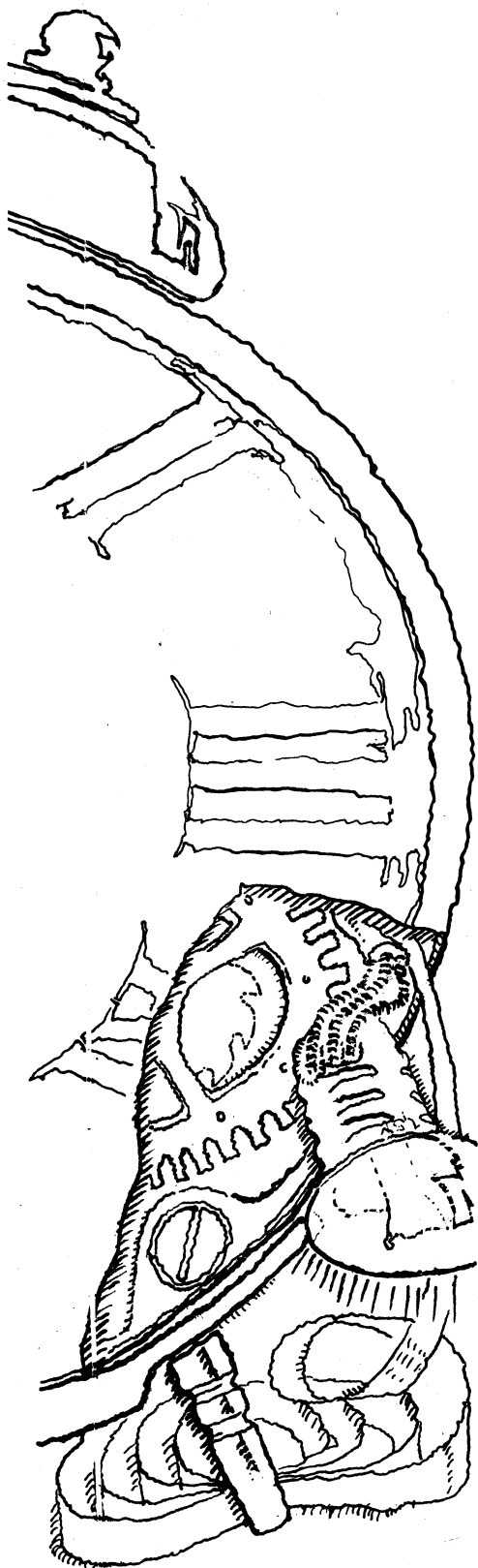
Премия должна была присуждаться комиссия в составе представителей министерства народного просвещения, академии наук и святейшего синода.

Вполне возможно, что соискатели нашлись бы, да не успели — разразившаяся в следующем году революция весомо подтвердила великую жизнеспособность социалистического учения.

Завещание Аракчеева

Небезызвестный временщик А. А. Аракчеев в 1833 году завещал Академии наук 50 тысяч рублей для присуждения в 1925 году премии автору лучшего произведения по истории царствования Александра I — к 100-летию со дня его смерти.

Конкурс не состоялся по независящим от потомков Аракчеева причинам.

Пять дней на обучение

Резкий скрип тормозов, рев двигателей каждый день разносятся с автодрома в окрестностях швейцарского городка Линьер. И многие, кто с улыбкой наблюдает за новичками, старающимися укротить «взбунтовавшиеся» машины, обращают внимание на отсутствие инструкторов. Именно в этом и заключается существо метода обучения искусству вождения, который предлагает своим подопечным владелец автошколы Ф. Випф.

Срок обучения в школе ровно пять дней. Оно начинается с часового инструктажа по управлению автомобилем. После этого новичок остается один на один с машиной. Перед ним открывается полутораклометровая трасса автодрома, изобилующая крутыми поворотами, спусками и подъемами. Обочины предусмотрительно ограждены мощным «забором» из старых шин. Инструктора в машине нет, поэтому, как пояснил Ф. Випф, обучаемый должен рассчитывать лишь на себя в поисках выхода из разного рода сложных ситуаций. Подобный метод заставляет его уже с самых первых «автошагов» быть крайне осторожным.

На заключительном этапе пятидневного обучения идет «обкатка» будущего водителя на улицах города и на сельских дорогах. При этом используется традиционный метод — автомобиль с дублированным управлением и инструктором. Курс завершается 2-часовым экзаменом. Примечательно, что, несмотря на его сложность, провалившихся практически нет.

А. ИВАНОВ

Квартиры обогреет атом

Атомная ТЭЦ будет столь же безопасной, как и обычная котельная. Одна такая ТЭЦ, сооружение которой началось недавно близ Одессы, не только снабдит теплом, горячей водой жилые районы и промышленные предприятия города, но и даст ток в Единую Государственную Энергосистему. Она — самая крупная атомная теплоэлектроцентраль СССР — позволит одесситам избавиться от 450 мелких котельных, сжигающих ежегодно до двух миллионов тонн дефицитного органического топлива и выбрасывающих в атмосферу на городские кварталы почти 35 тысяч тонн золы.

На одесской атомной ТЭЦ смонтируют два реактора и четыре теплофикационные турбины по 0,5 миллиона киловатт (турбины разрабатывают уральские конструкторы). Вода от ТЭЦ, разогретая до 145 градусов, пойдет по транзитным тепловым сетям к насосным станциям и так называемым «пиковым котельным», от них — непосредственно к потребителям. Все основное оборудование атомной ТЭЦ, ее вспомогательные системы будут «спрятаны» в специальные железобетонные оболочки. Они предотвратят загрязнение окружающей среды радиоактивными веществами.

Крупнейшая атомная ТЭЦ СССР начнет действовать уже в 1985 году.

А. ДАНИЛОВ

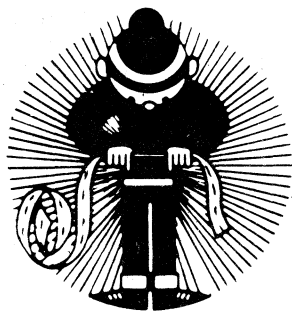
Русская выхухоль

В пойме Клязьмы создан республиканский заказник выхухоли. Это второе в нашей стране заповедное место, где охраняется редкий зверек.

Ни один зоопарк в мире не имеет русскую выхухоль — «живого ископаемого», как называют ее. У выхухоли мягкий пушистый мех красивой темно-бурой окраски на спине и серебристой на брюшке. Небольшой по размерам — всего двадцать сантиметров — зверек ведет подводный образ жизни.

В 1920 году промысел выхухоли был запрещен. В настоящее время выхухоль занесена в «Красную книгу».

Б. БОРИСОВ

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

Чухломское

ДИВО

Эта уникальная карасиная особь водится только в Чухломском озере, что в Костромской области, и отличается от прочих сородичей отменными вкусовыми качествами и гигантскими размерами. Бывали случаи, когда местные рыбаки вылавливали здесь карасей весом более шести килограммов.

Ихтиологи пробовали заселить молодь чухломского карася соседние водоемы, но из мальков золотого гиганта вырастали обычные серебристые карасики. Оказывается, не тот был планктон в карасином меню других водоемов!

К сожалению, Чухломское озеро относится к числу умирающих — оно интенсивно заболачивается. Зимние заморы рыбы из-за недостатка кислорода почти на нет свели поголовье чухломского карася. Чтобы спасти уникальную особь, ученые разработали проект реконструкции Чухломского озера. Сейчас здесь создается первый в стране карасевый питомник площадью в 17,5 гектара с комплексом прудов различного назначения — нерестовых, нагульных, зимовальных... Земснаряд расчищает от водорослей и ила устья впадающих рек, углубляет дно водоема. Чтобы защитить озеро от заболачивания, в соседи к карасям — озерным старожилкам — люди подсают травоядные породы рыб — толстолобика, белого амура.

В. ПАШИН

На пароходе...

Знаменитый русский инженер, изобретатель, создатель метода дуговой электросварки металлов Н. Г. Славянов жил и трудился на Урале — на Омутнинском и Мотовилихинском заводах. Петербургский горный институт он закончил в 1877 году. Кстати, однокурсником его и первым институтским другом был Н. Гаршин — известный русский писатель.

В 1883 году Н. Г. Славянов с женой и дочерью совершил поездку на небольшом пароходе по Каме. С ним были земский врач В. С. Санетин, инженеры П. И. Бочаров и Н. А. Андреев — все известные на Урале люди.

На снимке: Н. Г. Славянов (крайний слева, в форменной фуражке) и его друзья на палубе парохода. Снимок публикуется впервые.

Первый книжный магазин

Книжная торговля зародилась в России при Петре I. В 1713 году в Петербурге был построен так называемый Гостиный двор. В нем и появилась первая книжная лавка, где продавались печатные указы, азбуки учебные (шесть денег каждая), «Считание удобное», то есть таблица умножения (по пять алтын), а также календарь Брюса, ко-

торый публика покупала очень охотно, — в нем были предсказания. И тогда уже были издания, подолгу залежавшиеся на полках. К ним, в частности, относилась книга «Разговоры на голландском и русском языках».

Книжная лавка в Гостином дворе была единственной в России до 1760 года. Затем появилась «Им-

ператорская книжная лавка», владельцем которой был предприимчивый торговец Вейтбрехт. К концу XIX века имелось более десятка книжных магазинов, причем в большинстве русских купцов — Ивана Глазунова, Тимофея Полежаева, Василия Сопикова, Василия Плавильщикова...

В. ШУМОВ

Река Чусовая. Камень Винокуренный.

В сорока километрах от Коуровской турбазы, удивившись о высокий левый берег, река Чусовая отпрянула широким плесом к деревеньке Курья. Здесь на пути ее встал седыми скалами-богатырями боец Винокуренный. Там, где сверху по трещинам струятся потоки талой и дождевой воды, скалы синева-серые, замшелые, а в неглубоких нишах, отбеленных солнцем, кажутся желтовато-розовыми. Местами неприступные нагромождения обросли шапками кустарников: обхватив глыбы известняка, сплелись и повисли над бездной цепкие корни сосен и елей.

Когда-то эти глухие места облюбовали для пристанища раскольники-староверы. Говорят, на самом камне и

в окрестностях «вольные» старцы основали скиты, на месте которых со временем выросли деревни. По преданию, на Винокуренном были даже вырублены подземные кельи, был тайный винокуренный завод, где отступники скрывались от стражи и набегов кочевников...

На вершинах каменных утесов природа создала несколько дозорных площадок. Сверху открываются поля правобережья, излучина реки, виднеются домики Курьи, а на севере поднимается зеленая вершина самой высокой в этих местах горы Сабик. Гора Сабик так же, как и камень Винокуренный, является геолого-ботаническим памятником природы.

Фото и текст В. Ветлугина